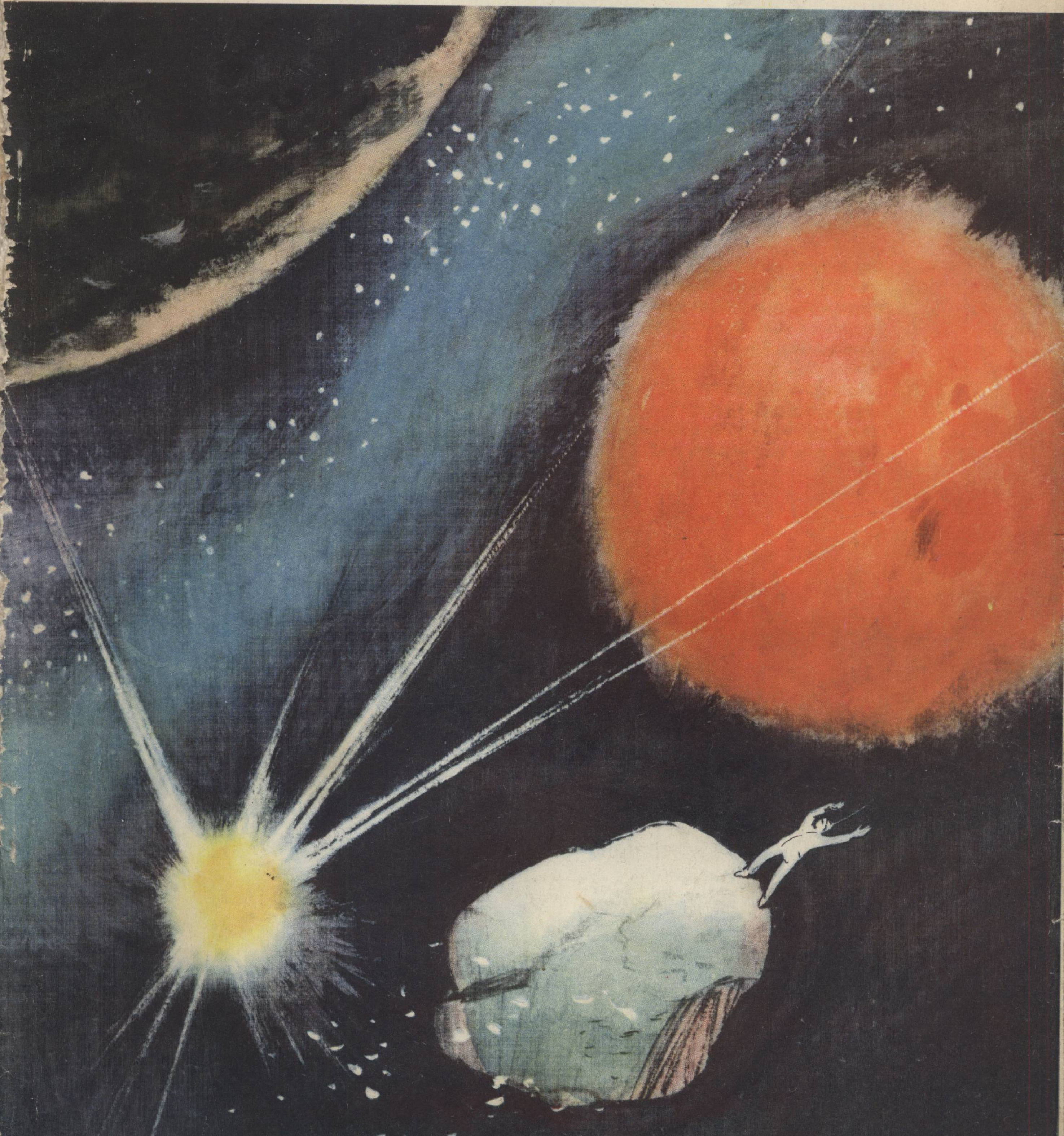
ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

10

КРЕЙСЕР «АВРОРА»

В. ТОВАРКОВ

Почему!
Ответ найдешь не скоро.
Может, в ожиданье
Октября
Имя дали крейсеру —
«АВРОРА».
Это значит — ясная заря.
Этот крейсер возвестил начало
Новой, лучшей жизни на земле...
Вот сейчас стоит он у причала,
Грозно-ясный в предрассветной мгле.
Только нет...
Он не стоит, он с нами
Неустанно движется вперед.
Этот крейсер вечно под парами,
Никогда он не замедлит ход!

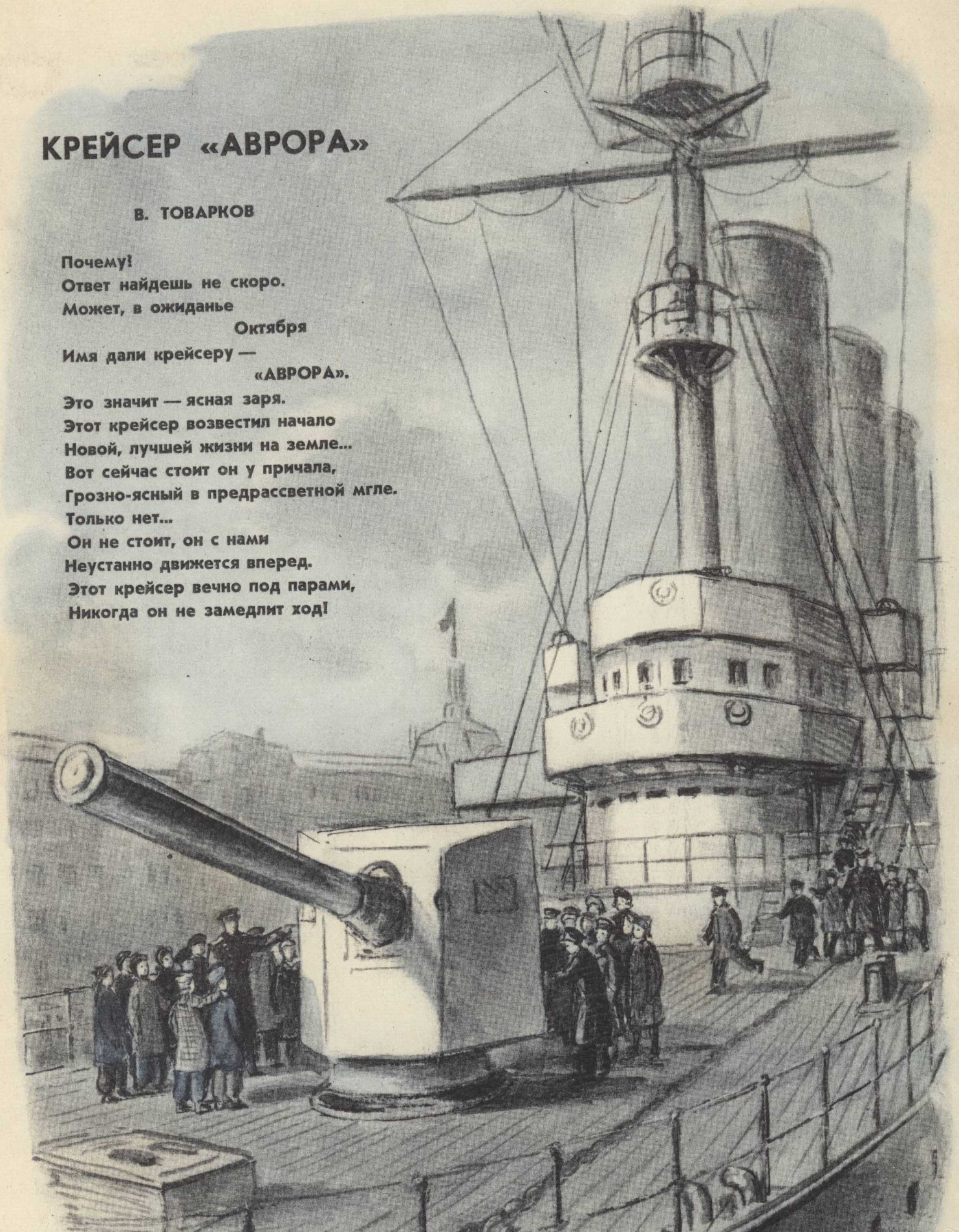

Рисунок Л. Тараканова.

ПИОНЕР

ВСЕГДА ГОТОВ!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

№ 10

ОКТЯБРЬ

1957

В этом номере:

На обложке:
рисунок Ф. Лемкуля
к научно-фантастическому роману
«Звездный человек».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАССКАЗЫ О СКРОМНЫХ ПОДВИГАХ

М. КОРШУНОВ

Рисунки О. Рево.

ВЕДРО КАРТОШКИ

1

Каждую субботу в городе Славянске появлялись прокламации, отпечатанные на грубой пеньковой бумаге.

В прокламациях от имени подпольщиков-революционеров сообщалось о всех несправедливостях и беззакониях, учиняемых властями над жителями.

Полицейские давно уже разыскивали, где скрывается типография, в которой подпольщики печатают прокламации.

Начальник полиции Лев Потапович Гримайло каждую субботу утром собирал в своем кабинете подчиненных и, размахивая перед их носами строгим указательным пальцем, говорил:

— Гэть, по всем улочкам и переулочкам! Найдите, где выпускают ту печатную крамолу!

И полицейские, пугая кошек и собак, шныряли по всем улочкам и переулочкам. Они заглядывали в калитки и подворотни. Лазили по чердакам и сараям. Разбирали дрова, сложенные на зиму в поленницы. Всовывали головы в сырые колодцы и горячие дымоходы, все искали, где выпускают ту печатную крамолу.

А вечером, усталые и отупевшие, в паутине, с перепачканными сажей коленями, являлись перед начальником и рапортовали:

— Никак нет! Не обнаружены!

Лев Потапович Гримайло сидел в дубовом кресле зеленый от злости, потому что перед ним лежала свежая прокламация, которую крамольники уже успели отпечатать и распространить по городу.

2

В центре города, возле коновязи и водокачки, стояла сапожная мастерская.

На фанерной вывеске рукой умельца-самоучки была нарисована ворона. В кривом клюве ворона держала за матерчатое ушко черный сапог: заходи любой прохожий, и тебе здесь починят башмаки и сапоги.

В парусиновых фартуках, на низеньких табуретках сидели сапожники и стучали молотками, приколачивая к башмакам кленовыми шпильками набойки и подметки.

Иногда сапожники стучали особенно громко, потому что в это время в подвале мастерской, там, где лежали деревянные колодки, старая обувь, мешки с обрезками кожи и войлока, работал маленький печатный станок.

Грубая пеньковая бумага накладывалась на шрифт типографского набора, прокатывалась сверху резиновым валиком, и когда бумагу снимали с набора, это была уже не просто бумага, а прокламация. Ее читали и передавали друг другу сотни людей, прятали от полиции, за нее шли в тюрьмы и в ссылку.

Прежде чем набрать для машины текст прокламации, сапожники ждали, когда дощатая дверь мастерской, брякнув пыльным колокольцем, широко распахнется и войдет Арина в белой накрахмаленной косынке, в сарафанчике, в стеклянных бусах, с перекинутыми через плечо мужскими сапогами.

— День добрый, хлопцы-чеботарники! — говорила Арина по-украински певуче.

— Здравствуй, дивчина захожая,— отвечал старший из сапожников, Филат Шатохин.

— Чеботы до ремонта возьмете?

— Возьмем.

И Шатохин принимал от Арины сапоги, разглядывал их, покачивал головой.

— Пообносились...

— Батька говорит, что еще дюже крепкие!

Филат Шатохин улыбался, весело подмигивал Арине и уходил в подвал.

Арина была связной из соседнего подпольного центра на содовом заводе. Разговор насчет батькиных сапог был условным. Он означал, что у них на содовом заводе все в порядке, «дюже крепко», а в сапогах в промасленной вощанке лежал шрифт. Шрифт был один и для содового завода и для сапожной мастерской, поэтому его приходилось пересылать друг другу.

3

В этот день в мастерской долго ждали Арину со старыми батькиными чеботами, но она не пришла.

На следующий день Арина тоже не пришла, а явился новый связной, который рассказал, что Арину задержали полицейские.

Случилось это на мосту через Донец.

Полицейские останавливали всех, кто направлялся в город, и обыскивали. Захотели они обыскать и Арину. Тогда она сделала вид, что испугалась, и случайно уронила сапоги в воду.

Полицейские решили достать сапоги, услужить Арине: девушка она была видная, красивая.

Сапоги они достали, но вместе с сапогами достали и шрифт, который, правда, успел из сапог вывалиться.

Арина тут же заявила, что о шрифте не имеет никакого понятия: мало ли что на дне речки валяется?.. Ей про это почем известно!

Арину все-таки задержали и отправили в участок для выяснения личности.

На свидание к Арине пришла сестра. Через сестру Арина и передала товарищам на завод, как было дело.

Так что шрифт пропал. И теперь нужно ждать, когда из партийного центра пришлют новый. Арина же от полицейских, возможно, открутится, потому что прямых доказательств ее вины у них нет да и у администрации завода она на хорошем счету.

Филат Шатохин выслушал все это и призадумался. Призадумались и его друзья-сапожники. Они понимали, что начальник полиции будет торжествовать победу: шрифт у него, и прокламации исчезнут. Тем более сегодня суббота. И Арину надо поскорее вызволить из участка. А для этого лучше всего, чтобы в городе вновь появились прокламации.

Лев Потапович Гримайло действительно торжествовал: шрифт был конфискован, и не видать теперь горожанам коммунистических прокламаций. Пусть думают, что подпольщики обнаружены и заперты в тюрьму.

Но Филат Шатохин был опытным революционером. Он сказал загрустившим друзьям:

— Пусть кто-нибудь сбегает на базар и купит ведро картошки.

— А на что картошка? — не поняли друзья.

— Будем точить шрифт.

— Шрифт?

— Да. Шрифт из картошки.

Сбегали на базар и принесли ведро картошки. Потом уселись на свои низенькие табуретки и острыми сапожными ножами принялись точить шрифт.

Каждому Филат Шатохин поручил вырезать по нескольку букв, которые размером должны были соответствовать прежним буквам — литерам шрифта.

Все утро мастерская была занята выделкой литер из картофеля. У кого сразу не получалось ровно и аккуратно, Шатохин браковал и заставлял переделывать.

Когда литеры были наконец вырезаны, их вынесли на солнце подсушить.

И вскоре сапожники опять особенно громко застучали молотками, потому что в подвале начала работать печатная машина.

Прокламации удались на славу, будто их печатали не картофельным шрифтом, а настоящим, свинцовым.

4

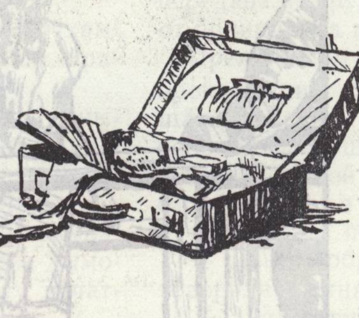
В субботу вечером Лев Потапович Гримайло сидел в дубовом кресле опять зеленый от злости, а перед ним на столе лежала свежая прокламация.

Растерянные и примолкшие подчиненные застыли в кабинете.

— А-а! — рычал Лев Потапович.— Это что? Что такое?! — И он сунул под нос полицейским прокламацию.— Привели ко мне какую-то девчонку со старыми сапогами и решили, что крамольники обнаружены! А-а!

Полицейские от страха побледнели, а Лев Потапович позеленел от злости еще больше.

ТАК НАДО

Генерал Деникин двигался к Москве.

В городе Негребецке, в котором находился штаб его армии, стояли отборные офицерские полки, бронированные мотовагоны, танки, аэропланы для разведки.

Почти ежедневно в центре города перед собором совершались пышные молебны.

Молебны должны были помочь Деникину изгнать из Москвы большевиков.

Среди народа, который стекался к собору поглядеть на очередной молебен, можно было видеть высокую красивую женщину в кружевных перчатках и в модной прозрачной накидке.

За руку женщина держала маленького мальчика в бархатной куртке и в коротких штанах.

Казалось, что женщина слушает призывы духовенства. Но она их не слушала. Она отыскивала глазами знакомого всадника в погонах вахмистра.

Вот нашла.

Вахмистр тоже ее заметил и медленно провел рукой по волосам.

Женщина в ответ слегка кивнула и, не дождавшись конца молебна, покинула вместе с мальчиком соборную площадь.

Вахмистр был членом большевистской партии и в армии Деникина служил по специальному заданию ревкома Южного фронта.

Женщину в кружевных перчатках и в прозрачной накидке звали Верой Александровной. Она тоже была членом большевистской партии и тоже выполняла задание ревкома.

А мальчик в бархатной куртке и в коротких штанишках был ее сын. Звали его Юрашей.

После встречи на соборной площади Вера Александровна знала, что в подвале бакалейной лавки братьев Леваковских вахмистр приготовил для нее бомбы, в знак чего он и провел рукой по волосам.

Бомбы вахмистр доставал на складах Деникина.

Их необходимо было переправлять в глубокий тыл белой армии, в город Нижний Валуйск, для диверсионного отряда Красной Гвардии.

Бомбы переправляла Вера Александровна.

* * *

Поезд в Нижний Валуйск отходил ночью.

Вокзал был переполнен военными, штатскими и разными беженцами с картонками и саквояжами.

Вера Александровна поднялась с Юрашей в жесткий вагон. В одной руке она несла перетянутый ремнями детский матрац, а в другой — небольшой чемодан.

В вагоне, в зачерненных копотью фонарях, свечи горели слабо. В пробитые пулями стекла задувал ветер.

Вера Александровна отыскала свободную верхнюю полку, постелила на ней матрац и уложила сына.

— Спи, Юраша.

А сама устроилась внизу у окна.

Свечи в фонарях вздрогнули, поезд тронулся и, разбрасывая искры, пошел в ночь.

Вскоре в тамбуре застучали двери и послышались повелительные голоса: поезд обходил военный патруль.

Когда патруль приблизился к окну, где сидела Вера Александровна, она даже не пошевельнулась.

— Ваши документы? — обратился к ней офицер и при виде богато одетой дамы взял под козырек.

— Извольте,— равнодушно ответила Вера Александровна, расстегнула замшевую сумочку и достала паспорт.

Офицер при свете карманного фонарика проверил паспорт и вежливо потребовал:

— Откройте, пожалуйста, чемодан.

Вера Александровна пренебрежительно пожала плечами и открыла.

Офицер подозвал солдата, и тот осмотрел содержимое: коробочки с помадой, веер, щетки для волос, парижский журнал мод.

Офицер перевел луч фонаря на верхнюю полку.

— Это мой сын. Ребенок устал. Спит.

— Извините, мадам, за беспокойство.

Офицер опять козырнул, и патруль удалился.

Вера Александровна снова повернулась к окну, задумалась о своем.

Ей показалось, что в луче фонаря ресницы Юраши едва вздрогнули. Неужели он не спал? Неужели он догадывается, что по краям матраца зашиты бомбы?

Но это единственный способ их провозить. Детский матрац и спящий на нем ребенок, сын богато одетой дамы, которая возит с собой всякую чепуху — помаду, веера, журналы мод,— никогда не вызывают подозрений.

— Мама,— услыхала она шепот сына.

Значит, все-таки не спал!

Юраша осторожно слез с верхней полки и сел рядом с матерью.

— Ты почему не спишь? — спросила его Вера Александровна.

Юраша помолчал, а потом тихо, чтобы никто не услышал, ответил:

— Мама, я устал спать на бомбах...

Вера Александровна растерялась. Она не знала, что ответить. Она была матерью, и она любила своего сына.

Юраша заглянул ей в лицо и сказал:

— Но я буду спать. Я понимаю: так надо.

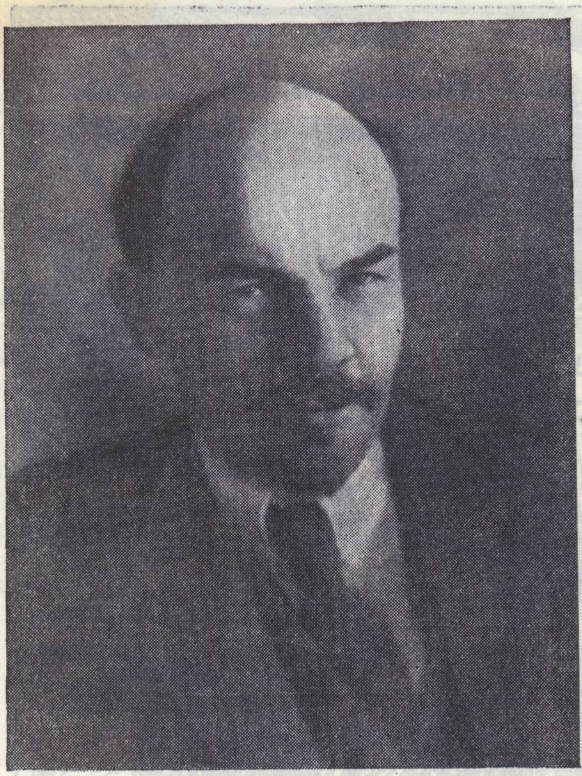
Вера Александровна обняла сына и прижала к себе.

— Да, Юраша, так надо, милый.

— И то, что мы с тобой вроде богатые, тоже так надо, мама?

— Да, Юраша, тоже так надо.

КАК ЭТО БЫЛО
ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДНЕЙ

Владимир Ильич Ленин.

БОЛЬШЕВИКИ ГОТОВЯТ ВОССТАНИЕ

Ленин приехал в Петроград 20 октября 1917 года.

На станции Удельная поезд окружили юнкера. Пока они искали среди пассажиров Ленина, машинист отцепил паровоз и откатил его подальше от состава. С паровоза спрыгнул человек и зашагал к городу.

Это был Ленин. Скрываясь от шпионов Временного правительства, он приехал из Выборга под видом кочегара на паровозе.

Пешком он отправился в Петроград. На Выборгской стороне для него была уже приготовлена партией секретная квартира.

Большевики готовили вооруженное восстание народа против правительства буржуазии. И Ленин был особенно необходим теперь в Петрограде.

По всей стране по зову большевиков народ готовился к борьбе против Временного правительства. Вооружились и рабочие Читы.

Неспокойно было и в деревнях. Здесь на рисунке П. Васильева вы видите типичную сцену того времени. Агитатор - большевик поднимает крестьян против помещиков. И крестьяне идут отбирать землю. Временное правительство не могло усмирить крестьян никакими карательными экспедициями. В деревни посылали кавалерию и даже броневики. И все-таки с мест сообщали: «Никакие команды совершенно непригодны: так, в Казанской губернии, в Козьмодемьянском уезде, при выступлении женщин солдаты разбежались».

Дело было в том, что солдаты встали на сторону революции. Несмотря на все трудности, большевистские газеты проникали в действующую армию. Сильное впечатление производили на солдат речи и статьи В. И. Ленина. Вот одно из писем с фронта:

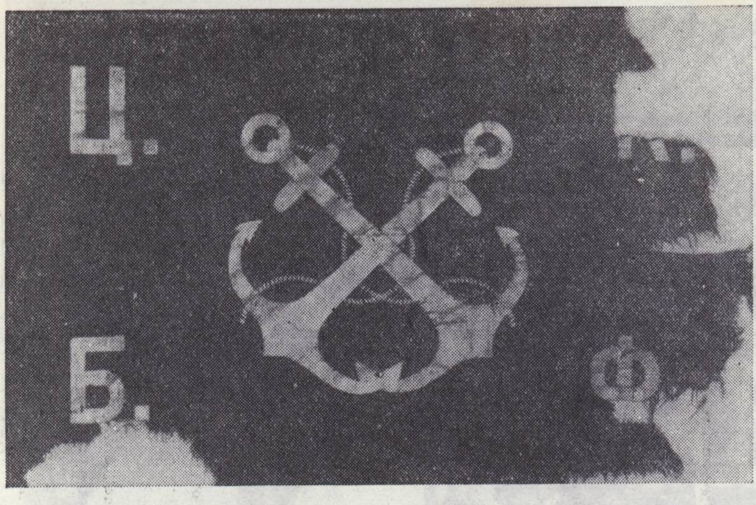
«В особенности благодарю за речь т. Ленина, о которой я так жаждал и страдал. Теперь же я, в свою очередь, с этой речью т. Ленина знакомлю товарищей солдат».

Возглас «Да здравствуют товарищи большевики!» все чаще раздавался на солдатских митингах.

И солдаты, и крестьяне, и рабочие выбирали в Советы большевиков.

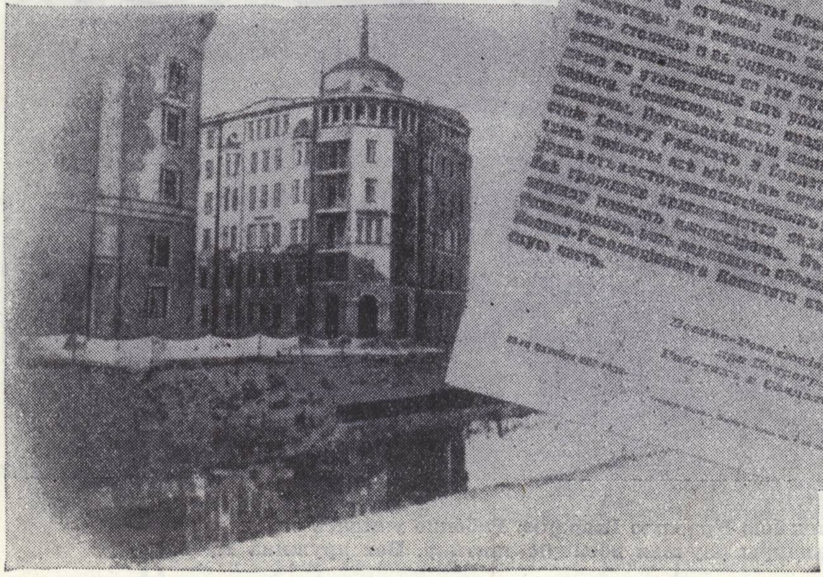
Большевики готовили к бою Красную Гвардию. Рабочие учились стрелять. Красногвардейские командиры изучали военную тактику. Вот дружина Путиловского завода.

Прочной опорой большевиков были моряки Балтийского флота. Они заявили Керенскому: «Тебе же, предавшему революцию Бонапарту-Керенскому, шлем проклятье. Мы все, как один, сложим свои головы на баррикадах в борьбе за свободу и волю». Вы видите здесь простреленное в боях знамя героического Центробалта.

Через три дня после приезда Ленина состоялось заседание ЦК партии. На этом заседании Владимир Ильич поставил вопрос о немедленном восстании. Как полководец, он точно взвесил все силы революционной армии, показал, как их распределить, как добиться победы.

ЦК принял предложение Ленина. Это историческое заседание было в доме № 32 на набережной реки Карповки, который вы видите внизу на снимке.

По решению ЦК большевиков был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете. Председателем его стал Н. И. Подвойский. ВРК должен был выполнить план восстания, который разработал В. И. Ленин. Руководящим ядром ВРК был партийный центр, избранный на заседании ЦК 29(16) октября, из пяти человек: А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и М. С. Урицкий.

ВРК назначил во все петроградские воинские части и на военные корабли своих комиссаров. Приказ об'этом вы видите на снимке внизу. Комиссары создали боевые отряды революционных солдат. ВРК вызвал в Смольный представителей всех петроградских полков и договорился, что полки откажутся выполнять распоряжения Временного правительства и будут подчиняться только ВРК.

На митингах рабочие Петрограда, матросы и солдаты клялись выступить по первому зову ВРК. Уже никакая сила не могла остановить восстания.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ населенію Петрограда.

Къ свѣдѣнію Рабочихъ, Солдатъ и всѣхъ гражданъ Петрограда объявляемъ:

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

Ю. НОВИКОВА

Рисунки В. Каменского.

Пионерка Валя Семенкова прислала нам письмо с вопросом, о каком герое говорится в ее любимой песне «Орленок». В той самой, где поется:

Орленок, орленок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет,
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

«Кто такой «Орленок», где, когда и с кем велась борьба, в которой он участвовал?» — спрашивает Валя.

I

Борьба, о которой ты спрашиваешь, велась на нашей земле, Валя. Было это в Семнадцатом, Восемнадцатом, Девятнадцатом, Двадцатом. Это такие годы, что их названия хочется писать с большой буквы.

А с кем велась борьба, пожалуй, сразу и не перечислишь. На победившую революцию ополчились бесчисленные враги. Шел на нас Юденич, Колчак, Деникин, Махно, Григорьев, Врангель — черный барон... Шли немецкие, французские, английские, американские и многие другие захватчики. И с особой жадностью тянулись их руки к нашим южным областям, к плодоносной Украине, как раз к тем местам, где в одной из станиц родился, согласно песне, Орленок.

Защищаясь, народ напрягал все силы, и в бой шли молодые, очень молодые, немногим старше тебя, Валя... Сейчас у меня в руках одна из красногвардейских газет того времени. Живое чувство пробивается сквозь неуклюжие фразы.

«Особенно с волнением приходится наблюдать, — пишет красногвардеец, видно, не так уж давно овладевший грамотой,— когда среди бойцов были группы юношей-бойцов тринадцати — шестнадцати лет, сынов рабочих, которые организовывали свой революционный отряд...»

Такие отряды и боевые дружины рождались тогда в самых различных городах и областях. В них вступали безусые пареньки и девушки, впервые взявшие винтовку.

«Представьте себе подростков — худеньких, щуплых, иногда совсем малого роста...— рассказывал нам недавно один из бывших дружинников.— И вот в семнадцатом году мы захватили полицейский участок и вооружились берданками чуть ли не наполеоновских времен. Должно быть, мы были очень смешны тогда — мальчишки с непомерно длинными ружьями. Но почему-то, глядя на нас, никто не смеялся. А мы были преисполнены гордости... И ведь с этими самыми берданками мы выбили казаков из казарм и тут же овладели настоящим оружием. Мы мужали от боя к бою. Прошел год — дру-

гой, и неловкие подростки,— конечно, те, кто остался в живых, — стали настоящими воинами, орлятами».

Один из таких юношей-воинов и описан в твоей любимой песне, Валя. Перелистаем вместе с тобой славную историю тех лет — и перед нами один за другим возникнут образы юных храбрецов... Который из них Орленок, герой песни?

II

Трудно представить себе образ человека, если сам человек стремился быть как можно неприметнее. Ведь искусство подпольщика и заключается в том, чтобы не бросаться в глаза, а бóльшая часть короткой жизни Миши Ратманского прошла в подполье. Только в минуты решительных схваток он выступал вперед, и тогда пламя боя на мгновение озаряло его лицо — решительное, гордое и немного грустное.

Эта грусть — в глазах и около губ — осталась, должно быть, еще с той поры, когда Миша был «мальчиком». Мы ставим это слово в кавычки, потому что в те времена на фабриках слово «мальчик» имело особый смысл. С ним случилось тогда примерно то же, что с гордым словом «человек»...

«Эй, человек!» — презрительно подзывали официанта в ресторане посетители.

«Эй, мальчик!» — кричали в мастерских...

«Мальчик» был самым униженным и самым бесправным даже среди униженных и бесправных русских рабочих.

Киев... Нарядный, зеленый Киев. Белыми пирамидками цветут каштаны, и дворник, позевывая, подметает улицу. Еще очень рано. Киев спит.

Нет, не весь Киев спит. На Подоле, рабочей окраине, движутся по улицам темные фигурки. Это идут на фабрику «мальчики», ученики.

Идти далеко, а трамвай не по карману: восемь копеек. Откуда их возьмешь, если тебе дают двадцать копеек раз в неделю, по воскресеньям! Именно дают, а не платят: «мальчик» обязан первый год работать на фабрике бесплатно. Субботние двугривенные, «шабашные»,— нечто вроде милостыни, это не жалованье. А впрочем, что такое жалованье, если вдумываться в смысл слов?.. Милостыня, которую «жалует» хозяин.

«Мальчики» идут по рабочим районам разных городов: по николаевской Слободке, по одесской Пересыпи... Улицы спят.

В Киеве по Подолу идет худенький черноглазый мальчик — Миша Ратманский.

Сведения о Мишином отрочестве скупы. Но о том, как оно шло, можно догадаться, зная судьбы других «мальчиков». Тот же подвал, тот же плач голодных братишек и сестренок и замученные глаза матери... «Ну, где ты опять пропадал?» — спрашивают глаза. Миша с работы редко идет прямо домой. Вдвоем, втроем с товарищами он пересекает город и спускается по крутому обрыву. Там, на глухой «Кукушкиной даче», можно говорить вслух, не боясь шпиков.

Должно быть, здесь ребята и договорились, какие требования нужно предъявить хозяину. Эти «требования», записанные еще детским почерком на серой бумаге, — единственный документ, оставшийся от Мишиной юности. Но этот документ говорит о многом.

Шла война (дело было в 1915 году), дорожали продукты и топливо, «мальчики» были голодны. И все же на первом месте в «требованиях» был поставлен не вопрос о деньгах, об этом говорится позже... Нищие, голодные ребята в первую очередь требовали «человеческого обращения».

Вспомни, Валя, чеховского Ваньку Жукова и представь себе, что Ванька требует — требует, а не просит! — человеческого обращения. Вот как выросло за двадцатилетие сознание рабочих подростков!

Требования надо было предъявить хозяину. На это мог решиться только самый смелый: все понимали, что хозяйский гнев прежде всего обрушится на того, кто подаст дерзкую бумагу. Бумагу подал Миша. И, должно быть, в это самое утро окончательно решилась его судьба, судьба бунтаря, революционера, подпольщика.

Мы не будем рассказывать здесь обо всем Мишином пути, о том, как он собирал киевскую молодежь, как сражался в 1918 году в Арсенале за Советскую власть, как рисковал жизнью в комсомольском подполье... Скажем только, что бескорыстие и отвага Михаила Ратманского поражали даже в те огненные годы, когда юноши и девушки ра-

лись в бой, как на праздник, когда в райкомах бросали жребий, кому оставаться в тылу, и те, кому выпадал этот жребий, чувствовали себя обойденными.

...Это было на одном из комсомольских собраний, но, в сущности, собрание так и не успели открыть. Вместо речи было прочитано сообщение, что банды атамана Зеленого пытаются отрезать Киев, и комсомольцы, молча разобрав стоявшие в углу винтовки, строем промаршировали к штабу полка... А через некоторое время молодежный отряд со знаменами и песнями уже шагал по пыльной дороге к селу Триполье.

Ты, Валя, тоже, наверное, слыхала о Триполье, о героической гибели комсомольцев, предательски захваченных в этом селе... На окраине села Миша Ратманский с группой товарищей долго отражал нападение бандитов. Один за другим падали убитыми друзья, и все было так, как поется в песне: «Навеки умолкли веселые хлопцы»; один на один с врагами остался Миша... А по Днепру спешили на помощь другие орлята, но помощь запоздала.

В револьвере у Миши Ратманского были четыре пули, тремя он убил троих бандитов. Когда же враги окружили его со всех сторон и попытались взять живым в плен, он воскликнул: «Да здравствует Ленин! Да здравствует коммунизм!» — и пустил себе в лоб четвертую пулю. Не самоубийством это было, а уходом от врагов, победой над ними. И хотя в песне «Орленок» говорится о расстреле, а Миша погиб иначе, — слушая эту песню, иной раз думаешь, что она написана о Мише Ратманском, о героях Триполья...

III

А может быть, в ней говорится о другом человеке, о юном герое, имя которого нам не встретится ни в одной книге? Разве мало их, положивших жизнь за революцию, тех, о ком никто не успел написать?.. Об одном из таких орлят рассказывал недавно старый большевик, бывший комсомолец Леонид Ми-

хайлович Гладков, работавший в юности на Николаевском судостроительном заводе... Вот его рассказ:

«Фамилия его была Романов. Вася?.. Кажется, Вася... Мы редко звали друг друга по именам.

Романова мы просто звали Чистильщик. Это была его профессия — уличный чистильщик сапог. Такой веселый, чумазый парнишка. Сидит на Морской, постукивает щетками и напевает... как это?..

Черные почистим!
Белые почистим!
Желтые почистим!
Вот!

С нами, парнями с «Руссуда»,— так назывался до революции наш завод — он. как-то незаметно подружился. Ну, а мы все знали друг друга с самых юных лет: Паша Новиков, Роман Гаврилов, Вася Салтанов... Его убили в боях с немцами, которые захватили тогда наш Николаев. Четверо суток вели мы с ними бой, в этом бою и погиб Салтанов. Ему было тогда лет семнадцать. Пашин брат, Сеня, коммунист, давал нам литературу и учил революционным песням...

В семнадцатом году мы организовали молодежный кружок на заводе.

Тогда между молодыми было много споров. Помню, как на городское собрание в конце семнадцатого явились гимназисты из общества «Просвита». Они хотели, чтобы молодежь занималась самообразованием: мол, подальше от политики. Но мы, молодые рабочие, прогнали гимназистов с собрания. Мы рвались в бой и прямо отсюда пошли записываться в Красную Гвардию...

Однажды Вася вызвался идти на разведку для нашего отряда к белым в тыл.

Чистильщик был еще совсем мальчишкой. Но ему доверяли. Знали, что он смышленый, заметливый и профессия у него подходящая... Кто заподозрит в политике чистильщика сапог? «Белые почистим, черные почистим...» И что с него возьмешь?

Сведения он должен был передать мне. Договорились, что я буду его встречать в определенный день на реке в лодке.

Помнится, был ясный, тихий день, лодка чуть покачивалась. Вася должен был прийти рано утром, но солнце поднялось уже высоко, а его все не было. Я хорошо помню это место: синяя вода, за рекой широко раскинулась степь, а над ней кружит какая-то птица — коршун, должно быть...

Подошел вечер. Я, конечно, досадовал, но как-то не очень беспокоился: ведь это не прогулка, можно и опоздать. И только, когда взошла луна, стало мне почему-то грустно.

Трое суток прождал я. Не пришел мой Вася.

А месяц спустя наш отряд остановился в селе Большая Лепетиха — неподалеку от того места, где я ждал Васю. И тут нам все рассказали крестьяне.

В Лепетихе Васю схватили белые, нашли у него за пазухой бумаги. Били его, пытали, требовали сведений. А потом вывели парня за село и шашкой срубили ему голову.

Я сличил даты. Точно. Он как раз ко мне шел в тот день, и бумаги, которые у него нашли, это он нам нес... И, конечно, его спрашивали, для кого эти бумаги. Он мог бы рассказать белякам обо мне, о том, где я его жду, и этим купить себе жизнь. Потому что я для них был ценнее, чем он, несовершеннолетний парнишка... А он не сказал ничего, хоть его и пытали... И пошел на смерть.

Я побывал на том месте, где его убили. О чем он думал тогда? О доме, о нас, о земле — какая она цветет красивая?.. Не хочется умирать в шестнадцать-то лет! И главное, один он был, без товарищей. Кругом степь, своих никого. Разве что птицы в небе...»

IV

Конечно, мы не можем точно сказать, о чем думал Вася Романов в последние минуты

своей жизни. Но до нас дошли письма других комсомольцев.

Эти письма написаны накануне казни.

В январе 1920 года деникинцы захватили в Одессе семнадцать подпольщиков — комсомольцев и коммунистов. Девять из них были приговорены к смерти. И вот в подпольной газете «Коммунист», которую смельчаки тайно печатали в одесских каменоломнях, появилось такое письмо:

«Девять коммунистов, осужденных 9 января 1920 года на смертную казнь, шлют свой прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма».

Некоторым из приговоренных удалось передать из тюрьмы письма друзьям и родным. Эти письма дошли до нас. Читая их, мы можем понять, как умирают победители.

Юноша Зигмунд Дуниковский, избитый, истерзанный, с проломленной головой, рассказывает о страшных истязаниях, которым его подвергали на допросе. «...Меня хватали и снова били, — заканчивает он свое письмо. — На рассвете меня снова вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работавших со мной. Снова били и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием... Теперь, когда рана на голове зажила, хочется жить, жить во что бы то ни стало! Без борьбы я не сдамся, без борьбы я не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой».

«Назовите фамилии главарей, и я тут же освобожу Дуниковского!» — обещал следователь одной из приговоренных к смерти—молоденькой девушке Иде Краснощекиной... Ида любила Зигмунда, его свобода и жизнь были для нее дороже собственной жизни. И все же она ответила, не колеблясь:

«Счастье, купленное ценой предательства,— самое тяжелое несчастье».

«Милые, родные! Через двадцать четыре часа меня повесят в назидание потомству, — писала она родным.— Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж... Глубоко убеждена, что «Процесс семнадцати» имеет большее значение, чем смерть девяти человек из числа их. Милая сестра! Не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, что не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, но и все остальные, поем, ведем беседы на политические темы...»

«Мне не жаль, что погибну так, — пишет подруга Иды — Дора Любарская. — Жаль, что мало мною сделано для революции. Только сейчас я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом. Целую мою старенькую мамочку-товарища. Сегодня читаю я последний раз газету. Уже на Береслав, Перекоп наступают красные. Скоро-скоро вздохнет вся Украина, и начнется живая, созидательная работа. Жаль, что не смогу принять участие в ней...»

Дело, за которое они умирали, побеждало, и мысль об этом была сильнее боли, сильнее страха смерти.

«Только и всего?» — спросила Ида Краснощекина, выслушав смертный приговор.

Разве ж это не орлята, Валя?..

Но о ком же все-таки написана песня «Орленок»? О Мише Ратманском, о Васе Романове, казненном в поле за селом, об одном из девяти одесских комсомольцев?..

Думается, обо всех них и ни о ком в отдельности. Обо всех них и о многих других, положивших свою юную жизнь за революцию, за Советскую власть, за твое счастье, Валя.

* * *

Автор песни Яков Захарович Шведов подтвердил наше предположение: в своей песне об Орленке он имел в виду не одно лицо, а собирательный, художественный образ комсомольца. Но песня получилась такая живая и теплая, что люди, певшие эту песню, считали, что она сложена об их знакомых: о том или ином парнишке — бойце или разведчике, защищавшем свободу и Родину «в шестнадцать мальчишеских лет»...

ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(Продолжение)

А. ПОЛЕЩУК **Рисунки Ф. Лемкуля.**

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дмитрий Дмитриевич выдвинул на середину кухни стол, на стол поставил табурет и, взобравшись на него, заглянул на антресоли. Когда-то здесь ютились купеческие приживалки и прислуга.

Сейчас на антресолях было собрано все, что накопилось за десятки лет множеством непрестанно сменявшихся жильцов. Дмитрий Дмитриевич вытащил порванную перину, которая немедленно наполнила кухню пухом, помятый велосипед с одним колесом и туго надутую автомобильную камеру.

Он осторожно встал на угрожающе скрипящий настил антресолей, как вдруг резкая боль пронизала пальцы его ноги. Он быстро выпрямился и с размаху стукнулся головой о потолок. В его пальцы, смяв комнатную туфлю, впилась мышеловка дореволюционного образца.

В передней резко зазвонил звонок. Дмитрий Дмитриевич скатился с антресолей и, потирая ушибленную макушку, прыгая на одной ноге, бросился к двери.

— Черт возьми! — зарычал Дмитрий Дмитриевич в ответ на вежливое Колино приветствие.

Попрыгав еще некоторое время, Дмитрий Дмитриевич подставил ногу под кран и сказал:

— Какая великолепная пружина у этой мышеловки! Сколько лет сохраняет внутреннее напряжение, чудесная закалка! Надень халат, Коля, поможешь мне.

Дмитрий Дмитриевич снова забрался на антресоли и стал подавать Коле вещь за вещью. Наконец он показался с громадным зеленовато-серым чемоданом.

— Держи осторожней, тяжелый,— предупредил Дмитрий Дмитриевич.

Он спрыгнул вниз и открыл замок.

У Коли зарябило в глазах. Красные, голубые, сиреневые сопротивления, серебристые конденсаторы, пачки цветных монтажных проводов... Тут было целое богатство!

— После войны осталось,— объяснил Дмитрий Дмитриевич.— Сопротивления японские, есть и немецкие и наши, конечно, немного американских.

Он разгреб «мелочь» руками. Засверкали колбы генераторных ламп, алюминиевые корпуса немецких пентодов. Коля лишился дара слова, он брал то одну, то другую деталь, а Дмитрий Дмитриевич объяснял, для чего эта деталь служит, где он ее нашел, что с ней связано.

— Вот здесь, в одном из старых конденсаторов, должна быть занятная вещичка. Выбирай все конденсаторы такого типа и откладывай на стол.

Дмитрий Дмитриевич разглядывал конденсатор за конденсатором.

Ага, кажется, здесь! — Он подергал пальцами верхнюю пластмассовую панельку и вытащил ее.— Здесь!

Дмитрий Дмитриевич вытряхнул содержимое конденсатора в раковину умывальника. Потом стал намыливать деталь за деталью. Вот изогнутая трубочка. Дмитрий Дмитриевич плотно прижал ее к крану, и из нее ударила тонкая струйка воды. Коля увидел, что щель в трубочке кольцевая.

Дмитрий Дмитриевич собрал все детали и понес их в комнату. Коля расстелил чистый лист бумаги на столе, и Дмитрий Дмитриевич быстро собрал детали в одно целое. Получился прибор, напоминающий большой, сложный микрометр. На выступающий патрубок с редкой резьбой он насадил толстостенную каучуковую трубку, которую разыскал в ящике письменного стола.

— Вот и все,— сказал Дмитрий Дмитриевич и сильно подул в трубку.

Внутри собранного прибора забулькала вода, и мелкие брызги застучали по бумаге. Дмитрий

Дмитриевич все дул и дул, пока в комнате не раздался тонкий свист. Он покрутил пальцем какое-то колесико, и свист стал похож на соловьиную трель: остатки воды придавали ему характерную переливчатость. Вот свист стал более ровным. Дмитрий Дмитриевич, поворачивая колесико, сделал его чуть слышным. Еще поворот, еще — и свист совсем исчез. Коля открыл было рот, чтобы спросить, что все это значит, но Дмитрий Дмитриевич сделал глубокий вдох и, зажав зубами резиновый шланг, притянул Колю к себе. Коля неожиданно почувствовал в том ухе, которое было ближе к изогнутой трубочке, слабое давление. Будто кто-то вставил ему в ухо тонкий, гибкий мизинец и давит, давит...

— Что это? — спросил Коля.

— О чем это ты? — ответил вопросом Дмитрий Дмитриевич.

— Когда вы поднесли к уху эту штуку, то что-то стало давить на него.

— Это и был ультразвук,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ультразвук? — удивился Коля. В голосе его звучало разочарование. Он столько слышал об удивительных свойствах ультразвука, что ему казалось невероятным вот так, просто подуть и получить ультразвук.

— Вот здесь, смотри,— Дмитрий Дмитриевич сделал несколько поворотов колесиком.— Прямо против кольцевой щели находится цилиндрическая выемка.

— Как маленький стаканчик?

— Да, дно этого цилиндрика я могу поднимать и опускать винтом, а ты, вероятно, знаешь, что собственная частота резонатора зависит от высоты столба воздуха. Если ты бывал в большом зале консерватории, то видел орга̀н, составленный из многих длинных и коротких трубок.

— Я в кино видел его,— сказал Коля.

— Возможно. Так вот, чем больше частота, чем звук выше, тем нужно брать более короткий цилиндр, а для ультразвука нужен совсем маленький цилиндрик, высотой в два миллиметра и даже меньше.

— Значит, когда вы поднимаете дно цилиндрика, частота звука растет и свист становится тоньше?

— А с некоторой частоты будет уже не звук, а ультразвук. Вся эта штука называется газоструйным генератором ультразвука. Он не весь здесь. У него был еще рефлектор, наподобие автомобильной фары, специальный рожок, ну, да мы обойдемся без них... Я вчера вечером, когда ты ушел, все продумал. Мы с тобой услышим Человека.

— А для чего этот генератор?

— Это старая история. Во время войны с Японией я был в танковых частях. И вот мне предложили, как физику, заняться одной задачей, правда, не сухопутного характера.

Захватывая японские бронекатера, наши моряки обратили внимание на то, что на всех командирских мостиках разрушено одно устройство: либо прострелено, либо разбито, но так или иначе уничтожено. Видно, командиры катеров были предупреждены, что нельзя сдавать его победителям.

Вот мне и говорят: «Займись этим устройством, посмотри, что за штука. Может быть, что-нибудь новенькое».

Стал я собирать все, что уцелело. На одном катере рефлектор нашел, на другом — согнутые трубочки. Поднялся я на третий катер, а на нем совсем ничего не осталось.

У японцев, которые под присмотром наших моряков снимали вооружение, я и спрашиваю через переводчика: «Что здесь стояло?» «Фонарь»,— отвечают. Это было похоже на правду, рефлекторы мы находили. Да и электрическая подводка шла к стойке с рефлектором.

Я проследил эту линию и понял: нет, здесь не прожектор стоял. Вспомнил, что у японцев перед войной были интересные работы по ультразвуку, подсчитал, прикинул и докладываю начальству: по-моему, это сигнализация, только не световая, а ультразвуковая. Через несколько дней сдался один катер, и на нем вот эту штуку нашли. Показываю ее военным морякам, а мне говорят: «Да это же вчерашний день, мы еще до войны такие сигнализаторы опробовали. Зря японцы их засекречивали, можешь взять этот свисток себе на память»...— Дмитрий Дмитриевич кивнул на стол.— Понятно?

— Ничего не понятно! — сказал Коля.— Как же японцы передавали сигналы и как они их слушали? И как мы приспособим все это, чтобы услышать Человека?

— Это уж совсем просто. Мы в больницу не опоздаем?

— Нет, нет! — сказал Коля.

— Понимаешь, если в воздухе одновременно распространяются два колебания, то при некоторых условиях можно обнаружить суммарную и разностную частоты. Ну, например, есть два звуковых явления. Одно частотой в тысячу колебаний в секунду, другое — в сто. Следовательно, мы сможем обнаружить суммарную частоту в тысячу сто колебаний в секунду...

— И разностную в девятьсот колебаний в секунду! — сказал Коля.— Я знаю, это используется в приемнике.

— Правильно, но в приемнике изменяется ток или напряжение, а не давление, как при звуковых явлениях. Вот японцы и использовали это свойство двух колебаний. На одном катере командир дивизиона отдает команду в специальный рожок, направляющий звуки прямо к тому месту, где образуется ультразвук. Слышимые звуки речи складываются с ультразвуковыми колебаниями, и получается ультразвук, только еще большей, суммарной частоты. Такой ультразвук распространяется направленным пучком и попадает на другой катер.

— А дальше? Как же теперь услышат слова команды?

— На другом катере работает такой же генератор ультразвука, настроенный на ту же частоту, что и на катере командира...

— Теперь все ясно! Из пришедших ультразвуковых колебаний вычтутся колебания звуковой частоты, и второй катер услышит команду.

— Верно. Вот и мы поднесем ко рту Человека генератор ультразвука и будем слышать его голос. Мы услышим разностную частоту, а она будет уже низкой, будет слышимым звуком. Не ручаюсь только, что мы поймем его речь.

— Это не так важно! Мы будем показывать ему разные предметы и называть их... Да, но онто не услышит нас...

— Может быть, он сам будет называть?

— И мы поймем его речь и узнаем, кто он и откуда!

— Дмитрий Дмитриевич, скорее, мы можем

опоздать! Я проведу, ручаюсь! Вот это да, и без всяких ящиков!

Дмитрий Дмитриевич переоделся, вытащил из своего старенького велосипеда насос.

— Это дуть? — спросил Коля.— Да я ртом!.. А у японцев был специальный баллон?

— И у нас будет,— успокоил его Дмитрий Дмитриевич.— Сейчас зайдем в магазин и купим.

По дороге в больницу они купили камеру для баскетбольного мяча.

— Дмитрий Дмитриевич, а как же соединить все вместе — насос, камеру и генератор? — спросил Коля.

— Для соединения я взял вот что.— Дмитрий Дмитриевич вынул из кармана тройник.

Возле клиники Коля оставил Дмитрия Дмитриевича и отправился на разведку. Вскоре он вернулся и сказал, что все в порядке.

— Только не сдаваться, Дмитрий Дмитриевич! Ладно?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В клинике были часы «пик». Множество людей толпилось в вестибюле.

— Вы к одному больному? — спросила гардеробщица, когда подошла их очередь.

— Да,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Тогда я дам вам один халат на двоих. Сначала один пройдет, а потом другой.

— Мы к разным,— быстро сказал Коля.

— Да, да,— подтвердил Дмитрий Дмитриевич,— мы к разным больным.

Гардеробщица подозрительно на них посмотрела, но дала каждому по халату.

Они быстро поднялись по лестнице и, разыскав семнадцатую палату, отворили дверь.

— Вот он,— тихо сказал Коля,— смотрите...

Весь жизненный опыт Дмитрия Дмитриевича приготовил его к тому, что Колин Человек окажется выдумкой. Глаза говорили другое...

Коля бросился было к Человеку, но, вспомнив свой «план», подошел к средней кровати.

— Серафим Яковлевич, я к вам,— сказал он.

— Ко мне? — удивился Серафим Яковлевич.

— Я вчера говорил с Леной. С вашей внучкой.

— А в пиджаке у тебя что? — подозрительно взглянув на Колю, сказал Серафим Яковлевич.

— Это насос, просто насос, велосипедный.

— Что ты мне голову морочишь? И еще Ленку припутал, нужен ты ей очень!

— Ничего,— ответил Коля,— да она меня вчера как поцелует! Сама... Все лицо измазала помадой.

— Быстро же у вас дела делаются! — огорченно и недоверчиво сказал Серафим Яковлевич.— Э, да ты парень не ко мне пришел! Ты что, думаешь меня своим насосом надуть? Меня не надуешь! Знаешь, какая у нас палата? Специальная палата! Иди отсюда, не то санитаров позову.

— Я к нему,— признался Коля, показывая на Человека.

— И второй к нему? К нему уже ходят. Профессор Кучерявый с лаборантом! Такой важный профессор... А ты кто? Не знаю... Уж не знаю...— в раздумье проговорил Серафим Яковлевич.— Разрешить вам или не разрешить?.. Разрешаю! — твердо сказал он.— У вас тоже разные ящики?

— Нет,— сказал Коля,— у нас дело похитрее, но попроще.

— Вытаскивай, вытаскивай! Ишь что придумали! — Серафим Яковлевич с интересом стал наблюдать за Дмитрием Дмитриевичем и Колей.

Дмитрий Дмитриевич собрал прибор, и Коля с остервенением стал накачивать камеру.

Камера раздулась, и палата наполнилась тонким свистом. Человек лежал с закрытыми глазами и никак не реагировал на возню возле него.

Коля и Дмитрий Дмитриевич переговаривались шепотом, часто поглядывая на дверь, однако первым Бориса Федоровича заметил Серафим Яковлевич. Он кашлянул, но было уже поздно. Дмитрий Дмитриевич быстро выпрямился. Коля продолжал держать свисток возле рта Человека.

— Что? — сказал Борис Федорович, медленно приближаясь к Коле и с интересом рассматривая приспособление, которое он держал возле рта Человека.— Что ты тут делаешь, крокодил?! — Борис Федорович хотел еще что-то добавить, но в этот момент в комнате прозвучал голос такого необыкновенного тембра, что все вздрогнули.

— ЕШЬ, КРОКОДИЛ, ЕШЬ, КРОКОДИЛ...— дважды повторил голос и замолк. В руках у Коли была пустая камера.

— Заговорил! — закричал Борис Федорович.— Он, это он заговорил! Как это вы сделали? Но позвольте, вы, кажется, сами не ожидали?

— Ждать ждали, да не того,— сказал Дмитрий Дмитриевич.— Получилось большее, гораздо большее... Мы думали услышать его голос, а он, по-видимому, знает русский язык. Не могу понять...

— Ну, это как раз понятно,— сказал Борис Федорович.— Раз он знает наш язык, то мы имеем дело не с пришельцем из другого мира,— признайтесь, ведь и у вас мелькала подобная мысль,— а с человеком земным, нашим, но почему-то не похожим на других людей.

— Были ли звуки? — в раздумье спросил Дмитрий Дмитриевич.— Нет, три человека не могут ошибиться.

— Почему три? — обиженно сказал Серафим Яковлевич.

— Да, четыре! Тем более...— откликнулся Дмитрий Дмитриевич.— А вы заметили, что Борис Федорович сказал: «Что ты тут делаешь, крокодил?» А он...

— Так он просто повторил! — восторженно глядя на Дмитрия Дмитриевича, воскликнул Коля.

— Значит, не только мы его, а он нас услышал...— сказал Дмитрий Дмитриевич, и по его улыбке Коля понял, что все стало на свое место.

— С ним нужно начать общаться,— проговорил Борис Федорович.— Он, правда, еще слаб...

— Слаб! — вмешался Серафим Яковлевич.— Он слаб! Вон видите, на спинке кровати краска сошла. Это он под утро силу пробовал. Согнул спинку, а я головой покачал: что ты делаешь, мол? А он понял и назад выправил, только вот краска сошла... А молодцы, что и говорить, молодцы! — Последнюю фразу Серафим Яковлевич сказал так вызывающе, что все обернулись: на пороге палаты стоял Евгений Леонович.

Евгений Леонович взглядом окинул всю комнату и вначале ничего не понял, потом понял и рассердился, потом очень рассердился.

— Дмитрий Дмитриевич?! — кипя от злости, сказал Евгений Леонович.— Я рад, очень рад...

— Я тоже,— ответил Дмитрий Дмитриевич.

— Так вам уже разрешено здесь работать?

— Нет, пока нет...

— Ах, вы «диким» образом! А какое у вас оригинальное приспособление... Да я вижу, у вас свисток браконьера! Прекрасная мысль! Вы хотели, чтобы он вас услышал? Услышал свисток? Но, вероятно, безрезультатно?

На пороге палаты стоял Евгений Леонович.

вич.— В таких условиях нельзя заниматься наукой! Какие-то дети, какие-то старики применяют на сложнейшем объекте допотопные приспособления, отпускают замечания! Свисток браконьера, да это же пятнадцатый век!

— Пойдем, Коля,— спокойно сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Эй, зятек! — окликнул Колю Серафим Яковлевич. Подойди сюда. Ты правду скажи, Ленка что? Как она там? Я выпишусь, задам ей!

— Задайте ей, задайте! — сказал Коля, вспомнив свое дурацкое состояние возле станции метро, и бросился вслед за Дмитрием Дмитриевичем.

А в это время Борис Федорович, полузакрыв глаза, слушал медоточивое журчание Евгения Леоновича.

— Нами решена основная задача,— говорил Евгений Леонович, разворачивая и сворачивая фотопленку с заснятыми кривыми.— Обратите внимание на эту кривую. Совершенно ясно, что мы имеем дело с почти периодическими звуковыми явлениями ультразвуковой частоты. Вот почему работа, которую я направил в журнал, будет озаглавлена «Биологический источник почти периодических акустических колебаний», или «К вопросу о верхнем пределе частот, произносимых человеком». Другую статью можно будет направить в «Архив хирургии»...

— Какой свисток браконьера? — удивленно спросил Коля.

— Да ультразвуковой свисток, уважаемый юноша. И не делайте такого удивленного лица. Кстати, о вас я, кажется, слышал? — Евгений Леонович сделал полупоклон в сторону Бориса Федоровича, но все-таки не поздоровался с ним.— А вашей, Борис Федорович, беспечности я поражаюсь! Вы доверяете такую важную работу мальчишке. Дмитрий Дмитриевич не в счет.— Голос его стал срываться.— Не в счет! Он, надеюсь, достаточно щепетильный человек. Я первый был приглашен, и у меня успех, полный успех! Я все решил! Все!

— То «надеемся, надеемся», а то уж все решил? — неожиданно сказал Серафим Яковлевич.

— Вы больной! — взорвался Евгений Леоно-

— А это будет тоже ваша статья или моя? — насмешливо спросил Борис Федорович.

Но Евгений Леонович не заметил насмешки.

— Нет, нет, что вы, ведь вы будете оперировать моими данными, моими осциллограммами, ведь физики — слишком большая ценность!.. Ну, в крайнем случае мы сможем подписать ее вдвоем. С этим еще можно будет согласиться. И, кстати, эти разговоры об авторстве просто смешны. Истинным автором всего, что мы изучаем, является природа...

Борис Федорович просмотрел кривые и, возвращая пленку, не глядя на Евгения Леоновича, задумчиво сказал:

— Этих кривых можно снять миллион. К ним

можно подобрать ключ, но через тысячу лет... Нужна новая методика...

* * *

— Ну, объясните, почему мы его услышали? — нетерпеливо спросил Коля, как только они пришли домой к Дмитрию Дмитриевичу.

— Все дело в страхе... Мы ведь говорили шепотом, все время боялись, что кто-то войдет. А Борис Федорович вошел и рявкнул, да еще над свистком наклонился. Человек и услышал. Услышал и повторил.

— Но ведь сказал-то Человек ультразвуком!

— А перед его ртом был свисток...

— И мы услышали разностную частоту! Так нам совсем не нужно будет расшифровывать его речь, мы его научим говорить по-русски!.. А что тот, в беретике, про какой-то свисток браконьера говорил? Он тоже все понял?

— Вряд ли...

— А кто этот браконьер? Это же тот, кто дичь ворует.

— Да, профессия малопочтенная, но в средние века ею многие занимались. А за охоту, скажем, на королевских оленей рубили руку или голову, забирали имущество, так что браконьер шел на большой риск. Так вот, пошлет браконьер собаку за убитой дичью, а назад подозвать не может...

— Нужно свистнуть...

— Свистнуть, а лесник? Вот кто-то из браконьеров и придумал свисток, который собака слышит, а человек не слышит.

— Мой Джек тоже Человека слышал! Выходит, что эти браконьеры были большими учеными? Для своего времени, конечно.

— Нет, просто нужда заставила... Видимо, кто-нибудь из них сделал себе свисток очень высокого тона и случайно обратил внимание на то, что плохой, им забракованный свисток он не слышит, а собака слышит, поднимает уши, подбегает... Ну, уж это моя фантазия...

Зазвонил телефон. Дмитрий Дмитриевич и Коля бросились в кабинет.

— Да? — сказал Дмитрий Дмитриевич.— Хорошо... хорошо. Приступим в девять часов утра... До свидания, Борис Федорович.

Дмитрий Дмитриевич положил трубку и, посмотрев на Колю, добавил:

— Вот и еще двух браконьеров свисток выручил!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Коля уже не мог больше объяснять, сегодня он говорил до хрипоты. Коробки с диапозитивами, которые удалось достать в магазине наглядных пособий, были раскрыты, диапозитивы просмотрены, и на больничной простыне, служившей экраном, двойные звезды сменялись берегами Франции, леса Африки — реками Урала, Людовик Пятнадцатый и разбитые полчища гитлеровцев чередовались с формулами алгебры и физики. Проекционный аппарат нагрелся, обжигал ладони, страницы книг желтели от тепла и света...

Там, где всходило солнце, сверкала на уже поголубевшем небе яркая звезда. Коля открыл окно и, вдыхая прохладный воздух, смотрел на нее, а Человек встал с кровати, смелым движением выдернул вилку проекционного фонаря и, подкачав в камеру воздух, подошел к Коле.

— Это? — спросил он, показав на звезду.

— Венера, утренняя звезда,— ответил Коля.

— Не звезда, сам говорил. Венера — планета.

— Да, Венера — планета... Вот видите, она не мерцает. Звезды то погаснут, то вспыхнут, а Венера видна все время ясной и блестящей точкой. Там, наверху, во внешних слоях атмосферы, непрерывные потоки воздушных масс разной плотности, поэтому далекая от нас светящаяся точка — звезда— мерцает... А Венера намного ближе к нам и видна как маленький диск, как маленький кружочек.

— Венера — диск? Она сейчас, как месяц! — Человек согнул свои костлявые пальцы, чтобы показать, какой он видит Венеру.

— Вы что, простым глазом видите фазы Венеры? — удивился Коля.— Вот не думал!

— Есть много ошибок в твоих рассуждениях. Цифры не точны все... Из двенадцати теорий, гипотез, предположений, догадок, рассказанных тобой сегодня, одиннадцать неверных... Рассказываешь хорошо. Коля—хороший, мне нужный...

— Что я? Вот вы... Вы все помните, все! Все имена и названия, все формулы и события... Только этот противный свисток, как он мне надоел! — Коля устало подкачивал насосом воздух в камеру.

— Этого Борис Федорович не должен знать,— сказал Человек, низко наклонившись к свистку.

— Что? Что не должен знать? — встревоженно спросил Коля.

Человек отсоединил свисток от камеры и насоса и, открыв рот, быстро проглотил его. Все было сделано так внезапно, так неожиданно, что Коля вскрикнул:

— Зачем вы? Подавитесь! Сейчас же выплюньте!

— Не подавлюсь...— ответил Человек, его голос стал громче, резче.— Мои, как вы их называете, «легкие» не слабее твоего насоса!..— Из его рта шел сильный и ровный поток горячего воздуха.— Ты принес мне одежду? Где она?

— У вас в головах.— Коля вытащил заветный сверток, в котором была старая отцовская гимнастерка, брюки Дмитрия Дмитриевича и пояс. Человек с помощью Коли торопливо оделся.

— А сейчас пойдем, Коля,— сказал он.— От тебя я узнал много. Пойдем, я покажу тебе мир, о котором ты мне столько рассказывал и о котором так мало знаешь.

— Куда вы? — испуганно спросила сестра, когда они спустились вниз.— Куда вы? Борис Федорович все будет знать, сейчас же возвращайтесь в палату!

— Нам разрешил Борис Федорович немного выходить на улицу.

— Я никуда вас не пущу, никуда! Сейчас же позову санитаров! — Она бросилась вверх по лестнице. Человек схватил Колю за рукав и потащил его к двери.

— Иди с большой скоростью, Коля!—сказал он. Они выбежали на улицу.

— Нужно выйти за город,— бросил на ходу Человек.— Оттуда ближе к звездам.

— Каким звездам? — спросил Коля, но Человек не ответил.

Бегом они пересекли площадь и уже шагом прошли бульварами к метро. Было очень рано, и на них не обращали внимания. Только какая-то женщина, сойдя с тротуара, сказала:

— Пьяные какие-то!..

И действительно, Коля с помятым от бессонной ночи лицом, Человек в своей необыкновенной обуви и расстегнутой гимнастерке выглядели довольно странно.

Метро было еще закрыто, и Коля повел Человека к трамвайной остановке. Они сели в переполненный вагон и ехали долго, а потом, когда городские дома сменились небольшими, одноэтажными домиками, Человек заволновался и стал пробираться к выходу. За окнами трамвая показался широкий, с низкими берегами пруд, потом потянулись деревья парка, трамвай остановился, и они соскочили на землю.

В парке никого не было, и Человек остановился на одной из лужаек, внимательно огляделся, потом вошел в кусты и, отвернувшись от Коли, разорвал гимнастерку на груди. Руки его были растопырены, и Коле показалось, что Человек что-то достает из самого себя: складывает, свинчивает, присоединяет.

Потом Человек обернулся и протянул Коле какое-то странное сооружение. Оно было похоже на рыцарский шлем с надвинутым забралом и тонким сверкающим шпилем наверху. По бокам шлема на толстых гибких шнурах висели покрытые чешуйками перчатки; ниже, на еще более толстых шнурах болтались сандалии какой-то необыкновенной формы.

— Надевай! — повелительно сказал Человек.

Коля надел сандалии, они легко растянулись; надел перчатки. Шлем повис у пояса, но Человек не дал его рассмотреть. Он взял его за шпиль и нахлобучил на голову Коли. Несколько мгновений перед Колиными глазами светился какой-то темно-зеленый экран, потом он погас. Роща, Человек, солнечный, ясный, земной день — все это исчезло. Наступила необыкновенная тишина, и все, что произошло потом, показалось Коле нелепым, фантастическим сном.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

У Коли было такое ощущение, что он стиснут, сжат, заполнил своим телом сосуд неправильной формы. Нос уткнулся в сгиб руки, ноги подвернулись. Ныло колено, в него упирался подбородок.

Коля попытался выпрямиться, но это ему не удалось. В тот же момент ему показалось, что он растет, растет, несмотря на то, что силы, сжимающие его, тоже увеличиваются. Это продолжалось долго, очень долго... Потом так же внезапно он почувствовал, что может шевельнуть рукой, развернуть плечи. Ноги его выпрямились, но он еще не мог шевелить ими. Сквозь закрытые веки Коля уловил слабый свет. Он открыл глаза, и необыкновенная, волшебно яркая картина раскрылась перед ним.

Он стоял во весь рост, по грудь в земле, с прижатыми к бокам руками. Высокий ноздреватый камень опирался на его плечо... Коля посмотрел вверх, на небо.

Неба не было.

То, что он увидел, было похоже скорее на горы, перевернутые вершинами вниз, с сумрачными иссиня-черными вершинами, постепенно переходящими в белоснежные основания.

Коля согнул руку в локте и толкнул ноздреватый камень. Он не почувствовал толчка, камень не сдвинулся. Только через несколько минут появилось напряжение в мышцах руки, и он увидел, что камень катится вниз по склону. Руки выполняли его желания. С задержкой, но выполняли. Он вылез наружу, и комки влажной, прелой листвы посыпались с шумом вниз. Коля поднес руки к глазам. Он понимал, что сейчас увидит свои руки, руки Коли Ростикова, он чувствовал, что это его руки, что каждый палец повинуется ему, но вот они появились перед глазами... Это были чужие руки, руки с длинными, тонкими пальцами, с синими шишками суставов, с короткими, словно металлическими ногтями. «Да это же руки Человека!» — пришла в голову мысль.

Коля стоял на склоне холма, возвышающегося над серо-зеленой равниной, по которой пробегали какие-то волны. Горы над его головой изменили свои очертания. Это облака! Какие-то чужие облака!.. Это не Земля!..

— Удивляешься? — услышал он голос Человека, но в этот момент сильный ветер повалил Колю на землю. Он, лежа, приподнял голову и не узнал долины. По ней ходили волны, казалось, что это тысячи рук, изломанных, изуродованных рук...

— Это лес! — крикнул Коля.— Это ветви деревьев!

Он встал и подошел ближе, было больно смотреть на огромные стволы, так безжалостно скомканные и скрученные какой-то неведомой силой.

— Где мы? — спросил Коля. —Где вы? Я вас не вижу. Это не Земля...

— Нет разницы,— сказал Человек. Он отвечал, как и обычно, повременив, но его не было рядом с Колей.— Здесь есть небо, есть земля, лес и солнце, вода и ветер... Я покажу тебе и другие миры. Миры, где Солнце греет меньше, чем ваша Луна.

Завеса облаков разорвалась, и над Колей вспыхнуло непривычно большое светило. Долина ожила. Колина нога соскользнула вниз, и он оказался сидящим верхом на изогнутой ветви одного из деревьев, ствол которого разворачивался по спирали и нес его вверх, к окну в облаках, сквозь которое лился солнечный свет. Свернутые в трубочку листья на глазах раскрывались.

Деревья походили на голодных животных, нетерпеливо отталкивающих друг друга, но вот порыв ветра сомкнул тучи, и деревья стали медленно опадать, нехотя, будто ожидали, что вот-вот еще раз распахнется просвет в облаках.

— Этого нет на Земле,— заметил Человек.

— Есть,— ответил Коля, стараясь высвободить ногу из сжавших ее ветвей.— Есть... У нас есть растения, которые могут ловить мух.

— Ты обиделся за свою Землю? Она не лучшая из планет Вселенной.

Дождь, полумрак, вся эта непривычная, жуткая картина наполнила Колино сердце грустью. Коля посмотрел вдаль и невольно вскрикнул: прямо на него шел грязно-желтый столб, верх которого упирался в облака.

— Смерч идет! — испуганно сказал Коля.

И в тот же миг он был оторван от ветвей, втянут в колючий вихрь и поднят высоко над лесом.

Последнее, что он успел увидеть, было какое-то бурое животное, которое, оттолкнувшись от скалистой вершины холма и раскинув широкие крылья, рванулось навстречу вихрю. И когда смерч поглотил Колю, это животное схватило его за руку длинными, цепкими пальцами. Сквозь

пелену песка и листьев Коля увидел узкий человеческий глаз.

Что было потом, Коля ясно не помнил. Он очнулся у входа в глубокую пещеру. Открыл глаза и тотчас же зажмурился: яркий свет костра ослепил его. Языки пламени поднимались высоко вверх и терялись в широкой расселине.

Кто-то бросил в костер сухую ветку, огонь вспыхнул ярче, осветив всю пещеру, и Коля увидел глаза, десятки, сотни глаз.

— Люди, люди вокруг! — прошептал Коля.— Целое племя! Но что они сейчас делают? Греются, спят, ждут? Если ждут, то чего?..

Над костром висели туши. Языки пламени иногда достигали их, и тогда острый, пряный запах щекотал ноздри, капли жира падали на горящие ветви и ярко вспыхивали. Коля встал на ноги, и сразу же его схватили, закружили вокруг костра, его рука погрузилась в теплую шерсть, замелькали причудливо сморщенные ушные раковины, приплюснутые носы.

Его окружали люди, в этом теперь не было сомнения, но люди особенные. У них были крылья, вернее, тонкие перепонки, натянутые между необыкновенно длинными кистями рук и ступнями ног. Иногда такое крыло заслоняло свет костра, и Коля видел тонкую сеть кровеносных сосудов, пронизывающих полупрозрачную, поросшую рыжей шерстью перепонку. Буйный ветер их планеты позволял им летать, планируя, и, как уже знал Коля, летать далеко и быстро.

Чья-то рука сунула Коле кусок волокнистого мяса. Он незаметно выбросил «угощение» и попробовал пробраться к выходу из пещеры, но вновь раздался крик, и его оттащили к костру. Он вздрогнул, подумав: «Прокоптят и слопают, не иначе!».

Но тут кто-то грузный с криком упал перед костром и, тяжело дыша, поднялся. Шерсть на его крыльях поседела, перепонки потеряли эластичность и вялыми складками свисали по бокам. Внимательно и недружелюбно смотрели глубоко запавшие, совсем человеческие глаза.

— Все примитивно! Низкая ступень развития!.. Вы, люди Земли, лучше...— услышал Коля голос Человека.

Голос звучал где-то совсем рядом, но Человека поблизости не было. Коля повернулся сначала в одну сторону, потом в другую и вдруг потерял контроль над своими движениями. Руки перестали ему повиноваться. Он ясно видел, чувствовал, что в его руках появилась свернутая змеей блестящая металлическая трубка, что он, Коля, ввинчивает в нее рифленую рукоять. Он попытался сделать шаг в сторону, но остался на месте. Против своей воли он поднял оказавшийся у него в руках необычайный пистолет вверх, к потолку пещеры.

Тонкий сияющий луч выскользнул из хоботка — дула,— и сверху с треском посыпались камни.

С криком ужаса бросилось племя летающих людей к выходу. Старик повелительно закричал им что-то, и все остановились, прислушались к его словам, но сверху обрушился огромный камень, с грохотом разбился на десятки кусков, и бурая масса крыльев, испуганно повернутых голов, широко раскрытых глаз забилась у входа в пещеру.

Вождь шагнул вперед. Аппарат в руках Коли наклонился, синий луч вонзился в мохнатую грудь старика. Что-то щелкнуло над Колиной головой, и вновь наступила темнота.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Коле казалось, что жизнь оставила его: так тихо и темно было вокруг. Но вот ощущение необыкновенной легкости наполнило его.

Коля открыл глаза. Все было погружено в темноту. Он не мог сказать, сколько прошло времени. Двадцать, тридцать, сорок минут, как вдруг его глаза наполнил свет тысяч звезд, сиявших на фоне необыкновенно черного, бездонного неба.

Небо было похоже на черный ковер, расшитый нигде не повторяющимся узором звезд. Звезды плавно неслись над его головой, непрерывно, спокойно, торжественно. Млечный путь казался неподвижным, сверкающим поясом, разделившим на две равные части всю Вселенную. Вот показалось Солнце, совсем маленькое, в несколько раз меньше, чем над Землей, оно на глазах взошло и скрылось где-то под ногами у Коли, и вновь взошло, и вновь скрылось.

Коля посмотрел вниз. Он ясно ощущал, что голова выполнила его волю, что она наклонена, но опять прошло около часа, пока он увидел то, что находилось у его ног.

Горизонта не было. Под ногами у Коли был причудливый осколок скалы, излом казался свежим. Широким потоком выбегали из-под его ног звезды.

Коля поднял голову. Когда лента Млечного пути вновь вспыхнула над ним, мелькнула догадка: «Камень вращается! Камень, на котором я стою, вращается!».

Теперь его внимание привлекли плывущие впереди такие же камни, как и тот, на котором он стоял.

Вот впереди камень-гигант совершенно неправильной формы, еще дальше—почти шаровой, рядом — вытянутый и заостренный, с неровными краями. Осколки поворачивались, подставляя сверкающие грани блестящей горошинке — Солнцу.

Теперь Коля обратил внимание на тонкий, узкий серп Меркурия, он был похож на медную запятую. Венера сияла полным светом. Вот проплыл Земной шар, маленький зеленоватый комочек.

— Где мы были? — спросил Коля. — Где мы сейчас?

— Ты не догадываешься? Были на Венере, а сейчас... Ты сам, Коля, мне рассказывал об астероидах, малых планетах, что несутся потоком в пространстве между Марсом и Юпитером.

— На астероиде? Но чем же я дышу? Здесь же нет воздуха! И где вы? Почему я вас не вижу? — В этот момент звезды резко рванулись все вместе в сторону, потом вернулись назад и опять спокойно понеслись вокруг Коли.— Это что? А... это я мотнул головой.

— Смотри, слушай, думай! — заговорил Человек.— Вся ваша Солнечная система как на ладони... Я ведь специально сюда, на астероид, забросил один из моих...— Человек надолго замолчал, потом добавил: — Тебя, Коля, да, тебя... Смотри, Юпитер, как детский мяч, а вокруг — сейчас они почти на одной линии — видны его спутники.

— Вот и верь цифрам,— задумчиво сказал Коля; то, что он пережил на Венере, всплыло в его памяти с необыкновенной ясностью.— Вот и верь!.. А у нас называют Венеру молодой Землей.

— При чем здесь цифры? — спросил Человек.

— А как же: ведь масса, и объем, и плотность у Венеры почти такие же, как и у Земли.

— В цифрах таится многое,— ответил Человек,— в цифрах разгадка тайн Солнечной системы...

— Но мы так мало знаем! — сказал Коля.— Так мало! Вон Меркурий... Нам только известно, что он всегда повернут к Солнцу одной и той же стороной.

— Как и Луна по отношению к Земле.

— Нам трудно его рассмотреть... Иногда Солнце заслоняет Меркурий, иногда он черной точкой проходит по диску Солнца. С той стороны, что обращена к Солнцу, он горяч, с другой стороны холоден. Это очень интересная планета.

— Меркурий не планета,— заметил Человек.

— Как же, мы учили, не может этого быть...

— Что у вас, на Земле, думают о происхождении планет?

— Нам в школе ничего не говорили... Но мне кажется, что это такие, такие... Ведь на Солнце не всегда было все спокойно.

— Спокойно? На Солнце?!. Если я когда-нибудь покажу тебе его вблизи, ты сожмешься в комок от страха!.. Солнце также имеет свою историю... Ядерные реакции, идущие в его недрах, меняют свой характер. Солнце каждый день другое, немного, но другое. С каждым мгновением рождаются тонны новых элементов — побочных продуктов реакции... Этих продуктов становится столько, что они нарушают ход основной реакции... Наступает кризис в жизни Солнца... Не все звезды способны пережить такой кризис. Одни срывают с себя внешние оболочки, раздуваются, увеличиваются в объеме в тысячи раз, а потом сжимаются и умирают. Другие истекают потоками газов, но звезды, подобные Солнцу, ведут себя по-другому, они самые живучие. Для них эти периоды изменения основной реакции в их недрах разрешаются небольшой катастрофой... Ты не догадываешься, какой именно?

Под ногами у Коли был причудливый осколок скалы...

— Нет, не догадываюсь...

— Рождаются планеты! — громко крикнул Человек.— Вся история вашей системы навеки заключена в ваших планетах. Их массы и плотность, наклон осей вращения, форма орбит — письмена этой истории.

— Так, по-вашему, каждая из планет — это ступень в жизни Солнца?

— Нет, не каждая... Каждая пара планет. Неужели ты не обратил внимание на то, что есть планеты-двойники? О Земле и Венере ты мне сам говорил, а дальше: Сатурн и Юпитер, Уран и Нептун.

— А как же тогда Меркурий, а как же Плутон?

— Меркурий не планета,— настойчиво сказал Человек,— Меркурий рожден Венерой, но, выбросив его из своих недр, Венера тотчас же его потеряла... Он не сделал и одного оборота вокруг Венеры, как был отобран Солнцем и возведен в ранг планеты.

— Так вот почему у Меркурия такая вытянутая орбита! Орбита Венеры — почти точный круг, а у Меркурия вытянутый эллипс. Но как же с Плутоном? Постойте! Но ведь и у Марса нет пары!

— Плутон также не планета, он бывший спутник Нептуна... А планета, вместе с которой возник Марс, выбросила несколько спутников, а потом распалась и сама... Вот и несутся между Марсом и Юпитером тысячи малых планет — спутники и осколки исчезнувшей подруги Марса. Ты их сейчас видел.

— Но почему планеты рождаются парами?

— Стоит засориться такой гигантской топке Вселенной, как Солнце, немедленно возникает в его глубине полость, стенки которой вращаются. Объем этой вихревой трубки растет со скоростью взрыва. С двух противоположных концов этой трубки, ствола огромного орудия, солнечное вещество уплотняется. Ядра водорода и гелия, лития и бора сливаются вместе, превращаясь в более тяжелые ядра железа и кремния, урана и золота, свинца и ртути. Эти-то уплотнения и есть зародыши планет. Они выбрасываются с разных сторон Солнца с такой скоростью, что не могут вернуться обратно, как протуберанцы. Вихрь, возникший в стенках трубки, придает планетам вращение вокруг их осей... Долгое время не могут прекратиться ядерные превращения в глубинах рожденных планет, и теперь уже сами планеты выбрасывают спутников. Юпитер или Сатурн были рождены раньше Земли или Марса. Солнце в момент их появления было молодо, горячо, торопливо, вот почему Юпитер и Сатурн так велики, вот почему у них столько спутников, вот почему их плотность близка к плотности воды.

— Но как же с солнечными пятнами? Их сотни, так, значит, и планет было сотни?

— Да, но большинство более ранних планет распалось, Солнце как бы училось создавать планеты...

— Но пятна иногда исчезают?

— Они никогда не исчезают совсем. Слишком велики разрушения структуры Солнца. Они иногда закрываются, но на время...

Коля почувствовал, как что-то щелкнуло в его шлеме, и знакомый туман закрыл от него сверкающую Вселенную.

Молнии не исчезали мгновенно, они бесконечно ветвились, соединялись боковыми ветвями в одну сеть, в ячейках которой возникали пятна шаровых разрядов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Знакомое ощущение охватило Колю. Он снова был сжат, стиснут... Но только сейчас силы, сжимающие его, были настолько велики, что все тело казалось сделанным из свинца. Не видя и не слыша ничего, он чувствовал, что растет; вот освободились руки, ноги больше не сжаты. Коля раскрыл глаза. Вокруг было темно. Струи какой-то жидкости непрерывно касались его лица, кистей рук, ступней ног. Он почувствовал, что всплывает, всплывает из глубины необыкновенно глубокого моря, что он несется вверх все быстрее и быстрее... Много часов длился этот подъем, прежде чем слабый свет заиграл на многочисленных пузырьках каких-то газов, несущихся вместе с ним вверх. Но вот пузырьки вспыхнули красными огоньками, еще мгновение, еще— и он всплыл на поверхность какого-то моря. Прямо перед ним, окруженная пеной, была скала. Коля вскарабкался на скалу, с треском ломая остроконечные блестящие кристаллы, и оглянулся...

Прошло не менее пятидесяти минут, прежде чем перед глазами Коли появилась невероятная, фантастическая картина.

Он находился внутри огромного шара, поверхность которого, казалось, начинается на уровне его глаз и вначале медленно, потом все круче и круче изгибается вверх. Верх шара, внутри которого стоял Коля, был срезан и как бы стянут удивительным небом. Коля никогда и не сказал бы, что это небо, если бы россыпь звезд и несколько лун, на глазах менявших очертания, не проглянули сквозь тучи.

Самая яркая из этих лун передвигалась наиболее медленно, и ее отражение в волнах тяжело плещущегося моря взбиралось по внутренней поверхности сферы.

Коля сделал несколько шагов, но, к его удивлению, картина была все такой же. И он понял, что он вовсе не находится внутри какой-то полости, а видит необычайные просторы, что смутная граница между небом и стенками шара и есть линия горизонта, поднятая вверх согласно непривычным законам чужого мира.

Прямо перед ним пульсировали огнедышащие кратеры вулканов, они располагались поясом, за ними шли цепью еще более далекие огнедышащие горы, их становилось все больше, сверкающим ожерельем они взбирались все выше и выше. Вулканы были видны сверху, была видна бурлившая в них лава, темные ленты дымных облаков поднимались с их вершин, соединяясь в почти параллельные между собой черные гряды туч, деливших небо на части. Сверкали молнии, освещая все вокруг мерцающим оранжевым светом. Черные тучи были такими же необычными, как и все, что окружало Колю. Они тянулись от края неба до края, сходясь у границ неба в темные узлы.

Грохот, рожденный молниями, сливался в один сплошной рев. Это не был обычный гром, это было неистовство, бешенство. Молнии не исчезали мгновенно, как на Земле, они бесконечно ветвились, крупные молнии соединялись боковыми ветвями в одну сеть, в ячейках которой возникали зеленые пятна шаровых разрядов.

Самая яркая из лун, привлекая внимание Коли, успела переместиться в зенит, и Коля, не отрываясь, следил за ней.

— Солнце! — громко сказал Человек.— Это — Солнце!

— Какое оно маленькое, оно совсем не греет!

— Здесь и так слишком много своего тепла. Слишком много... Юпитер — старик...

— Я на Юпитере?.. Но где мы? На вершине высокой горы?

— Нет, но здесь очень большая плотность атмосферы, и эта плотность быстро убывает с высотой. На моей родной планете этот эффект также наблюдается. В такой атмосфере очень сильно изгибаются лучи света... Ты сейчас смотришь на вулкан, он кажется тебе расположенным на боку,— Человек будто следил за положением Колиных глаз,— но он гораздо ниже твоих глаз, просто ты привык продолжать все линии по прямым, и все смещается вверх... Отсюда видно на сотни тысяч километров, видно то, что находится на другом полушарии планеты.

— Значит, если бы над Землей была такая же плотность атмосферы, я из Москвы видел бы огонь над домнами Украины?

— А в зимние ночи берега Антарктиды...

— Но астрономам было бы трудно изучать небо, оно здесь такое маленькое.

— Зато ты здесь сразу видишь все звезды, все, которые только видны с Юпитера. Они никогда не заходят, как никогда не заходит над этой планетой Солнце. Оно только прикоснется к горизонту и тотчас же появится с другой стороны.

Раздался страшный удар, он заглушил и гудение вулканов и треск молний. Столб кроваво-красной жидкости вырос перед Колей, в его основании бурлила пена, кругами разбежались тяжелые, маслянистые волны, а через мгновение раздался еще удар, какое-то раскаленное тело упало на тот утес, на котором стоял Коля, и рассыпалось на тысячи сверкающих осколков.

— Так рождаются здесь кометы,— сказал Человек.— Посмотри, над жерлом любого вулкана черные точки: это выброшенные им глыбы, мешавшие выходить лаве и раскаленным газам. Вулканы Юпитера не так покладисты, как на Земле, они забрасывают эти каменные бомбы очень далеко, так, что некоторые из них уходят в дальнюю дорогу вокруг Солнца. За ними иногда тянется хвост газов и пыли, и тогда они видны с Земли как кометы. Самые маленькие блуждают по просторам Вселенной и, попадая в атмосферу Земли, сгорают...

— Метеориты?

— Да... Я и сам немного им сродни... Много еще сил у Юпитера, его огромная масса не дала угаснуть огненной буре в его недрах. Он выбросил два десятка спутников — двенадцать из них вы увидели с Земли,— наполнил кометами всю Солнечную систему и бурлит, вечно молодой, вечно могучий... Вырвавшись из глубин Солнца, он унес с собой часть его атмосферы. Азот и водород соединились в аммиак, углерод и водород— в метан. Это — море, море нефти, над которой газовый океан из аммиака и метана. Был бы в атмосфере Юпитера кислород, все море вспыхнуло бы, подожженное молниями...

— Вы ученый? — спросил Коля.— Вы великий ученый?

— Ученый?.. Да, великий... Но ты посмотри на небо, на звезды... Миллионы звезд принадлежат к тому же типу, что и ваше Солнце, и в моих руках ключ к ним! Быть звездой, подобной Солнцу, и не иметь планет нельзя, невозможно! Когда-нибудь я расскажу о себе...

— Расскажете, как бы не так! Вы даже имени

Животное схватило Колю за руку длинными, цепкими руками.

своего мне не сказали! Я вас так и зову —«Человек»... А здесь мне не нравится. Камни, как бомбы, вот опять всплеск! Ого! Целая гора плюхнулась в море! Нет, даже на Венере было спокойней. Даже там был воздух, была жизнь...

Говоря это, Коля нагнулся и, протянув свои невидимые руки, поднял блестящий осколок кристалла. Он поднес его к лицу и ждал. Прошло обычное время задержки, потом появились руки, протянувшиеся за осколком, вот осколок перед лицом, и Коля воскликнул:

— Что вы сделали? Что вы со мной сделали? Я вижу свое отражение! Это не я... Это вы, это— ваше лицо!..

Тяжелая рука легла на Колину голову, раздался знакомый щелчок, и земной свет солнца залил глаза. Коля стоял на лужайке парка, а перед ним стоял Человек и торопливо прятал на странно распахнутой груди сверкающий шлем.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Над Колей было родное и близкое, земное небо. Он стоял на той же поляне, где Человек надел на него шлем, шагах в тридцати от прежнего места. Прохлада сырой земли охватила его. Коля выбрался из кустарника, разыскал глазами Человека.

Они спустились в ложбину и шли долго, пока высокий каменный забор не встал на пути. Стройные липы стояли вдоль забора и, казалось, о чем-то думали, наклонив кудрявые головы навстречу заходящему солнцу.

Человек первый пробрался через пролом в стене, а когда Коля уже занес ногу, чтобы последовать за ним, в листве кустарника мелькнул выкрашенный синей краской крест, потом еще один и еще.

— Да это же кладбище! — воскликнул Коля.— Куда вы?

Человек не обернулся и продолжал идти вперед.

Коля с любопытством смотрел по сторонам. Он здесь никогда не был. Тропинка, по которой они шли, посветлела, было видно, что ее не так уж давно посыпали песком. Деревянные кресты сменили чугунные ограды вокруг однообразных колонн с полустертыми надписями. Человек взял Колю за руку и шел рядом с ним. На него также подействовали спокойствие и тишина, царившие здесь. Они пересекли широкую аллею и углубились в сторону. Коля опустился на пенек, к которому когда-то была прибита скамейка, а Человек лег на траву, вытянулся во весь рост и смотрел вверх, на медленно проплывающие облака.

— Что такое кладбище? — спросил он.

— Место, где хоронят людей. Закапывают их в землю.

— Зачем?

— Зачем? Ну как же? Человек умирает, нужно его куда-нибудь деть. Его и закапывают.

Человек вскочил на ноги.

— Осторожно,— сказал Коля,— не стойте так на могиле. Там покойник! Человек, который не живет!

— Человек... не живет? Что же с ним произошло? Несчастный случай? Падение метеорита? Выстрел?

— Да мало ли что? Просто в кровати умирают — и все. От старости...

— От старости? И все умирают? И ты и Дмитрий Дмитриевич?

— Конечно... Есть люди, которые долго живут, некоторые доживают до ста пятидесяти лет. Подумать только, они сто пятьдесят раз обошли вокруг Солнца!

— Только сто пятьдесят? Так вы... вы не вечны? Могу допустить применение оружия, взрывы, войны... Но ведь вы так много знаете! Ведь вы уже открыли тайну атома! И так просто, дома, от какой-то там старости?..

— Зачем вы так говорите? Будто вы сами...

— Нет, я не могу умереть. Я...— Он пошевелил губами, подыскивая нужное сочетание слогов.— Я бессмертен!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После торопливого, бессвязного рассказа Коли о его путешествии по Солнечной системе и о том странном разговоре, который произошел на кладбище, Дмитрий Дмитриевич задумался.

— Это надо описать,— сказал Коля,— и пусть напечатают.

— Ваше путешествие вряд ли кого заинтересует,— ответил Дмитрий Дмитриевич.— Тут какой-то фокус... За несколько часов побывать на Венере, астероиде и Юпитере невозможно! Да,— повторил он твердо,— невозможно! Во всей этой истории явное нарушение реальности. Науки здесь нет ни на грош.

— Вот это и есть вся ваша наука? — спросил Человек и почтительно указал на полки с книгами.

— Нет, это только капля в море. Людьми написаны сотни миллионов книг, мы построили тысячи колоссальных зданий, где они хранятся.

— Тысячи зданий! — воскликнул Человек.— И это все для ваших книг?

— Не следует смеяться над тем, в чем вы не разбираетесь! — резко сказал Дмитрий Дмитриевич.— Без книги нет современного человека, в книгах знание, наше прошлое и будущее, радость и кровь поколений борцов.

— Я не против книг,— сказал Человек.— Меня удивляет ваша жизнь. У вас есть очень глубокие проблески, интересные и верные мысли, но вам мешает спесь, чванство. Пока вам гордиться нечем.

— Нечем?!

— Да. Вы склонны к чувствительности, к грустным размышлениям и в то же время легкомысленны.

— Вы подразумеваете то, что мы смертны?

— Да, к чему жить? К чему искать, думать, бороться? Разве покойнику не безразлично?

Коля, который, раскрыв рот, слушал этот разговор, неожиданно вмешался:

— И я об этом думаю. Иногда, конечно, но думаю... Ведь мне будет все равно, когда я умру.

— Ты, кажется, комсомолец,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— а комсомолец...

— Это я знаю, но как можно не думать, когда думается? И чем больше не хочешь об этом думать, тем чаще думается! Да, да! И я... и мне совсем не хочется умирать... Ведь так интересно жить! И все, наверно, будет интересней и интересней. Только научишься чему-нибудь, окончишь школу, потом, может быть, институт, двадцать — тридцать лет поработаешь и все?!

— Я не об этом,— поморщился Дмитрий Дмитриевич,— совсем не об этом... Разве прожитыми годами измеряется жизнь? Что отдашь ты человечеству, отдашь ли ты свой труд, сердце, разум, всю свою жизнь без остатка — вот чем измеряется жизнь... Твой вопрос о жизни и смерти... Вопрос важный, конечно, но это просто один из вопросов, который человечество решит, решит обязательно, как оно не могло не открыть огонь или сталь.

— Тут есть над чем подумать,— сказал Коля.

— Думай, сделай милость, а пока иди домой, наверно, мать голову потеряла.

Но как только Коля ушел, Дмитрий Дмитриевич достал лист чистой бумаги и сказал Человеку:

— Давайте потолкуем насчет бессмертия. Может быть, действительно что-нибудь интересное.

Они проговорили всю ночь. Долгое время Человек не мог отыскать понятное и простое для Дмитрия Дмитриевича выражение сути дела. Они были вынуждены составить длинный список понятий, для выражения которых у них не было нужных слов.

— Я почти убежден,— сказал в заключение Дмитрий Дмитриевич,— что вы правы... Теперь второй вопрос: как, каким путем идти?.. Журнальная статья? Вряд ли выйдет. Скажут: «Ерунда, фантастика». Заявка... Одну минутку... Давайте напишем авторскую заявку, как на изобретение...

— Вы лучше меня знаете дороги в этом мире,— сказал Человек,— в бессмертии людей я тоже заинтересован.

— Так начнем? — спросил Дмитрий Дмитриевич и пододвинул к себе пишущую машинку.

К девяти часам утра заявка была готова. Вот она:

ЗАЯВКА

ОТ ЧЕЛОВЕКА, Д. Д. МИХАНТЬЕВА И Н. П. РОСТИКОВА.

Настоящим мы, нижеподписавшиеся, Человек, Д. Д. Михантьев и Н. П. Ростиков, просим выдать на наше имя авторское свидетельство на предполагаемое, сделанное нами самостоятельно и нигде не заимствованное изобретение под условным названием: «Способ создания физического бессмертия человека».

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Общеизвестно, что каждый представитель человеческого рода умирает. Авторы сразу же оговариваются, что речь идет о создании бессмертия, исключая случаи насильственной смерти, самоубийства и т. п., то есть речь идет об устранении естественной смерти, смерти от старости.

Известно также, что смерти предшествует перерождение тканей человеческого организма.

Настоящая заявка ставит своей целью устранение всех проявлений старости.

Авторы основываются на том, что жизнедеятельность организма сопровождается непрерывным процессом обмена веществ. Питательные вещества, попадающие в организм, впитываются стенками желудка и кишечника и разносятся кровью, которая осуществляет и газовый обмен в организме. Открытие метода меченых атомов позволило установить, что элементы, входящие в состав тканей организма, непрерывно обновляются за счет элементов, попадающих в организм во время питания. Однако при рассмотрении процессов обмена обращалось внимание только на химические превращения, то есть превращения, при которых затрагивались только электронные оболочки атомов. Процессы, происходящие в ядрах атомов, не рассматривались. Авторы считают, что изменениями, происходящими в электронных оболочках, нельзя объяснить явлений старения организма.

Известно, что на протяжении многих десятков лет не удавалось вызвать изменения в ядре атома никакими методами воздействия. Ни нагревание, ни пропускание электрического тока, ни химические реакции не могли ни ускорить, ни задержать процессы атомного распада. Однако в настоящее время цепь направленных химических и механических воздействий дает возможность получать так называемое атомное горючее, а сама атомная энергия освобождается после механического соединения двух объемов атомного горючего в один, превышающий некоторую определенную величину (так называемый критический объем). Известно также, что пропускание через пары некоторых веществ токов значительной силы способно развязать термоядерную реакцию.

Долгое время считалось, что два атома, имеющие в ядре одинаковое количество нейтронов и одинаковое количество протонов, являются совершенно одинаковыми. В последнее время было найдено, что в некоторых химических реакциях наблюдается отличие в поведении даже таких, построенных из одинакового числа частиц ядрах. Это различие связано с различием во взаиморасположении нейтронов и протонов в ядре.

Мы считаем, что выводимый из организма атом какого-либо элемента обладает — за счет перегруппировки частиц в ядре — энергией меньшей, чем атом, входящий в состав молекулы питательного вещества, то есть является его ядерным изомером. Чисто химическим путем этот атом не может стать вновь активным. Дополнительную энергию он получает в зеленом листе при облучении его светом солнца или каким-нибудь другим источником лучистой энергии.

Этим объясняется, в частности, почему облучение продуктов питания ультрафиолетовым светом приводит к образованию витаминов, почему все основные питательные вещества так или иначе связаны с лучистой энергией солнца.

На основании вышеизложенного мы объясняем появление признаков старости накоплением в тканях человеческого организма инертных атомов, которые обладают неблагоприятным расположением частиц в ядре. Однако введение в организм ряда веществ, приготовление которых подробно поясняется приложением к заявке, может обеспечить удаление этих атомов из организма и тем самым предохранение его от старости и естественной смерти...

Дмитрий Дмитриевич вставил от руки формулы в приложение к заявке, подписал все три экземпляра. Человек поставил против своей фамилии какую-то закорючку, очень замысловатую и мелкую.

— Завтра подпишет Коля и пошлем,— сказал Дмитрий Дмитриевич.— Пора спать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На столе Дмитрия Дмитриевича лежал аккуратно отпечатанный отказ в выдаче авторского свидетельства. Листок отказа был пересечен широкой синей полосой. При согласии на выдачу

авторского свидетельства полоса была бы красной. Дмитрий Дмитриевич получил за свою жизнь достаточное количество листков как с синими, так и с красными полосами и был сейчас чуть сильнее сосредоточен, чем обычно, и только. Человек был задет сильнее, крепко сжатый рот выдавал его.

— Они не понимают! — сказал Человек.

— Не переживайте,— ответил Дмитрий Дмитриевич.—Ну-ка, прочтем еще раз, теперь совсем спокойно.

«...рассмотрев заявку «Способ создания физического бессмертия человека» и все к ней относящиеся материалы, отдел изобретательства установил...»— читал Дмитрий Дмитриевич.— Ну, здесь они просто пересказывают смысл нашего предложения, а вот начинаются и возражения: «Отдел изобретательства и рационализации считает, что авторы проявили физическую и философскую, биофизическую и биохимическую неграмотность. Процессы и реакции, содержащиеся в «приложении» под номерами 1, 3, 7, 9, сомнительны, под номерами 2, 8, 10 основаны на неверных физических представлениях.

На основании изложенного отдел изобретательства и рационализации решил отказать Человеку, Д. Д. Миханьтеву и Н. П. Ростикову в выдаче авторского свидетельства на «Способ создания физического бессмертия человека».

Человек взял из рук Дмитрия Дмитриевича листки отказа и внимательно всмотрелся в маленькие буковки, напечатанные по краю листка.

— А здесь,— сказал Дмитрий Дмитриевич — он очень хорошо знал эту утешительную для всех изобретателей надпись,— здесь надежда: в месячный срок мы можем протестовать... Давайте воспользуемся этой надписью.

— Цель?

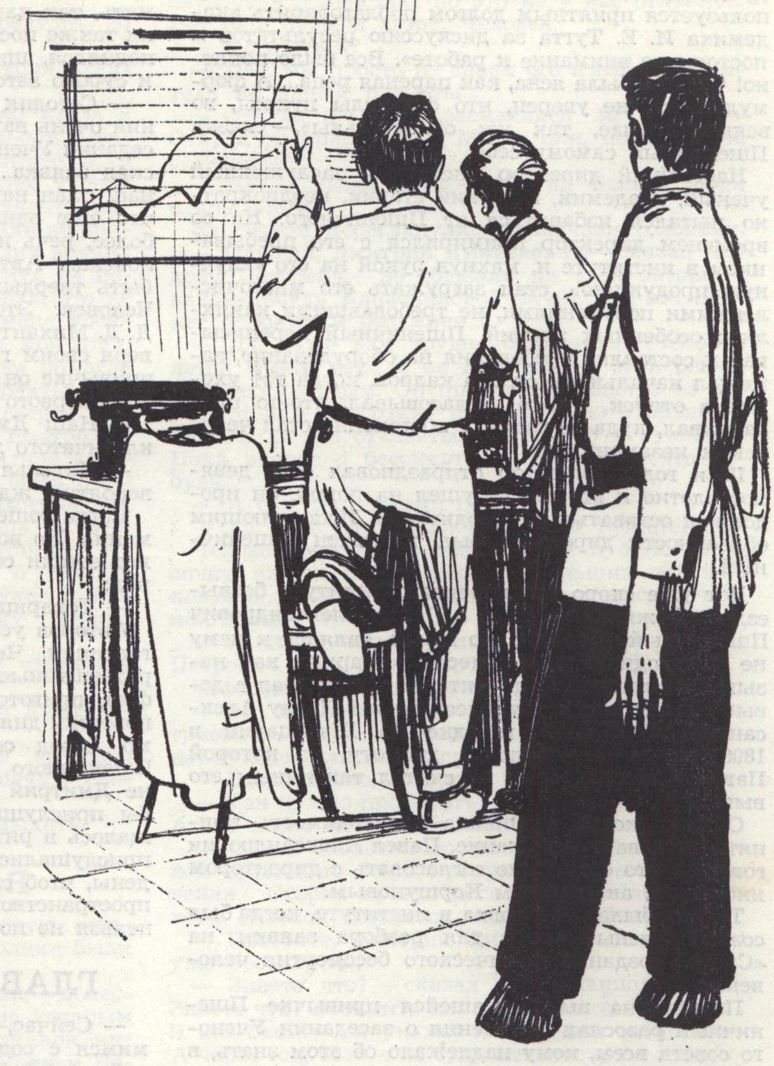
— Пошлют на вторичную экспертизу, может быть, другим специалистам...

— «Ознакомившись,— застучал Дмитрий Дмитриевич согнутым указательным пальцем,— с решением Отдела по изобретениям и рационализации, выражаем свое несогласие с ним по следующим причинам...»

Письмо было написано и отослано в тот же день, а через три недели на адрес Дмитрия Дмитриевича пришло краткое извещение. Изобретателям предлагалось явиться в институт, в котором работал Дмитрий Дмитриевич, и принять участие в заседании ученого совета, на котором будет рассмотрено их предложение.

— Это великолепно? — спросил Человек, прочитав извещение.

— Трудно сказать... Может быть, что-нибудь и получится, но у нас такой директор...

— Ну-ка,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— прочтем еще раз...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В институте, в котором работал Дмитрий Дмитриевич, сложилось очень трудное положение. Фактически вся полнота власти попала в руки Павла Александровича Пшеничного, исполняющего обязанности директора, человека, загадочного даже для тех, кто проработал с ним не один год.

С первого дня своего пребывания в институте Павел Александрович начал «осваивать» физику. Он вызвал к себе в кабинет библиотекаршу с ящичком каталога книг по физике, отобрал наугад ряд книг и велел никого не принимать. Вначале он попытался проникнуть в смысл формул и даже стал переписывать их на маленькие листочки блокнота шестидневки. После этого он перешел непосредственно к тексту и... все понял! Это открытие привело его в восторг. Действительно, он разбирал все, фразу за фразой: «Формула выведена в предположении, что...», «отсюда сле-

дует... где...», «после сложения получим...», «автор пользуется приятным долгом поблагодарить академика И. Е. Тугта за дискуссию результатов и постоянное внимание к работе». Все было понятно! Физика была ясна, как пареная репа... А формулы?! «Я не уверен, что формулы нужны, во всяком случае, так уж обязательны»,— сказал Пшеничный самому себе.

Настоящий директор института, заслуженный ученый, академик, глубокий старик, неоднократно пытался избавиться от Пшеничного. Но со временем директор примирился с его пребыванием в институте и, махнув рукой на его «научную продукцию», стал загружать его многочисленными поручениями, не требовавшими каких-либо особенных знаний. Пшеничный переписывал и составлял требования на оборудование, замещал начальника отдела кадров, когда тот уходил в отпуск, что-то согласовывал, что-то проталкивал, куда-то ездил и постепенно стал человеком незаменимым.

Шли годы, директор отпраздновал свое девяностолетие и все же не ушел на покой, он продолжал оставаться руководителем. Исполняющим обязанности директора был назначен Пшеничный.

Вот уже скоро год директор института безвыездно проживал на даче, а Павел Александрович Пшеничный, оберегая его покой, являлся к нему не чаще одного раза в месяц. «Старик», как называли в институте директора, подписывал годовые отчеты института, рассказывал Павлу Александровичу о своей поездке по Швейцарии в 1896 году и погружался в дремоту, из которой Павел Александрович не считал тактичным его выводить.

Однако когда возникала необходимость принять рискованное решение, Павел Александрович говорил, что его нужно согласовать с директором института, академиком Коршуновым.

Такова была обстановка в институте, когда был созван Ученый совет для разбора заявки на «Способ создания физического бессмертия человека».

По издавна выработавшейся привычке Пшеничный разослал сообщения о заседании Ученого совета всем, кому надлежало об этом знать, в том числе и «Старику»...

Вначале все шло, как обычно. Одиннадцать часов утра... Сотрудники толпятся в коридоре, курят, разговаривают о своих делах, о возможных вариантах решения совета. Еще пятнадцать минут, и, мягко ступая на носки, появится заместитель директора по научной работе и, тяжело усевшись за стол президиума, пошлет секретаря в коридор.

— Просят заходить,— скажет Наталья Степановна,— уже пора...

Пора! Пора! Сотрудники, перекидываясь друг с другом приветствиями, рассаживаются, и наконец наступает молчание... Проходит несколько минут, и появляется Павел Александрович... Как, человек военного склада опаздывает? Нет, это не опоздание, это расчет, тактический расчет! Он уже давно топтался у дверей своего кабинета, поглаживая всегда защелкнутый английский замок, посматривая на свои по-военному точные часы. Внутренним оком своим он видел зал заседаний, почувствовал эту минуту молчания и вот теперь вышел из кабинета и, ни на кого не глядя, проходит к своему креслу за столом президиума.

Он внимательно, придерживая рукой очки, просматривает повестку, которую знает на память, так как составлял ее сам, и все сотрудники также посмотрели на свои повестки. Потом он поднялся, широким жестом отнял от глаз очки и сурово заговорил:

— Сегодня мы собрались здесь для проведения очень важных мероприятий. В открытом заседании Ученого совета будет разбираться авторская заявка... Мне не хотелось бы уточнять, но наш план научных работ настолько перегружен, что еще одна тема... Вы должны понять... Тем более, речь идет о физическом «бессмертии» человека... Авторы подняли шум, но нам нужно быть твердыми... Авторов трое: первый автор — Человек. Это, вероятно, псевдоним. Второй — Д. Д. Михантьев... Михантьев?! — Пшеничный, не веря своим глазам, надел очки; по многолетней привычке он обратил внимание только на фамилию первого автора...

— Наш Дмитрий Дмитриевич? — донеслось с клеенчатого дивана.

— Наталья Степановна, позовите авторов, они, вероятно, ждут,— сказал Пшеничный.

Когда вошел Человек, на него не обратили внимания. Но вот появился Дмитрий Дмитриевич, и все встали со своих мест, а Пшеничный закричал:

— Товарищи, не отвлекайтесь!

Авторов усадили в первом ряду. Коля с благоговением, Человек с интересом разглядывали развешанные по стенам зала графики и фотографии, приготовленные для следующего вопроса повестки дня. Дмитрий Дмитриевич смотрел прямо перед собой в просвет между пиджаком Пшеничного и зеленой шторой за ним. Внешне Дмитрий Дмитриевич был спокоен. Но если бы прислушаться к его сердцу! Сердце сокращалось в ритме старого марша... Да, если бы вы прислушались, то ясно услышали бы: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...» А с этим маршем нельзя не победить,— это проверено историей.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Сейчас,— сказал Пшеничный,— мы ознакомимся с содержанием авторской заявки.

Дмитрий Дмитриевич быстро встал и направился к кафедре, но Пшеничный остановил его властным движением руки.

— Я думаю,— сказал он,— что вам излагать что-либо не придется. Официальных материалов, которыми располагает институт, вполне достаточно.

— Но я хочу дополнить, разъяснить...

— Дополнить, разъяснить? Всякое дополнение и разъяснение есть уже новое изобретение, а мы рассматриваем ваше старое изобретение, то, по которому идет переписка и по которому мы должны дать обстоятельный ответ. И потом, к чему это, товарищ Михантьев, ваше «я хочу»? Я хочу, мы хотим, они хотят... Если потребуется, вы будете обязаны дополнять и разъяснять...

Пшеничный прочел Ученому совету вводную часть заявки.

— Вот, собственно, и все,— сказал он,— а «наукообразное» приложение к заявке вряд ли заслуживает внимания совета. Я сам созвонился с весьма крупными специалистами, и они о большинстве реакций даже не слыхивали. Итак, я призываю совет к максимальной активности. Прошу помнить, что нужно говорить не о мело-

чах, а о главном, чтобы суть дела не утонула в каких-нибудь там формулах.

Первым выступал заместитель директора по научной части.

— Это на два часа,— шепнул Дмитрий Дмитриевич Коле,— не меньше.

— Уважаемые члены Ученого совета! Когда я еще в 1928 году присутствовал на Ученом совете, посвященном новому вечному двигателю, я сказал себе: «Нет, это не пойдет». Кроме ученой степени, каждый ученый должен обладать интуицией, должен чувствовать, пойдет или не пойдет. Сегодня, когда Павел Александрович вручил мне повестку Ученого совета, я взглянул на него... то есть на нее, и сразу почувствовал: это не пойдет! Не пойдет, товарищи, хоть меня убейте! Это все, товарищи, как говаривал мой отец, «ярмарка на небе». Да, ядерная физика помогла нам установить очень интересные факты. Мы узнали, что человек может усвоить углерод, находящийся в воздухе; мы знаем, как быстро сосредоточиваются атомы йода в щитовидной железе, но не нужно торопиться. Не нужно быть, Дмитрий Дмитриевич, беспочвенным фантазером, астрологом и алхимиком. Ты думаешь о бессмертии — это трусость, Дмитрий Дмитриевич! Не в традициях нашего народа думать о смерти. «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...» Вот это мужество, вот чему нужно учиться!..

Заместитель директора по научной части закончил свое выступление в час дня.

— Я прошу слова,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

Пшеничный внимательно взглянул на свои часы и, захлопнув серебряную крышечку, сказал:

— Уже обед, товарищи. Можете отдыхать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Дмитрий Дмитриевич вошел в столовую, оставив Колю и Человека у входа. Все столики были заняты.

— Дмитрий Дмитриевич, идите к нам,— донеслось с одного из дальних столиков, за которым расположилось человек шесть сотрудников института. Для Дмитрия Дмитриевича, Коли и Человека достали стулья; между первым и вторым блюдами завязался разговор.

— Всего мы ожидали, Дмитрий Дмитриевич! Мы были уверены, что ты что-нибудь изобретешь, напишешь какую-нибудь теоретическую работу, но что ты предлагаешь? — сказал Андрей Петрович Рябцев, заведующий одной из лабораторий, вытирая усы.— Не обижайся на нас, но ты предлагаешь какую-то беспомощную вещь, берешь в соавторы мальчика...

— Что тебе нужно? — спросил Дмитрия Дмитриевича другой сотрудник, из категории буйно-принципиальных.— Слава глупая, что ты первый сформулировал условия бессмертия? Ты бы уж нам на совете поподробнее все рассказал, а то наш Пшеничный нам ни формул, ни выкладок не покажет.

— Все гораздо интереснее, чем вы думаете,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— мысль о бессмертии — не моя мысль...

— Не твоя?! Ты же был сама щепетильность! — возбужденно сказал Андрей Петрович.— И ты воспользовался чужой мыслью?!

— Вы не так поняли... Это действительно новое, новое на Земле, в этом буква закона удовлетворена полностью, но это не у нас открыто... Вот наш первый автор, Человек.

— Псевдоним?

— Нет, мы просто не знаем его имени. Он житель не нашей планеты...

— Откуда же он? — засмеялись за столом.— Откуда он прилетел? С Марса или, может быть, с Венеры?

— Нет,— сказал Коля,— нет, на Венере люди с крыльями.

За столом переглянулись, покачали головами.

— Слушай, Дмитрий Дмитриевич,— сказал Андрей Петрович,— не сбежали ли твои авторы с какой-нибудь Канатчиковой дачи? Все это пахнет добротным безумием...

— Да, даже вам трудно объяснить... Человек летел к нам века и не долетел бы, если бы не был бессмертным. Он принес нам многое из того, что нам все равно пришлось бы открывать. Можем ли мы отказаться от нового и нужного? Пока вопрос о бессмертии, потом еще что-нибудь...

— А сам метод вами подготовлен?

— Да, Человек сделал несколько таблеток...

Человек осторожно поставил на пустую тарелочку из-под хлеба шесть небольших зеленых конусов, каждый из них мог поместиться в чайной ложке.

— А что с ними делать? — спросил Андрей Петрович.— Чи до борщу, чи на ничь?

Человек удивленно прислушался.

— Это по-украински,— пояснил Дмитрий Дмитриевич.— Когда, спрашивает он, их глотать можно? С едой или перед сном?

— Безразлично,—ответил Человек.

— Так нужно проверить,— сказали за столом.— А что после такой таблетки произойдет?

— Одной таблетки достаточно, чтобы в молодом организме были прекращены всякие изменения... Старик превратится в человека средних лет... Ребенок останется навсегда ребенком...

— Простите, Дмитрий Дмитриевич, а сами вы уже бессмертны?

— Знаете что? — сказал неожиданно Коля.— Знаете что? Возьмите меня для опыта! Да, меня... Я это съем.— Он указал на зеленые таблетки.— А через год, если я не буду меняться, вы все убедитесь...

— А это идея...— сказал кто-то.— Но только опасно...

— Нет, нет,— торопливо заговорил Коля.— Я очень быстро меняюсь. Вы только подумайте, прошлый год я был на четыре сантиметра ниже...

— Год ждать,— проговорил Дмитрий Дмитриевич.— И потом, ты же хотел, кажется, еще вырасти?

— Не нужно мне больше расти,— сказал Коля,— если не нужно расти, то я и не буду расти...— Он протянул руку, взял одну из таблеток и, прежде чем кому-нибудь в голову пришло его остановить, отправил ее в рот. У него мгновенно закружилась голова, зеленая пена выступила на губах...

— Воды! Скорее воды! — закричали за столом.

Дмитрий Дмитриевич ринулся на кухню, где ему набрали прямо из крана стакан теплой воды, и он побежал назад. Коля лежал на сдвинутых стульях, зрачки в его глазах дрожали у переносицы. Все стояли притихшие, испуганные...

— Что там? Что там случилось? — раздавалось за соседними столиками.

— От духоты, наверно?

Коля медленно стал приходить в себя. Его запястья крепко стиснул Человек, и по его сосредоточенному лицу было видно, что он считает пульс...

Через несколько минут Коля поднялся. Сотрудники заторопились на Ученый совет. Колин поступок произвел на них впечатление. Все притихли, каждый углубился в свои мысли. Коля собрал оставшиеся зеленые конусы с тарелочки, задумчиво на них посмотрел и сунул в карман куртки...

Совет еще не начался. Пшеничный торопливо отдавал какие-то приказания. Наталья Степановна подвинула к столу президиума кресло.

— Что произошло? — спросил Андрей Петрович.— Что случилось?

— Ах, Андрей Петрович,— бросилась к нему Наталья Степановна,— вы уж оставьте ваши колкости, резкости, только на сегодня оставьте! Ужас какой, какой ужас!

— Но все-таки, в чем дело?

— «Ста́рик» едет! Наш... академик Коршунов. Вот что! Нам сейчас позвонили, что он никаких врачей слушать не хочет, ему подали машину, и он к нам едет... Он, оказывается, прочел повестку, а там про это бессмертие. Он прочел и заволновался, говорит: «Что бы там ни говорили, а этого я пропустить не могу: я, кажется, у них все-таки директор»... Вы уж, голубчик, без своих острот, осторожненько...

Пшеничный вошел в зал, быстро прошел к своему столу.

— Рассаживайтесь, товарищи, скорее рассаживайтесь, нам нужно срочно, совершенно срочно принять выработанную нами резолюцию...

— Как так? — тихо сказал Андрей Петрович и смутился.

— Продолжайте,— потребовал Пшеничный, устремив на Андрея Петровича пронизывающий взгляд.

— И скажу.— В голове Андрея Петровича, где-то под лобной костью, разлилась боль, заныл глаз. Эта боль посещала его в минуты волнения с детства, и сейчас он ей обрадовался и еще больше испугался.— И скажу! Все скажу!

— Потом, потом! — замахал руками Пшеничный.

В зал мелкими медленными шагами входил маленький высохший старичок. Его белая, как лунь, голова непрерывно кивала. «Старика» подвели к креслу и усадили.

— Наталья Степановна,— вполголоса сказал Пшеничный,— вот вам ключ, там у меня в столе коробочка с его леденцами лежит...

— Не беспокойтесь,— дребезжащим голосом сказал «Старик»,— не нужно беспокоиться.

Леденцы были принесены на голубом стеклянном подносе от графина с водой.

— Прошу вас, продолжайте совет,— сказал «Старик».

— Я прошу слова,— сказал Андрей Петрович и поднялся.

— Совет принял следующее решение,— не обращая внимания на Андрея Петровича, сказал Пшеничный.— Мы отвергаем предложение группы авторов. Нам, товарищи, не нужно это бессмертие, которое...

— У вас же просят слова...— едва слышно сказал «Старик», и Пшеничный, не окончив фразу, нервно пододвинул «Старику» поднос с горкой леденцов и, запинаясь, сказал:

— Кушайте, пожалуйста, кушайте...

— Я,— сказал «Старик»,— очень заинтересовался первым вопросом повестки дня... Наконец-то, наконец-то в поле зрения нашего института попадают действительно большие, можно сказать, грандиозные вопросы...— «Старик» замолчал, пососал леденец и твердо указал на Андрея Петровича сморщенной рукой.— Даю вам слово, уважаемый, даю.

— Нам принесли интересную мысль, и все не так просто, как изображает здесь Павел Александрович. Давайте разберем эту мысль по существу... Пусть она неверна, но за одну только необычность ее нельзя отклонять! Я уверен, что если бы принести проект охотничьего ружья пещерным людям, они подняли бы его на смех...

— Согласен, хе-хе-хе,— засмеялся «Старик», отправляя в рот очередной леденец.— Пещерные люди ужасно смеялись бы, ужасно...

— Мы не должны отвлекаться, не должны.— Пшеничный звонко постукивал карандашом по подносу.— Не должны... Почему вы,— обратился он к Коле,— тянете руку вверх? Вы просите слова?

— Да,— сказал Коля,— прошу.

— Дайте ему слово, дайте, мы хотим выслушать авторов! — зашумели сотрудники.

— Говорите,— выдавил из себя Пшеничный.

— Мы ничего плохого не хотим, мы просто хотим, чтобы все люди были бессмертными, всегда сильными, всегда молодыми. Так много нужно сделать... Мы хотим, чтобы весь мир стал другим, лучшим... Вот эти таблетки,— Коля раскрыл ладонь, на ней лежали полурастаявшие от человеческого тепла зеленые конусы,— вот они. Человек говорит, что одной таблетки хватит на всю жизнь, навсегда... Вот...— Коля подошел к столу президиума и положил на поднос один из конусов.

— Мы благодарим вас за ваше содержательное выступление,— едва приметно улыбнулся Пшеничный,— для вашего возраста очень, очень дельно... Мы объективные люди и во избежание кривотолков попросим выступить первого автора,— директор посмотрел в повестку,— Человека... Здесь, простите, не опечатка? Может быть, Человекова?

Человек вскочил на ноги и заговорил, заговорил негромко, опустив голову. Все повернулись к нему с любопытством. Его голос, нарастая в силе, казалось, шел со всех сторон,— было похоже, что заговорили столы и стулья, тонко зазвенело, запело стекло в окне. Сотрудники переглянулись, в шуме столовой они не обратили внимания на его голос.

— В мире, откуда я, в моем мире такие заседания, записанные в ампулах, хранятся в специальных музеях, их изучают, показывают детям, как вы изучаете наконечники каменных стрел.— Человек расстегнул ворот гимнастерки; теперь его голос гремел, как могучий поток, как лавина огромных камней.— Я хочу, чтобы вы жили вечно! Мне говорил Коля, что вы стараетесь не думать о смерти, что здесь ничем не поможешь, что всегда было так и будет... Но разве вы всегда умели стрелять и печатать книги, строить дома и рыть шахты? Что было бы с вами, если бы все люди говорили так, как вы? Не было, но будет! Потому что вы сами этого хотите, потому что этого хочу и я, мне это нужно, а вам я сокращу на пять веков путь исканий, потерь и заблуждений, каждому из вас и всем вместе...

— Вы сказали, что в мире, откуда вы? — Павел Александрович поискал глазами начальника отдела кадров, и тот, выбравшись из дальнего угла и спотыкаясь о ноги сидящих на клеенчатом диване, остановился в дверях.— Да, да, я не ослышался! Вы сказали о мире, откуда вы пришли! А откуда вы явились? Кто вы? Иностранец? И потом, раз вы из другого мира, может быть, там разбираемое изобретение давно уже известно? Прекратите, Дмитрий Дмитриевич, жестикуляцию.

— Да, в моем мире это всем известно. У нас все бессмертны.

— Так вы не являетесь истинным автором изобретения?! Ваш паспорт! — резко сказал Пшеничный.

— У него...— начал было Дмитрий Дмитриевич, но директор отмахнулся.

— Не с вами, не с вами разговаривают! Как его пропустили в институт?

— Его вписали в мой пропуск,— сказал Коля.— У него нет паспорта.

— Вообще нет паспорта? Это очень интересно...— Директор кивнул начальнику отдела кадров, и тот быстро выбежал в коридор.— Вы забыли, Дмитрий Дмитриевич, забыли, что авторские свидетельства выдаются только гражданам Советского Союза, что иностранцу выдается патент, а патенты мы не обсуждаем.

— Не вижу разницы,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— не вижу!

— Нет, это ужасно,— сказал Пшеничный,— ужасно! Мы делились своими высококвалифицированными заключениями черт знает с кем! Это моя оплошность, моя вина, я объявляю выговор начальнику отдела кадров. Вам, товарищ Михантьев, тоже выговорок. Я должен быть требовательным к себе, должен! Совет окончен! Решения мы не примем!

В наступившей тишине явственно раздался голос заместителя директора по научной части:

— Но, Павел Александрович, мы... мы сами могли бы стать бессмертными... — Заместитель директора остановился, глаза его уставились на дверь: там стоял смущенный милиционер в полной форме; из-за его плеча выглядывал начальник отдела кадров.

— Вот этот гражданин, — начальник отдела кадров пальцем указал на Человека, — совсем без паспорта.

Милиционер удивленно спросил Человека:

— У вас действительно совсем нет паспорта?

Дмитрий Дмитриевич и Коля стали наперебой объяснять милиционеру сложившуюся ситуацию, и они втроем вышли в коридор. Милиционер сказал: «Пройдемте» — и вышел из института первым, авторы поплелись за ним. Сотрудники, прильнув к стеклам, наблюдали их бесславный уход.

— Да ведь мы сами, сами могли бы стать бессмертными! Как это нам в голову не пришло?

— Мы? — сказал Пшеничный и в задумчивости так сильно укусил оправу очков, что лязгнули зубы.

— Хе-хе-хе,— вдруг рассмеялся «Старик».— Круты вы, батенька, не помню вашу фамилию...

— Пшеничный,— подсказал Павел Александрович.

— Вот, вот, Пшеничный, круты вы... Ученый совет нужно проводить без милиционера... Да, да... Получается несозвучие, диссонанс, диссонанс получается... между возможностями института и тем направлением, которое придает Ученому совету товарищ... не помню вашу фамилию...

— Пшеничный! — в один голос сказали сотрудники.

Да, да, Пшеничный... Это напоминает одну рыбу, забыл, как ее название... а, рыбу слон...

Зал задрожал от смеха, даже Пшеничный сдержанно засмеялся негромким, сухим смешком.

У «Старика» в уголке глаза сверкнула маленькая слезка.

— Я оговорился,— сказал он,— только оговорился... Я хотел сказать: рыба... рыба сом... Да и вы все похожи на этого сома. У него могучие мускулы, а плавников нет, и лежит он себе в тине всю свою жизнь...

В дверях стоял милиционер в полной форме...

«Старик» протянул руку к подносу с леденцами, нащупал зеленый конус, который положил Коля, и поднес его к глазам.

— Мне,— сказал он,— хе-хе, уже терять нечего... слабеет память, я его съем, съем его...— И с этими словами «Старик» отправил в рот конус Человека...

Зал застыл, все с любопытством следили за тем, как «Старик» старательно разжевывает пилюлю.

— Очень приятное ощущение,— сказал «Старик»,— вы можете мне позавидовать... И если бы разобрались в сути дела, то все, все могли бы получить по такому угощению, хе-хе-хе...

И здесь произошло совершенно неожиданное. Смех старика, слабый, еле слышный, постепенно креп, голос его становился все звучнее, насыщеннее, громче. И через секунду «Старик» хохотал здоровым смехом...

— Что с ним? — закричали сотрудники.— Смотрите! Что с ним?

Густой румянец прилил к щекам «Старика», казалось, что его морщины разгладились, а когда по его белоснежной бороде побежала от корней волос черная полоса, сомнения исчезли: конус был не выдумкой, «Старик» на глазах становился молодым! Вот он стал на ноги и осторожно стал их выпрямлять... И ноги выпрямились. Старик уставился на свои руки, на которых вместо ссохшейся, сморщенной кожи теперь была молодая, чуть розовая кожа... А лицо! Вздох пронесся по залу. Это было не его лицо, это было лицо молодого человека; ему можно было дать не больше тридцати лет, если бы его не старила густая борода, теперь уже почти целиком черная, только на самом конце клинышка бородки белел островок седины.

— Зеркало! — громко и властно сказал «Старик», и только сейчас сотрудники вспомнили, что он не «Старик», а академик Коршунов, смелый ученый и энергичный организатор, веселый и напористый человек.

Наталья Степановна вытащила из своей сумочки маленькое зеркальце и протянула его «Старику».

— Я молод! — закричал он.— Молод! Слышите?! Друзья! Я не могу прийти в себя от счастья... Это драгоценные листики,— сказал он, отбирая у Пшеничного заявку Человека,— драгоценные... И наш институт непременно займется этим вопросом.

— Но мне кажется, что...— начал было Пшеничный, но академик Коршунов его прервал:

— А мне кажется, товарищ Пшеничный, что в этом институте все-таки я директор. И с сегодняшнего дня считайте, что я вернулся из отпуска...

— Э, нет! — воскликнул Пшеничный.— Нет, нет, еще нужно все доказать... Вам нужно уйти на покой... По старости, по старости...

— Но я молод... Черт возьми, я ужасно, ужасно хочу есть, не просто есть, а ужасно... Я молод, великолепно себя чувствую. Мы еще поработаем, товарищи...

— А ваши документы! — Теперь Павел Александрович уже кричал.— А ваши документы, ведь вам за девяносто, за девяносто! За девяносто!..

— Да, моим документам за девяносто, а мне, мне двадцать пять! — под аплодисменты всего Ученого совета закончил Коршунов.

Разгневанный Пшеничный выбежал из зала заседания.

Долго еще шумели сотрудники, а потом допоздна горел свет в зале заседания, и Наталья Степановна все носила и носила папки с делами и отчетами за прошлые годы... Академик Коршунов время от времени хватался за голову и говорил:

— Вот проходимец, вот проходимец этот Пшеничный!

(Продолжение следует)

Сверчки

Рассказ **ЖЕНЬ ДА-ЛИНЯ** Рисунки **А. Ливанова.**

Это лето было особенно жарким. Хотя наше село Силинсян расположено в горах, днем духота стояла такая, что делалось прямо невмоготу. Снимаешь с себя все, кроме коротких штанов, и все равно пот льет градом. Лишь к вечеру, когда солнце садилось за горы, начинал дуть ветер с Бэйганьшаня; он приносил с собой прохладу и запахи горькой полыни и сосновой смолы. Поужинав пораньше, надев белые рубашки и заткнув за пояс тростниковые веера, мы отправлялись к Чжоу Цзя-таю, во дворе у которого обычно происходили бои сверчков.

На душе у меня было легко и весело. Начальная школа закончена, экзамены в среднюю школу прошли, заданий на каникулы никаких! Председатель кооператива дядя Чжэнь-гэнь меня не приглашал на работу. Я целыми днями купался или удил рыбу, а по ночам ловил сверчков; конечно, иногда я помогал старшему брату, но это не очень меня утомляло.

Однажды мои товарищи Фу-син и маленький А-цзинь устроили состязание сверчков. Оба сверчка кусались свирепо. Я стоял в толпе ребят и напряженно следил за боем. Вдруг кто-то толкнул меня в спину. Я обернулся и увидал Сюй Сяо-куя.

— Иди-ка сюда, Люй Ли-сюань! — позвал он и извлек из-под рубашки два письма.— Это тебе, а это мне, только что с почты принес.

Я глянул на письмо: из средней школы! Разорвал конверт, вытащил листок бумаги и быстро прочел.

— Ну, как? — заглядывая через мое плечо, спросил Сюй Сяо-куй.

— Не принят,— как можно спокойнее ответил я.

— Не принят?! — вздохнул Сюй Сяо-куй.— Ну, так мое письмо можно и не читать.

Я выхватил у него письмо и прочитал: конечно, тоже не принят.

— Что же теперь делать? — тихо спросил Сюй Сяо-куй.

Невдалеке стояла Ши Сяо-фэнь — дочка председателя кооператива. Она окончила школу раньше нас и давно уже работала.

— Что делать? — нарочно громко, чтобы она слышала, переспросил я.— Конечно, со спокойным сердцем идти работать в кооператив, гарантирую, что мы дадим родине много зерна и станем героями труда...

На следующее утро старший брат растолкал меня еще до восхода солнца.

— Работать? В такую рань? И поспать-то человеку не дадут! — недовольно проворчал я.

— Ничего, умойся холодной водой, сразу проснешься. Дядя Чжэнь-гэнь назначил тебя в мою бригаду.

Я вскочил, кое-как сполоснул лицо, схватил соломенную шляпу и помчался вслед за братом.

По дороге брат сказал мне, что сегодня в кооперативе будут жать ранний рис, должны снять урожай с поля в двадцать му. Это показательная работа для всех окрестных

групп взаимопомощи и единоличников. Все, кто умеет жать рис, будут участвовать в этой работе. Убирать урожай надо как можно скорее и лучше. И еще брат сказал (наверно, чтобы попугать меня), что с непривычки жать трудно и что я, наверно, буду вместе с другими ребятишками подбирать упавшие колосья.

Я возмутился:

— Кому это охота собирать колосья! Я сразу научусь жать и буду работать не хуже тебя, гарантирую!

Пришли на поле. Народу видимо-невидимо! Все уже работают. И Ши Сяо-фэнь жнет, высоко подвернув брюки, чтобы не замочить их в бороздах рисового поля, наполненных водой.

Я пошел по борозде и увидал своих товарищей Чжао Да-юня и Сюй Сяо-куя.

К нам подошел дядя Чжэнь-гэнь и сказал:

— Ты, как и все школьники, никогда раньше в поле не работал, вот сегодня мы испытываем вас!

— Будь спокоен, дядя Чжэнь-гэнь,— перебил я его,— гарантирую, что испытание выдержу. Прошлым летом я в группе взаимопомощи сжал целый пай!

Я энергично орудовал серпом и чувствовал, что у меня получается не так уж плохо. Помня слова брата, я держал стебли посвободнее, а серп — покрепче. Тут нужны ловкость и проворство: взмах серпом — и целого пучка как не бывало! Скосив глаза, я глянул в сторону Сюй Сяо-куя. Хэй! Как он отстал! На целых шесть чи [1] позади меня. Вот он стал точить серп о камень. Конечно, уже затупил. Поработав еще немного, я снова обернулся: Сюй Сяо-куй все еще стоял на прежнем месте и засучивал рукава рубашки. Взглянув на его лицо, я понял, что он не выдержал. Так я и думал! Мать его с детства избаловала, изнежила, не приучила ни к какой работе. Он жал только траву для овец.

Мне казалось, что я работаю все лучше и лучше.

Вдруг из-под моих ног выпрыгнул сверчок. Я сразу увидел, что это не простой сверчок, а настоящая «Змеиная голова». Я бросил серп и схватил сверчка. Кто ж мог предположить, что он, как бешеный, вцепится в мою руку! Я невольно слегка разжал кулак, и сверчок выскользнул.

— Ну погоди, негодяй, все равно далеко не убежишь!

Сверчок подпрыгнул раза три и исчез в стеблях только что сжатого риса. Тут уж я разозлился. Стал трясти рисовые стебли, хлестнул ими по земле. Нет, сверчку не удалось скрыться.

— Попался, миленький! Теперь не будешь безобразничать! За твои длинные усы я назову тебя «Черноусым генералом». Нравится тебе твое имя?

Я достал из кармана бамбуковую трубочку и посадил сверчка в нее.

Когда, покончив с этим делом, я обернулся, то увидел, что за моей спиной стоял председатель кооператива.

— Чем это ты занимаешься? — спросил он.

Уши мои горели от стыда, но ответил я довольно бодро:

— Огромный сверчок, дядя Чжэнь-гэнь, несомненно, «Змеиная голова». У него ядовитые зубы, и он, конечно, победит «Красноголового князя» Фу-сина, гарантирую...

— Сверчки — дело хорошее, я когда-то тоже ловил сверчков... Иди-ка ты вон к тем ребятам, Люй Ли-сюань, и подбирай вместе с ними колосья, эту работу мы тоже учитываем!

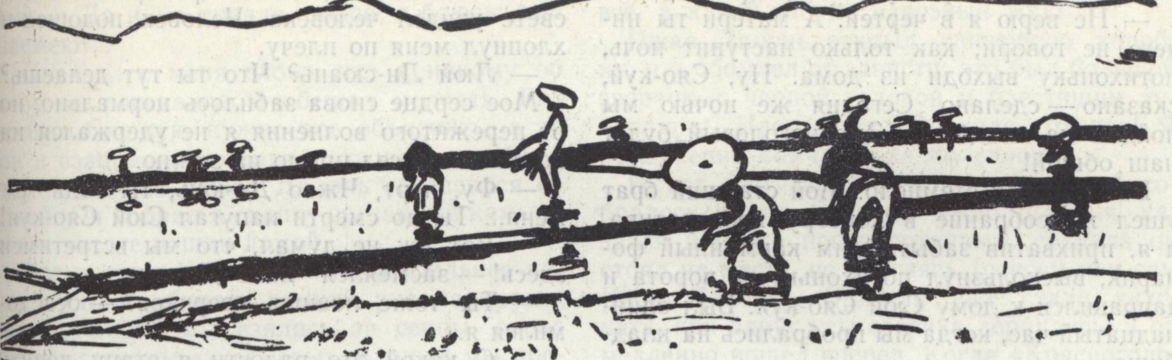
— Дядя Чжэнь-гэнь,— заволновался я,— я не пойду собирать колосья, я хочу жать! Я... гарантирую, больше не буду ловить сверчков!

— Сверчки — это ничего,— сказал дядя Чжэнь-гэнь,— но я только что проверил твою работу. Жнешь ты быстро, только оставляешь много риса на поле.

— Гарантирую, буду внимательнее, научусь!

— Мы тоже хотим тебя научить, только уж сегодня не стоит. Работа показательная,

[1] Чи — мера длины, равная 32 сантиметрам.

никак нельзя осрамиться! Вот начнем другое поле, тогда и поучишься.

Так я был изгнан с борозды. У дороги меня поджидали Сюй Сяо-куй и Чжао Да-юнь.

— Как дела? — спросил я их.— Я вижу, нам всем не везет!

Мы собирали упавшие во время жатвы колосья вместе с маленькими ребятишками, а неподалеку от нас жала Ши Сяо-фэнь, уверенно взмахивая серпом. Срезав большой пук колосьев, она выпрямлялась, быстрым движением перекидывала косы за спину и, усмехаясь, поглядывала в нашу сторону.

После ужина я сразу же отправился к Фу-сину.

— Давай сразимся! — сказал я ему.

— Что, поймал сверчка? — заинтересовался он.

Я приподнял крышку глиняной чашки, в какой у нас всегда держат сверчков, и дал ему поглядеть.

— Это мой новый, «Черноусый генерал», настоящий змеиноголовый, зубы у него ядовитые. Знаешь, как я его поймал? Смотрю, змея свернулась кольцом, а около нее этот сверчок. Я сразу смекнул, что это змеиноголовый. Змея спала, вот я его и сцапал.

— В самом деле? Ну, значит, будет большое сражение! — оживился Фу-син.— Только смотри, мой «Красноголовый князь» поблажки не дает, он уже победил двенадцать сверчков!

— Твой «Красноголовый» сразу скапутится. У моего «Черноусого» ядовитые зубы.

Нас окружили ребята, и мы все отправились во двор Чжоу Цзя-тая. Соломинкой я подтолкнул своего сверчка, он раскрыл зубастый рот, засвиристел и ринулся на «Красноголового князя». Бойцы сцепились. Но, как только «Красноголовый князь» разомкнул саблеобразные зубы, мой «Черноусый генерал» стремительно вылетел из чашки, служившей рингом. У зрителей вырвался возглас разочарования. Когда я подобрал «Черноусого» и водворил его обратно в чашку, оказалось, что у него повреждена нога и зубы не сходятся вместе. Я снова подтолкнул его соломинкой, но он повернулся и припустился назад.

Все громко захохотали.

— Вот так «Черноусый генерал»! — крикнула Ши Сяо-фэнь.— Ему только с клопами воевать!

Насмешки были справедливые, такого срама я, кажется, никогда в жизни не переживал.

Все разошлись. А я сел под дерево и принялся глядеть на далекие вершины Бэйганьшаня.

Стемнело. Подул ветер, и стало прохладно, а я все сидел в одиночестве; возвращаться домой не хотелось.

Подошел Сюй Сяо-куй и сел рядом.

— Не огорчайся,— сказал он,— это был не настоящий змеиноголовый, не стоит о нем жалеть...

Вдали прокричал филин. Посидели еще немного.

— Я должен отыграться во что бы то ни стало,— сказал я решительно.— Эх, поймать бы настоящую «Змеиную голову»!

— Я могу тебе помочь. Знаешь, на кладбище за нашим домом наверняка водятся змеиноголовые сверчки, я каждый вечер слышу, как они там трещат.

— Настоящая «Змеиная голова» не во всякое время трещит, во вторую стражу [1] она кричит два раза, в третью — три, а в пятую — пять раз!

— Вот ночью и пойдем! Только мама, если узнает, заругается, она говорит, на кладбище живут черти.

[1] По старой китайской системе времени, употребляющейся и до сих пор, период от 7 часов вечера до 5 часов утра делится на пять двухчасовых отрезков — страж.

Я невольно вздрогнул, но храбро ответил:

— Не верю я в чертей. А матери ты ничего не говори; как только наступит ночь, потихоньку выходи из дома. Ну, Сяо-куй, сказано — сделано. Сегодня же ночью мы пойдем на кладбище. Змеиноголовый будет наш общий!

Вот наконец стемнело. Мой старший брат ушел на собрание в контору кооператива, а я, прихватив забытый им карманный фонарик, выскользнул потихоньку за ворота и направился к дому Сюй Сяо-куя. Был одиннадцатый час, когда мы пробрались на кладбище.

По небу ходили разорванные облака, половинка луны то пряталась в них, то выглядывала снова. Было очень тихо, только время от времени квакали лягушки, да где-то в горах кричала ночная птица; ее крик напоминал плач маленького ребенка. Мы крепко взялись за руки. Рука Сюй Сяо-куя была холодна, как лед.

На краю кладбища мы сели на корточки и прислушались, не слышно ли сверчков.

Ветер усилился. Стало холодно. Внезапный порыв ветра донес шуршание тростника Сюй Сяо-куй напряженно вглядывался в темноту. Я знал, что ему страшно.

— Ни один сверчок не трещит,— как можно спокойнее сказал я,— может, это из-за холодной погоды?

— Наверно, они сегодня не будут трещать, пойдем...— прошептал Сюй Сяо-куй.

Мне и самому хотелось поскорее уйти, но я сказал нарочно беспечным тоном:

— Если черти в самом деле явятся, я с ними церемониться не стану!

Не успел я это сказать, как слева в зарослях тростника послышалась какая-то возня, и оттуда с криком вылетела птица.

Я вскочил. Холодный пот выступил у меня на спине. Сюй Сяо-куй потянул меня за руку и тихо прошептал:

— Пойдем скорее, я боюсь...

— Молчи! — Кровь застучала у меня в висках, а сердце почти перестало биться.

Сюй Сяо-куй вздрогнул всем телом, потом вдруг повернулся и побежал прочь так быстро, как будто кто-то мчался за ним по пятам. Он споткнулся о кучу земли, перелетел через нее и со всех ног понесся к дому.

На мгновение шум в камышах затих. И вдруг за моей спиной послышались легкие шаги.

Тут уж я почти лишился чувств, помню только, что я нажал на кнопку, зажег фонарик и в его свете увидел человека. Человек подошел и хлопнул меня по плечу.

— Люй Ли-сюань? Что ты тут делаешь?

Мое сердце снова забилось нормально, но от пережитого волнения я не удержался на корточках и сел прямо на землю.

— Фу, черт, Чжао Да-юнь, ты ведь мог меня... Ты до смерти напугал Сюй Сяо-куя!

— Вот уж не думал, что мы встретимся здесь! — засмеялся Чжао Да-юнь.

— Ты тоже ловишь сверчков? — осведомился я.

— С какой это радости я стану ловить сверчков?

Оказывается, Чжао жал камыш. В нашей местности не хватает топлива, и камыш употребляют вместо хвороста. Но Чжао жал его не для топки. Он сжал уже порядочный кусок и сжал очень хорошо, нигде не осталось ни камышинки. Охапки камыша лежали ровными рядами на земле, как рисовые стебли.

Теперь мне все стало понятно: Чжао тренировался, учился жать рис, ведь его успехи на поле были не лучше моих!..

— Хэй! Ты, значит, повышаешь тут свое мастерство,— насмешливо заметил я.

— Да, выходит, что так.— Чжао Да-юнь помолчал.— Мне ведь не приходилось раньше жать рис.

— А отчего же ты днем не учишься, ночью удобнее, что ли?

— Днем я занят, подбираю колосья, помогаю маме носить воду, свиней кормить,

времени не хватает,— ответил Чжао Да-юнь.— Да и, по правде говоря, я боюсь: еще засмеют...

Он взял с меня слово, что я никому об этом не расскажу. Я обещал молчать. Вот только Сяо-кую нужно все объяснить, а то он и взаправду поверит, что на кладбище черти водятся. Чжао Да-юнь согласился со мной. Он собрал в охапку срезанный камыш, и мы вместе пошли домой.

Время шло. Уже сжали показательное поле и стали убирать ранний рис на других полях. Снова мы взялись за серпы, снова были устроены «экзамены», и снова мы провалились. На этот раз я не ловил сверчков на поле, но дядя Чжэнь-гэнь сказал, что я по-прежнему работаю неряшливо, пожалуй, даже хуже, чем раньше. Если все станут так работать, кооператив понесет громадные убытки.

Зато Чжао Да-юня он очень расхваливал: и жнет чисто и складывает рис правильно.

— Сразу видно, настоящий выпускник начальной школы! — сказал дядя Чжэнь-гэнь.

Как будто я не настоящий выпускник!..

Ну, а Сюй Сяо-куй после той ночи целых три дня болел. Я рассказал ему о Чжао Да-юне, но он не поверил. А его мама ругала дядю Чжэнь-гэня: дескать, перегрузил Сюй Сяо-куя работой, послал ребенка в такую жару рис жать, вот он и захворал. Больше она не пустит Сяо-куя работать на поле.

Вскоре Чжао Да-юнь стал равноправным членом кооператива, каждый вечер вместе со всеми подсчитывал доходы и даже иногда высказывал свое мнение на собраниях.

А я выполнял случайную работу: вместе со всеми ребятами учился жать рис, иногда воду возил. За эту работу больше двух долей не запишут. Утром и вечером я по-прежнему ловил сверчков.

Однажды в сумерки мы собрались посидеть у дома Чжоу Цзя-тая. Видим, Чжао Да-юнь возвращается с реки. Подошел к нам, вытащил из кармана спичечную коробку и смеется:

— Глядите, сверчка поймал, не знаю, подойдет для состязаний или нет?

Мы все удивились, а я сказал:

— Смотрите, скоро кролики крыс ловить станут, даже Чжао Да-юнь сверчка поймал!

А Сюй Сяо-куй спрашивает:

— Какой у тебя сверчок: «Улитка» или «Змеиная голова»?

Я перебил:

— Что ты у Чжао Да-юня спрашиваешь! Человек первый раз в жизни сверчка поймал, разве он что-нибудь смыслит! Дай-ка нам поглядеть, может, это и не сверчок вовсе, а какой-нибудь навозный жук!

Чжао Да-юнь открыл спичечную коробку, и я обомлел от зависти: это был большой сверчок, с черной головой и блестящим туловищем. Настоящая «Змеиная голова»! Я немедленно помчался за Фу-сином.

И вот состязание началось. Зрителей собралось много. Сверчок Чжао Да-юня казался немного неповоротливым, сначала он стоял на месте, не двигаясь (совсем как сам Чжао Да-юнь). Зрители уже стали хихикать, как вдруг усы сверчка дернулись, и он медленно пошел вперед. Когда «Красноголовый князь» Фу-сина ринулся на него, сверчок Чжао Да-юня проворно отскочил и укусил «Красноголового» в шею. Тот моментально перевернулся, оба сверчка сцепились, и начался жестокий бой. Величественная осанка быстро слетела с «Красноголового». Вскоре он получил повреждения в шею, хвост. Он пытался подняться, но противник укусил его в зубы, и «Красноголовый князь» покинул поле боя. Сверчок Чжао Да-юня победил, и ему присвоили титул «Черноголового маршала».

Это была жестокая схватка, никогда прежде я такой не видывал! Все глядели на нее, как зачарованные.

С той поры наша страсть к боям сверчков еще возросла: всем хотелось сразиться с новым «маршалом». Сразу после ужина мы шли за Чжао Да-юнем. Иногда он соглашался даже на четыре боя подряд, но никто не мог победить «Черноголового маршала».

Прошло еще несколько дней. Однажды я поймал на кладбище необыкновенного сверчка с пятнышком на спине. Наскоро поужинав и даже не помыв ноги, я побежал к Чжао Да-юню.

— Иди скорей, на этот раз твоему «Черноголовому маршалу» не сдобровать. Я поймал сверчка — настоящая «Сколопендра»,— у него на спине красное пятно!

— Про какого «Черноголового маршала» ты говоришь? Я давно уже выпустил его!

— Врешь! — удивился я.

— Верно, выпустил... У меня сейчас мало свободного времени, ведь я учусь пахать, а это потруднее, чем жать рис.

— Ты! Ты... Что ж ты наделал! — От обиды я чуть не плакал.

Наступило молчание. Я схватил чашку со сверчком и с досады трахнул ее об землю. Она разбилась, из-под обломков вылез сверчок с красным пятнышком на спине...

В тот вечер дядя Чжэнь-гэнь позвал меня

в контору, велел сесть против него и протянул грифельную доску.

— Вот тебе задача: один ученик получил на экзамене по языку 7, по арифметике 9, по естествознанию 10, по музыке 10, а по физкультуре 6. Сосчитай, сколько он всего получил.

— Сорок два,— не задумываясь, быстро ответил я.

— Так,— продолжал дядя Чжэнь-гэнь,— а другой ученик по языку получил 4, по арифметике 3, по естествознанию 7, по музыке и физкультуре 8, всего он...

— Всего тридцать,— ответил я.

Про себя я подумал: что за странные ученики и какая в их школе система: пятибалльная или стобалльная? Если пятибалльная, то как же они могли получить отметку 9 или 10? Если же стобалльная, то уж слишком скверно оба они учатся!

Но тут дядя Чжэнь-гэнь прервал мое раздумье:

— Ладно, на этот раз можно считать, что ты экзамен выдержал.

И он объяснил мне, что скоро в кооператив примут двадцать новых членов, кооператив вырастет, поэтому понадобится больше счетоводов. На прощание он серьезно взглянул на меня и сказал:

— С завтрашнего дня ты будешь работать помощником счетовода в нашем кооперативе.

На следующий день я пришел пораньше в контору. С тех пор я больше не ловлю сверчков. Во-первых, я очень занят, а во-вторых, с того дня, как Чжао Да-юнь выпустил своего «Черноголового маршала», не знаю почему, но у всех пропал интерес к сверчковым боям.

Сокращенный перевод с китайского
Ю. Осипова.

Ворованная косточка

Надоело Вороне ловить червей, и решила Ворона воровством промышлять.

Год промышляла — ничего.

Два промышляла — ничего.

А на третий поспешила съесть ворованное мясо — и подавилась косточкой. Взлетела Ворона поскорее на дерево и ну откашливаться:

— Кхра, кхра, кхра...

И вот уже сколько лет прошло с той поры, а Вороне все чудится, будто першит в горле у нее ворованная косточка. И потому, где ни сядет Ворона, тут же раскрывает клюв и начинает откашливаться:

— Кра, кра, кра...

И петь даже разучилась. А ведь когда-то так хорошо пела! Как соловей. А по утрам даже лучше.

Избавился

Невзлюбил с некоторых пор Язь Ерша и решил от него избавиться. Подвел его к червяку на крючке, расхваливает:

— Смотри, жирный какой... Глотай!

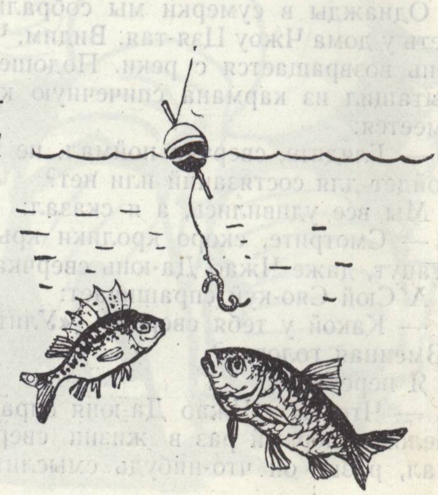
А Ерш тоже не дурак был.

— А как? — спрашивает. — Я не умею.

— Вот так.

Хотел Язь показать, как, и глотнул нечаянно червяка. Дернулся он тут же кверху и пропал.

— Нашел дурака? — прокричал ему вслед Ерш. — Я уже, брат, учен. Сколько раз на крючок попадался, да меня обратно в реку сбрасывали. Костляв, говорят. Посмотрим, сбросят ли тебя...

Братья Бондаренко

В поисках Анаконды

Рольф БЛОМБЕРГ
Перевел со шведского Л. Жданов.

Рисунки О. Зотова.
Фотографии автора.

КИНОЭКСПЕДИЦИЯ

Однажды ко мне пришли в гости кинoработники режиссер Торгни Андерберг и оператор Вальтер Буберг. Они хотели обсудить со мной вопрос о полнометражном научно-популярном фильме и предложили возглавить киноэкспедицию. Предложение показалось мне соблазнительным. Во всех моих предыдущих экспедициях основной проблемой были финансы, а тут мне предлагают совершить увлекательнейшее путешествие и берутся оплатить расходы! Нужно ли говорить, что я не стал долго раздумывать!

Но где будет сниматься фильм? Решить это предоставлялось мне. Единственным условием было участие в фильме малоизученного народа и редких животных в окружении тропической природы.

— Амазонка,— предложил я.

— Хорошо, едем на Амазонку,— согласился Торгни Андерберг.

По прежним походам в необъятные джунгли в бассейне величайшей реки мира я знал, что там раздолье для кинообъектива. Я уже давно наметил путешествие в юго-восточную Колумбию. Здесь, по течению рек Путумайо и Какета, расположена малоизученная область. Особенно меня влекла анаконда — гигантская змея, о которой ходят столь разноречивые слухи. Именно в этих краях обитают самые крупные анаконды. Попытаться поймать анаконду — что может быть заманчивее этого? Гигантская змея в главной роли! Эта мысль увлекла всех нас, и Торгни тут же назвал будущий фильм «Анаконда».

Поначалу все шло как по маслу. Компания «Нурдиск Тунефильм» отнеслась к замыслу с большим интересом и взяла на себя все расходы. Начались энергичные приготовления. Мы подбирали снаряжение, оформляли визы и так далее. Надо было торопиться, чтобы успеть до дождей, которые льют на Амазонке с марта до октября — ноября. Однако непредвиденные обстоятельства задержали нас, и мы смогли вылететь лишь в середине января.

Было уже начало марта, когда наша экспедиция двинулась на Амазонку.

Намеченного района мы достигли как раз к началу дождей. Читатель, вероятно, уже догадывается, что экспедиция кончилась неудачей, поэтому я не стану тратить на нее много слов.

Мы распрощались с нашими спутниками-колумбийцами, взяв с них обещание сопровождать нас и в следующей экспедиции. Снова на самолет, через Ямайку и Нью-Йорк в Европу. Чудесным весенним днем мы приземлились на стокгольмском аэродроме, где нас встречали представители «Нурдиск Тунефильм». Встреча была приветливой, но, естественно, не особенно восторженной. Однако мы с Торгни вовсе не чувствовали себя поверженными героями. Конечно, обидно было возвращаться без достаточного материала для картины, но мы по-прежнему верили в свой замысел и в самих себя. Весь вопрос был в том, продолжает ли верить в нас кинокомпания. Ответ последовал уже через несколько недель: «Поезжайте снова!»

ГИГАНТСКИЕ ЖАБЫ И ЯДОВИТЫЕ ЛЯГУШКИ

Войдя в ванную комнату нашего номера гостиницы в Пасто, горничная взвизгнула и бросилась бежать, часто крестясь на ходу.

Ее напугали три гигантские жабы, три страшных чудовища, которые сидели на каменном полу и пялили на нее огромные глаза.

Эти уроды и удав длиной в два с половиной метра, а также банки со всевозможными заспиртованными тварями составляли первый улов нашей новой экспедиции.

Большеглазая кинозвезда — гигантская жаба Bufo Blombergi

Мы снова приехали в Колумбию в начале ноября 1953 года.

Мы собирались спуститься из Пасто на грузовике по восточным склонам Анд до Рио Путумайо, а оттуда следовать по воде на Амазонку. Но предварительно мы успели побывать в районе западнее Пасто, где я несколькими годами раньше сделал открытие, вызвавшее немалый интерес среди естествоиспытателей. Речь идет об открытии крупнейшей жабы Нового Света, которую окрестили в мою честь Bufo Blombergi. Торгни решил сделать из гигантской жабы кинозвезду, поэтому наша экспедиция и очутилась на ее родине.

Это было богатое событиями и довольно трудное путешествие. Четыре дня мы пробирались верхом по узким вьючным тропам то вдоль головокружительных обрывов и пропастей, то сквозь густые заросли по скользкой глинистой почве. Наше снаряжение да и сами участники экспедиции с честью выдержали это серьезное испытание. Киноаппаратура осталась цела только благодаря какому-то чуду, потому что с вьючными животными то и дело случались несчастья, и нам приходилось выручать их общими усилиями.

Однажды Курт Вальгрен, наш кинооператор, чуть не сломал себе шею: подпруга его лошади лопнула, и он полетел вниз головой в глубокую жидкую грязь. К счастью, у Курта оказались прочные позвонки, и он благополучно выбрался из ямы, грязный и злой как черт.

Первой нашей жертвой оказались не жабы, а уже упомянутый удав, которого Муньос обнаружил висящим на дереве. Караван немедленно остановился; в одно мгновение ока кинокамеры и звукозаписывающая аппаратура приведены в боевую готовность; мы вырубили шесты с рогатками, и судьба рептилии была решена. Несмотря на протестующее шипение, мы изловили и упрятали удава в мешок, пленка запечатлела волнующий эпизод, и все, кроме нашего пленника, остались довольны!

Конечная цель этого похода — местечко Ла Сиудад де Мадригаль на берегу реки Патия. В эпоху испанских завоеваний здесь возник город, но индейцы сровняли его с землей и убили белых поработителей. До недавнего времени развалины города были скрыты густыми зарослями, и только лет десять назад на этом месте выросла небольшая деревушка, и джунгли уступили место посевам и пастбищам. Именно здесь-то и обитают гигантские жабы, однако встречаются они довольно редко. Несмотря на усиленные поиски, продолжавшиеся три дня и четыре ночи, в которых участвовали шесть членов экспедиции и все население деревни, мы добыли всего лишь три жабы, только одна из них была взрослой. Зато эта толстячка весила целый килограмм!

Мы ловили не только жаб. В мой первый приезд в Ла Сиудад де Мадригаль мне попалась небольшая ярко-красная лягушка, относящаяся к неизвестному виду.

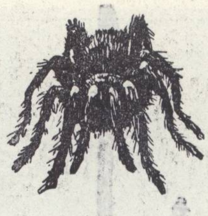
Лягушка эта ядовитая; она выделяет яд железами, находящимися на спине. Индейцы, живущие на северо-западе Колумбии, используют его для своих стрел. Если яд попадет в ранку, можно писать завещание.

Меня просили добыть еще несколько экземпляров этой необычной твари. Я пообещал жителям деревни уплатить за каждую лягушку по одному песо. Это была моя роковая ошибка! Я чуть не оставил экспедицию без денег! Насколько редки здесь гигантские жабы, настолько распространены эти красные малютки.

Первым пришел ко мне мальчуган, неся десяток лягушек. И я был счастлив. Но скоро перед нашим домом выстроилась длинная очередь «охотников» в возрасте от пяти до девяноста лет. Каждый из них держал в руках банку, пакет или кулек из банановых листьев. Пришлось послать мальчишек предупредить тех, кто еще не вернулся с охоты, что мне больше не нужно лягушек. Отобрав нужное количество, я выпустил остальных лягушек на волю, и вся земля вокруг дома как бы покрылась живым красным ковром!

Проведя три дня в Ла Сиудад де Мадригаль, мы вернулись в Пасто и привезли с собой змею, жаб и лягушек. А на следующее утро случилось происшествие, с которого начинается эта глава. Хорошо еще, что горничная не обнаружила змею, не то пришлось бы нам, чего доброго, выселяться из гостиницы!

ЛИНО И ЛАБАН — ДВА НОВЫХ ЧЛЕНА НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Начало следующего этапа нашего путешествия было не очень обнадеживающим. Нам предстояло спуститься по восточным склонам Анд на вместительном грузовике, а накануне выезда мы наблюдали похороны шофера, разбившегося на этом самом участке.

Много несчастных случаев происходит здесь, особенно в дождливый сезон. Машины срываются в пропасти, обвалы и оползни заживо погребают людей и лошадей. Трудно найти другую дорогу, где было бы столько крестов по обочинам.

В первый день нашего путешествия мы преодолели перевал на высоте четырех тысяч метров и очутились в плодородной высокогорной долине Сибундой. Индейцы — жители этой долины — гордые и суровые люди. Они считают себя потомками инков; любят яркие пончо; на шее носят огромные ожерелья из фарфоровых бус. Охотно путешествуют: я встречал их в Боготе и Кито. Сибундойцы известны как искусные врачеватели; они торгуют сушеными растениями и другими лекарствами, а также амулетами.

Отсюда мы двинулись дальше по бесконечно петляющей дороге, мимо устрашающих обрывов, через гнилые мостики... Погода стояла скверная: густой туман и проливной дождь,— лишь изредка проглядывало яркое солнце. Постепенно высокогорная растительность перешла в пышную субтропическую. Красивые древовидные папоротники стояли вперемежку с деревьями, увешанными яркими орхидеями. Все чаще стали попадаться пестрые, яркие птицы и бабочки.

Разумеется, кинокамера не оставалась бездеятельной во время нашей поездки. Я обращаюсь к записям кинооператора Курта Вальгрена. Они не менее выразительны, чем снятые им кадры.

«Исполинские горные хребты вздымают свои вершины над тучами, разрывая их в клочья острыми зубцами и принуждая скатываться вниз по страшным кручам. Обрывки туч собираются вместе и оплакивают свое заточение. Реки, почуяв близкую свободу, набираются сил и вгрызаются в горные склоны, прорываясь на волю — к Амазонке.

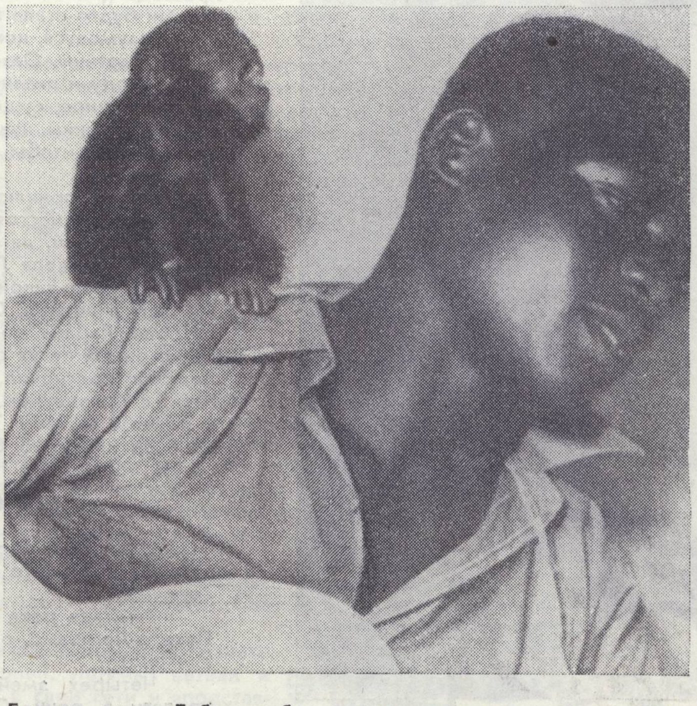
Четыре дня мы наслаждаемся этой фантастической природой. Неутомимый грузовик карабкается вверх и вниз по узкой, извилистой дороге, которая порой буквально завязывается в узел.

Анды в солнечном освещении! Что это за зрелище, какие великолепные кадры можно снять здесь! Но чем выше мы поднимаемся, тем реже проглядывают солнечные лучи. Одна за другой плывут тяжелые, низкие тучи, приостанавливаются, словно отдыхая, и ложатся, обессиленные, на нас. Все окутывается влажным туманом, то и дело переходящим в бурный ливень. Как тут снимать? Мы часами дожидаемся момента, когда крошечные голубые просветы, точно издеваясь, выпустят на мгновение солнце. Но только приготовишь аппарат, как уже снова вокруг все серо. И снова мы петляем на грузовике, упорно дожидаясь солнца...

Кончилось все тем, что мы решили показать путешествие в Анды таким, каким оно оказалось на самом деле. Снимаем ливни, туманы, быстро густеющие сумерки, окутывающие все летучим покровом. Я снимаю и снимаю, хотя не сомневаюсь, что все равно не смогу полностью передать своеобразное настроение, навеваемое причудливым ландшафтом.

Эстасьон. Мы прибываем сюда в проливной дождь, когда уже давно стемнело. Несколько дощатых строений на скалистом карнизе; кажется, что они сейчас обрушатся в тысячеметровую пропасть. Хозяин с лоснящейся луноподобной физиономией встречает нас широкой улыбкой. Доски пола в ужасе скрипят, потрясенные столь многолюдным вторжением; тонкая стеариновая свечка, воткнутая в бутылку из-под рома, виновато моргает, бросая робкий отсвет на скудную обстановку. По железной крыше яростно барабанит тропический ливень.

Мы жадно набрасываемся на густой суп из маниока и зеленых бананов. На столе появляются бутылка рома и стакан. Вскоре мы почувствовали, что становится

Больше всего Лабан любил сидеть на плече у кого-нибудь из членов нашей экспедиции.

теплее, настроение поднимается. «Вот бы показать все это в кино!» — говорит кто-то. И тут я вспоминаю керосиновую лампу у входа, которая наперекор дождю старается хоть немного оттеснить ночной мрак.

Плакаты: мадонна, рекламирующая освежающий напиток, Христос, призывающий курить какие-то особенные сигареты. Допотопный граммофон, извергающий из себя румбу в бешеном темпе. Неугомонный попугай. Хозяин дома, члены экспедиции... Я перехожу от одного объекта к другому, вооружившись фотоаппаратом и керосиновой лампой...

Уже далеко за полночь мы развешиваем вдоль и поперек гамаки и засыпаем под гул дождя».

На четвертый день после головокружительного спуска из Эстасьона мы очутились в настоящем тропическом климате: вечнозеленый влажный лес, тут и там клочки посевов сахарного тростника и банановые посадки.

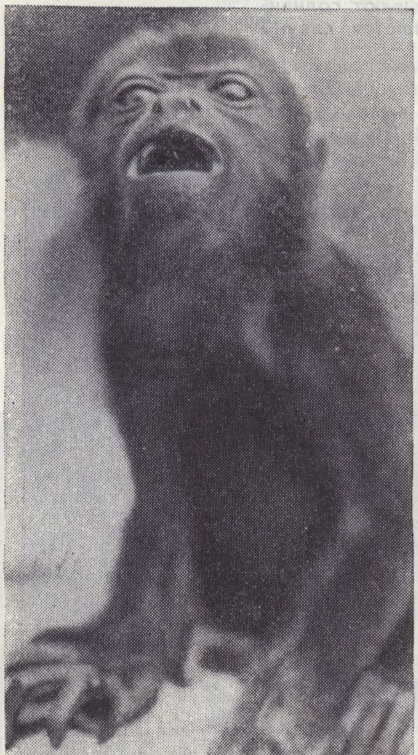
Под вечер мы добрались до Вильяфлора на берегу реки Путумайо. Здесь дорога кончалась, и на следующее утро мы пересели на длинную, двенадцатиметровую лодку, которая понеслась вниз по бурной реке со скоростью глиссера. За один день мы доплыли до Пуэрто-Асис.

Здесь экспедиция пополнилась еще одним членом. Это был негр Лино Киньонес, которого мы наняли в качестве повара и прислуги,— рослый, веселый парень, любитель петь и играть на гитаре.

День спустя число участников экспедиции возросло до восьми, причем восьмой участник отличался от остальных прежде всего своим цепким хвостом.

Мы нарекли его Лàбаном (Дылдой). Это был детеныш обезьяны-ревуна, ростом не больше кошки. Хорошеньким его никак нельзя было назвать, зато он был на редкость веселый, обладал довольно ярко выраженным характером и немалым умом. У Лабана был свой богатый язык, который мы со временем научились хорошо понимать.

Нашли мы Лабана в поселке, около которого причалили, чтобы купить бананов. Лабан был привязан к столбу; веревку затянули слишком туго, и бедный малыш выглядел очень несчастным. Крохотное, худенькое тельце покрывала редкая, свалявшаяся шерстка, в которой кишели насекомые. Хвост, спина и коленки совершенно облезли. Из сострадания я выменял Лабана на финку. Правда, Торгни с самого начала задумал, что в фильме будет участвовать обезьяна, но не такое чучело!

Лабан сердится.

Первым делом мы вымыли Лабана. Эта процедура явно ему не понравилась: он жалобно кричал и пытался укусить нас. Зато когда мы вытерли Лабана насухо, он сменил гнев на милость, и мы впервые услышали тихое ворчание, которым он выражал хорошее настроение. Купание сделало из него чуть ли не красавца: рыжая шерстка заблестела, сделалась пушистой и даже как будто стала гуще, скрыв страшную худобу обезьянки.

Разумеется, кончилось тем, что Лабан стал одним из героев нашей картины. Освобожденный от веревки, он благодаря хорошему уходу и питанию очень быстро превратился в приветливое и симпатичное существо. Все члены экспедиции прониклись к нему отеческим чувством, а Торгни не мог даже мысли допустить о том, чтобы какая-нибудь обезьяна заняла место Лабана в фильме.

Много приключений пережил Лабан в наших походах по Амазонке, но настоящим мужчиной так и не стал. Он смертельно боялся ящериц, лягушек и насекомых. Никогда не забуду, в какой ужас привела Лабана наша попытка познакомить его с карликовой обезьянкой уистити, которую он превосходил размерами раза в четыре. Однако самое страшное переживание выпало на долю Лабана, когда он однажды крепко спал, а какой-то бесцеремонный петух решил прокукарекать у него над самым ухом. Бедняга подскочил высоко в воздух и завизжал как резаный! Итак, с появлением Лино и Лабана наша экспедиция оказалась в полном составе. Теперь и развернуть бы съемки полным ходом, да не тут-то было!

КИНОСЪЕМКИ В ДЖУНГЛЯХ

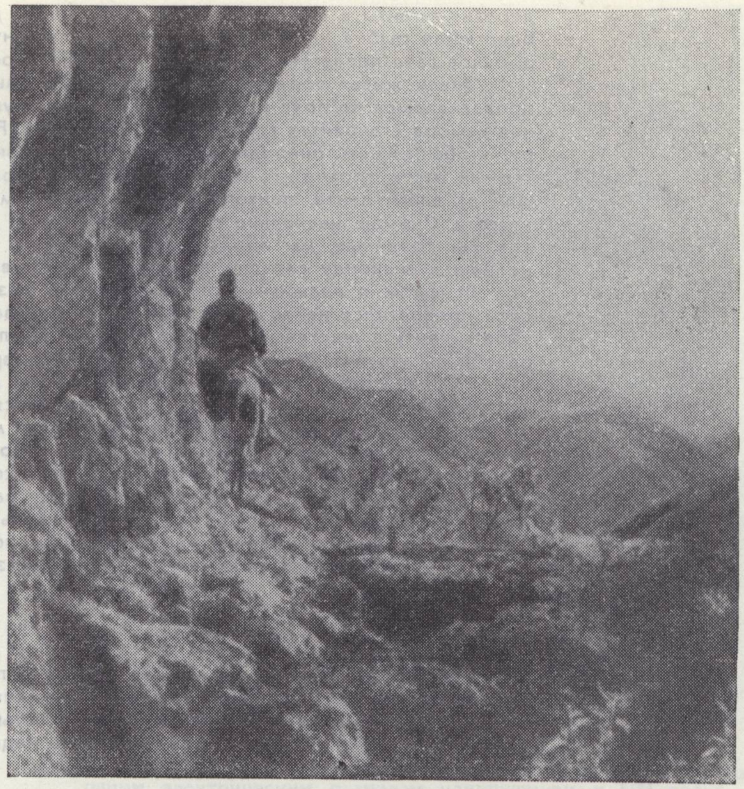
Незадолго перед тем, как наш отряд прибыл в Пуэрто-Легизамо, несколько местных охотников наблюдало необычайное зрелище.

Там, где река Каукая впадает в Рио Путумайо, недалеко от Пуэрто-Легизамо, они увидели на берегу клубок из одиннадцати анаконд!

Четырех змей охотники подстрелили, остальным удалось уползти в реку. Самая большая из убитых анаконд оказалась больше шести метров в длину!

Как мы сожалели, что не приплыли в Пуэрто-Легизамо чуть раньше— какие кадры пропали! Впрочем, узнав, что мы жаждем встречи с анакондами, один из наших собеседников вызвался проводить нас к небольшому озерку выше по Каукае. Там индейцы несколько раз видели на редкость огромную анаконду, не меньше десяти метров в длину и толщиной с телеграфный столб!

Нашего добровольного проводника звали Обдулио Вильямизар; он пользовался славой самого искусного охотника и рыболова на Путумайо. В молодости Вильямизар добывал каучук и немало путешествовал по Бразилии и Колумбии. Потом он участвовал в экспедициях немецких звероловов, помог поймать много ягуаров. Теперь он жил охотой и рыболовством, часто ходил с гарпуном на пираруку и кайманов. Пираруку, или араима,— крупнейшая в мире пресноводная рыба. Она достигает четырех метров в длину и весит до трехсот килограммов. Кайман — это крокодил, его кожа пользуется большим спросом.

Путь к перевалу.

Не теряя времени, мы двинулись вместе с Вильямизаром вверх по Рио Каукае в длинной лодке с подвесным мотором. На буксире у нас плыла вторая лодка, поменьше. Немало рек повидал я в бассейне Амазонки, но не знаю реки прекраснее Каукаи. Мягкими извивами течет она сквозь пышные джунгли, ласкающие глаз неисчислимым множеством оттенков зелени и тысячами орхидей и других цветов. Летают нарядные птицы — туканы, цапли, попугаи, зимородки,— порхают бабочки всех цветов радуги... Именно так представляешь себе обычно тропическую реку!

А сколько обитателей в самой реке! Множество кайманов, черепах, рыб. И каких рыб! У нас был с собой спиннинг, рассчитанный на пятикилограммовых щук. Стоило забросить крючок, как сейчас же поплавок скрывался под водой. Несколько мощных рывков, и острые зубы какой-то рыбины перекусили прочную лесу. Мы заменили ее. Следующая рыба оборвала крючок. Трех лесок хватило ровно на пять минут.

После полдневного перехода вверх по Каукае мы разбили лагерь. Стоял засушливый период, солнце палило нещадно, и, тем не менее, нам пришлось пережить здесь внезапный паводок, вызванный бурными ливнями в верховьях. Мы ушли из лагеря рано утром, а вернулись под вечер. За это время река поднялась на целый метр. Наши раскладные кровати стояли в воде, и Лино лихорадочно метался, спасая снаряжение. Пришлось нам поспешно переезжать на другое место.

А теперь я снова предоставляю слово Курту. Он расскажет о нашей жизни на Каукае, о трудностях киносъемки в сырых, жарких джунглях и о поисках анаконды.

«Утро в джунглях. Косматый лес стряхивает с себя пелену тумана, и он уплывает вниз по сонной реке. Усталые после ночного бдения, миллионы москитов удаляются на отдых. Но в тот самый миг, когда первые лучи ослепительного солнца вдребезги разбиваются о блестящую поверхность воды, из зарослей вылетают тучи кровожадных мух. Я сижу беззащитный, перезаряжаю кассету, когда они набрасываются на меня. Обе мои руки в черном мешке, где происходит перезарядка, а намазаться жидкостью, отпугивающей крылатых хищников, я забыл. В один миг мои плечи совершенно изъедены. В отчаянии выдергиваю руки из мешка, жертвуя пленкой. Как могли вынести конкистадоры, миссионеры и путешественники прошлого хоть один день в этой стране без спасительной жидкости?!.

...Вот уже много часов мы пробиваемся с помощью мачете сквозь сплетение косматых воздушных корней, упрямых ветвей и колючих пальм. Коварные лианы ловят нас в свои сети и «подставляют ножку». Воздух влажный и душный. Наши рубахи потемнели от пота. Наконец впереди открывается ярко-зеленое болото; упавшие

деревья-гиганты в немом отчаянии протягивают к небу черные руки-ветви. Маленькая блестящая рыбка нарушает раскаленную тишину, выпрыгнув из воды. Несколько пузырьков газа лопается на маслянистой поверхности болота.

Здесь живет водяной удав — анаконда. Мы балансируем по гниющим стволам, проваливаемся по пояс в грязь; за нами неотступно следуют тучи насекомых. Съемочная камера становится все тяжелее и тяжелее. Руки горят от укусов; поднимаю камеру, чтобы заснять очередные кадры, и тут происходит неизбежное: слышится характерный треск, словно кто-то раздавил ногами ореховую скорлупу. Это заедает разбухшая от влаги лента, лентопротяжный механизм рвет перфорацию. Пробую сменить кассету. Снимаю несколько сцен — снова треск. Нет, видно, из съемок ничего не выйдет. Расстроенные, мы продолжаем поиски, но я мечтаю лишь об одном: чтобы мы не нашли анаконду сегодня! И моя мечта сбывается.

Вечером я влажными от пота руками разряжаю кассеты. Светочувствительный слой превратился не то в сметану, не то в жевательную резину. Все же мне удается убрать ленту в жестяные коробки. Однако обильная вечерняя роса не позволяет мне разобрать аппарат. Уныло заползаю под накомарник и долго не могу заснуть...

...Ослепительно жаркое утро. На ящике под брезентовым тентом разложены внутренности съемочной камеры. Олле вызвался мне помочь. Мы чистим, протираем и смазываем кадровое окно и лентопротяжный механизм: лента должна идти возможно легче. Не один час уходит на то, чтобы собрать аппарат и проверить, что он действует так, как надо, в этой раскаленной атмосфере.

Затем мы снова отправляемся на охоту за анакондой. Теперь я беру с собой пузырек с машинным маслом и смазываю фильмовый канал, как только начинает заедать ленту. Целую неделю мы обливаемся пóтом, тщетно разыскивая гигантскую змею, и возвращаемся ни с чем в Пуэрто-Легизамо...»

Мы снова возвратились на Рио Каукае и потратили еще неделю на поиски гигантской анаконды. Несколько индейцев племени хитото подтвердили сведения Вильямизара. Они сами на протяжении вот уже четырех лет то и дело сталкивались с чудовищем, последний раз — всего несколько недель тому назад. Однако мы проискали анаконду напрасно.

БОЛОТО ЛА АПАЯ

В день рождества наш отряд расположился на маленьком острове посреди болота Ла Апая. Вряд ли кому-нибудь из нас приходилось раньше встречать праздник в такой необычной обстановке.

Мы направлялись к индейцам племени кофан, обитающим на берегу реки Сан Мигель, на границе Эквадора и Колумбии, спешили попасть туда до того, как обмелеют реки, однако нам пришлось столько услышать о загадках болота Ла Апая, что мы не устояли против соблазна посетить его.

Чуть южнее той точки, где линия экватора пересекает Рио Путумайо, в реку впадает маленький приток, смешивая свою черную воду с ее грязно-желтыми водами. Идя на север вдоль извилистого русла этого притока, вы как раз и попадаете к болоту. У места слияния рек поселилась кучка индейцев хитото, но они редко отваживаются ходить к болоту: боятся великой гюио — анаконды. Считается, что Ла Апая — излюбленное пристанище огромной змеи. Несколько лет назад, рассказывали нам индейцы, один их товарищ отправился туда ловить рыбу; гюио напала на него и проглотила.

Болото производит очень своеобразное, жуткое впечатление.

Несколько лет тому назад здесь бушевал лесной пожар — небывалое явление в этой части Амазонки. Нужна на редкость сильная засуха, чтобы могли загореться такие влажные леса.

Огонь уничтожил на большой площади густые заболоченные джунгли, в которых кишело зверье. На долгое время здесь прекратилась всякая жизнь. Но постепенно обугленные стволы покрылись растениями-паразитами, пробились молодые побеги пальм и других деревьев, зазеленела сочная трава. А затем огромная прогалина привлекла к себе и животных.

В воде болота обитает множество рыб, черепах и крокодилов. Поражает невиданное обилие всевозможных птиц. Млекопитающие встречались реже: они избегают открытых мест. Грозный ягуар покидал иногда свои охотничьи угодья в чаще джунглей, чтобы побродить по Ла Апая. Тут и там нам попадались свежие следы ягуара; глубокие царапины на стволах свидетельствовали о том, что хищник затачивал здесь когти.

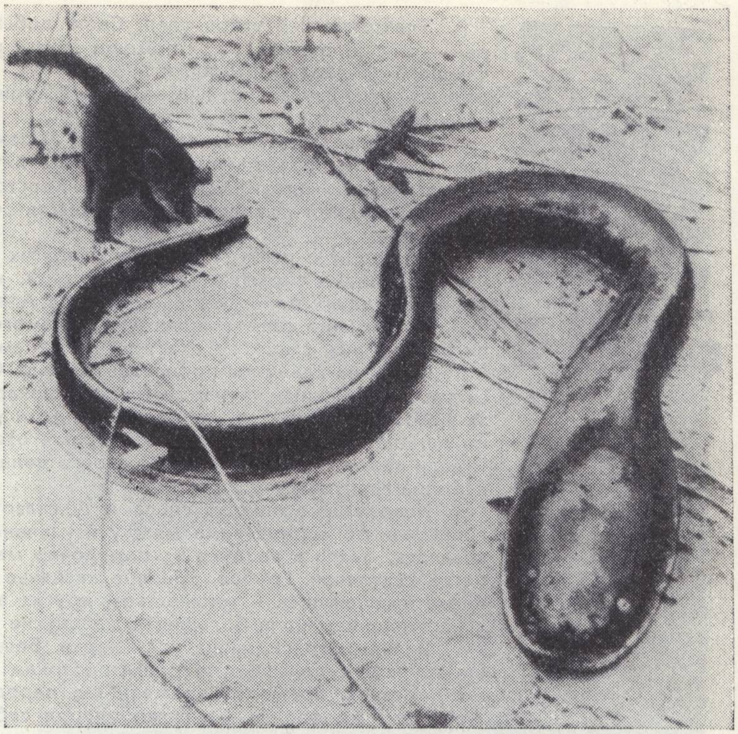
Из нашего лагеря на островке мы совершали походы по всем направлениям, снимали и ловили животных. Нам удалось собрать интересный материал. Лауренсия Муньос едва успевал препарировать и консервировать нашу добычу: рыб, пресмы-

кающихся, лягушек, а также различных птиц — цапель, аистов, зимородков, попугаев и коршунов. Среди удивительных обитателей болота, запечатленных на кинопленке, была колония в несколько сот бакланов, поселившихся в кронах высохших деревьев. Они издавали какие-то причудливые хриплые звуки, которые особенно занимали нашего звукооператора Олле.

Стояла страшная духота; даже Лабан — дитя тропиков — обливался потом и тяжело дышал. Яркое солнце палило целыми днями с безоблачного неба, и температура в тени достигала сорока градусов. Правда, воды кругом было вдоволь, она нагревалась до тридцати градусов, но все же была прохладнее воздуха. Однако в Ла Апая купаться опасно. Самое большее, что мы могли себе позволить,— это обливаться из ковша, стоя в лодке или на берегу. Да и то приходилось поторапливаться: за нами неотступно следовали огромные тучи кровожадных мух.

Чем была вызвана такая осторожность? Во-первых, в Ла Апая порядочно крокодилов. Но еще страшнее крокодилов хищные рыбы — пираньи.

Пиранья (или пирайя, пиранха), пожалуй, самая отвратительная из всех хищных рыб мира; недаром она получила прозвище «людоед». Она сравнительно мала — короткая, толстая и тупоносая. Известны три вида этой рыбы. Самая большая — белая — пиранья достигает в длину немногим более тридцати сантиметров, остальные два вида не превышают пятнадцати сантиметров. Но зубы пираньи способны хоть на кого нагнать ужас. Челюсти несоразмерно велики по сравнению с остальным туловищем и оснащены треугольными и острыми, как бритва, зубами. Кусает хищница молниеносно и со страшной силой. Мы встречали на Путумайо несколько человек, у которых пиранья отхватила палец; они неосмотрительно окунули руку в воду, сидя в лодке. Не раз попадались нам коровы, которым рыбы отгрызли полморды на водопое, а также одноногие утки.

Если бы этот угорь был жив, он мог бы убить этого малыша одним электрическим разрядом напряжением в 500 вольт.

Переплывать реку, населенную пираньями, опасно для жизни, особенно если на теле человека есть хоть малейшая кровоточащая царапина. Запах крови немедленно привлекает стаи этих прожорливых хищниц. Вся вода кругом бурлит, когда пираньи с дьявольской яростью бросаются в молниеносную атаку, отрывая от своей жертвы куски мяса, перегрызая жилы и сосуды. Живое тело быстро превращается в обглоданный скелет.

Другой неприятный обитатель Амазонки, с которым мы познакомились во время экспедиции,— электрический угорь. Не знаю, как другие, но я проникся почтением к этому чудовищу.

Однажды мы поймали рекордный по величине экземпляр электрического угря, решили даже сначала, что нам на удочку попалась анаконда! Желая сохранить его для съемок, мы устроили специальный садок из прочной сетки, выпустили угря в садок и стали направлять его шестами в поле зрения аппарата. И тут меня вдруг так ударило электричеством, что ноги непроизвольно подогнулись и на мгновение онемели. Неприятное ощущение! Если электрический угорь коснется вас на глубоком месте, последствия могут оказаться трагическими. Сила тока настолько велика, что способна парализовать лошадь.

Электрические органы угря состоят из слизистого вещества, покрывающего примерно треть поверхности его тела и образованного тысячами клеток, которые действуют подобно гальваническому элементу. Взрослый электрический угорь достигает в длину свыше двух метров, его электрические органы развивают напряжение около пятисот вольт. Сила тока — пол-ампера, что отвечает приблизительно ста ваттам. Иначе говоря, к угрю можно подключить довольно яркую лампочку. В нью-йоркском аквариуме электрические угри сами давали ток для неоновой рекламы.

Время от времени рыб пугали; они начинали метаться и касались контактов в стенах бассейна.

Электрический угорь слеп. Свою добычу — рыб, лягушек и других мелких тварей — он обнаруживает при помощи своего рода радара — специального органа, излучающего до двадцати импульсов в секунду, когда рыба находится в движении. «Передатчик» угря изучен, но где находится «приемник» и как он устроен, еще предстоит установить.

Галерею злодеев завершает скат — речной хвостокол. Он прячется в иле на дне рек, и надо остерегаться, чтобы не наступить на него. Длинный хвост ската оснащен зазубренными ядовитыми шипами. Хвостокол владеет своим оружием не хуже искусного фехтовальщика и может нанести очень болезненные, а иногда и опасные для жизни раны.

Но хватит о рыбах, расскажу о других неприятных животных. Например, о кайманах. Кайманами называют вид тупоносых, на редкость злобных крокодилов, достигающих в длину пяти метров. Они в Ла Апая встречаются во множестве.

Вильямизар сопровождал нас до самого Ла Апая, и в первый же вечер я и Торгни отправились с ним на охоту за кайманами, доставившую нам немало волнений.

Охота на кайманов происходит ночью. Сидя в лодке, охотник светит по сторонам сильным карманным фонарем (иногда фонарь прикрепляют на лбу). Освещенные глаза каймана светятся яркими, раскаленными угольками. Животное смотрит на свет, точно загипнотизированное, а в это время охотник осторожно подкрадывается к нему. И если охотник такой же мастер своего дела, как Вильямизар, то ему удается поразить каймана гарпуном.

Невозможно описать словами ту сказочную звездную ночь, когда мы медленно скользили по черной воде между изувеченными, мертвыми деревьями. Иногда вдруг казалось, будто в воздухе беспорядочно мечется сорвавшаяся с неба звездочка: это летел светлячок. Грубое, хриплое кваканье жаб смешивалось со звонкими голосами крохотных лягушек и множеством других звуков, которые издавали просыпающиеся с наступлением ночи большие и маленькие болотные жители.

Вильямизар сидел на носу лодки. Бесшумно, с большим искусством вел он наше хрупкое суденышко по узким протокам между поваленными стволами и обломками деревьев. Время от времени он, передразнивая каймана, кричал: «Аоооооом! Аоооооом! Аоооооом!» — и гулко ударял себя в грудь. В ответ то и дело доносился такой же крик каймана.

Красные огоньки мелькали со всех сторон, однако Вильямизар был разборчив. Его интересовали кайманы длиной не менее двух метров: за них он мог получить по восьми песо за метр. Крокодилью кожу короче двух метров здесь никто и брать не станет.

В ту ночь Вильямизар заработал неплохо: добрую сотню песо. Его добычу составили пять кайманов, из которых самый большой достигал трех с половиной метров в длину, а самый маленький был двухметровый.

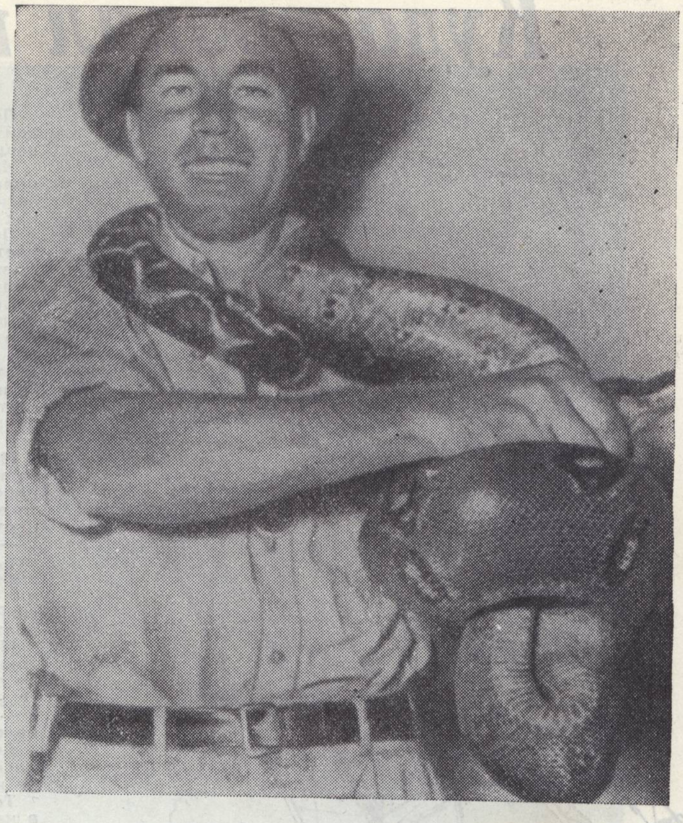

Каймаеныш. Не правда ли, симпатичный?

Мне приходилось участвовать в охоте на крокодилов в разных частях света: я охотился с неграми на тихоокеанском побережье Южной Америки, с даяками на Борнео, с малайцами на Малых Сунда островах,— но ни один из виденных мною охотников не мог сравниться с Вильямизаром. Он орудовал гарпуном с невероятной быстротой и точностью; удивительно спокойно, с улыбкой втаскивал он в лодку отчаянно сопротивлявшихся животных, не обращая внимания на угрожающее щелканье челюстей и судорожные удары сильного хвоста.

Торгни сразу загорелся: «Это обязательно надо снять!» И съемки состоялись в самых сложных условиях, какие только можно себе представить.

Подходящее для съемок освещение было лишь короткое время, пока смеркалось, и мы использовали эти минуты с предельным напряжением сил. Несколько эпизодов пришлось инсценировать, причем артистами были живые кайманы. Вильямизар ухитрился, рискуя собственной жизнью, поймать их и доставить совершенно невредимыми. Не менее опасная обязанность выпала на долю режиссера Торгни. Впрочем, постепенно он стал обращаться с кайманами с такой небрежной смелостью, что мы только дивились, как он не остался без рук и без ног. Вильямизар, много лет изучавший натуру этих хищников, облегченно вздохнул, когда была заснята последняя сцена, и заявил, что теперь понял всю справедливость изречения «Бог дураков милует».

Торгни с пойманным нами удавом.

Мы засняли много интересного на болоте Ла Апая и основательно пополнили наши коллекции, но великую гюио так и не обнаружили. А так как мы спешили к кофанам, то нам пришлось покинуть болото. В канун Нового года мы двинулись вверх по Рио Путумайо, а Вильямизар вернулся в Пуэрто-Легизамо с полной лодкой каймановых шкур.

Новый год наш отряд встречал на островке посреди Путумайо, а первого января мы достигли реки Сан Мигель, в верховьях которой обитают кофаны.

(Продолжение в следующем номере)

Куда пропал крановщик?

Ю. МОРАЛЕВИЧ

Рисунок А. Катковского.

Перед нами причал крупного речного порта с вереницей исполинских электрических кранов. Каждый из них выше восьмиэтажного дома.

Как интересно должно быть там, в застекленной кабине крановщика, управляющего такой могучей машиной! По легкой стальной лесенке мы поднимаемся в кабину. Сейчас крановщик покажет нам, как работает кран.

Пройдя наверх по широкому порталу, на который опирается кабина с длинной решетчатой стрелой, мы поднимаемся еще по одной лесенке, открываем дверь — и... не видим крановщика на рабочем месте. Кабина пуста.

Снизу нам кричат, что кран начинает работать. Мы покорно спускаемся на асфальт причала. И вдруг кран и в самом деле начинает работать. Плавно поворачивается его стрела. Раскрывается грейфер и, как челюстями, захватывает кубометра три груза из глубокого трюма. Стрела поворачивается — и золотой водопад зерна низвергается в кузов трехтонки.

Запрокинув головы, мы с удивлением смотрим на кабину: в ней по-прежнему никого нет. А кран работает.

Мы осматриваемся. На причале ни души. Лишь на палубе теплохода, поставленного под выгрузку, стоит молодой рабочий и спокойно наблюдает за работой крана, покинутого крановщиком. Подходим к рабочему, и тут выясняется, что это он управляет краном.

— Отсюда мне видней, чем из кабины, и работать удобнее,— объясняет рабочий. Он показывает нам небольшой ящичек, висящий у него на груди. — Это у меня аппарат для управления издали. Две кнопки — «ход» и «стоп». Вот грейфер зачерпнул зерно в трюме, я нажимаю кнопку подъема груза, затем кнопку поворота стрелы.

Мы видим, как грейфер с зерном поднимается над трюмным люком, как поворачивается стрела. И все это от легкого нажима кнопок на ящичке — переносном пульте управления краном.

— А теперь опускаю грейфер,— сообщает крановщик, нажав еще одну кнопку.

Две — три секунды — и над подъехавшей автомашиной раскрываются стальные челюсти захвата. Мгновение — и ее кузов уже полон.

Тонкий черный кабель тянется от чудесного ящичка в кабину крана. По этому кабелю идут короткие электрические толчки, заставляющие приборы в кабине включать и выключать любой из электрических двигателей крана. Чудесный ящичек позволяет крановщику управлять краном не только из кабины; он может стоять на палубе, у края трюмного люка, на капитанском мостике и, если понадобится, даже в трюме.

Управление кранами на расстоянии не выдумка. В Южном московском порту уже больше года работает такой кран.

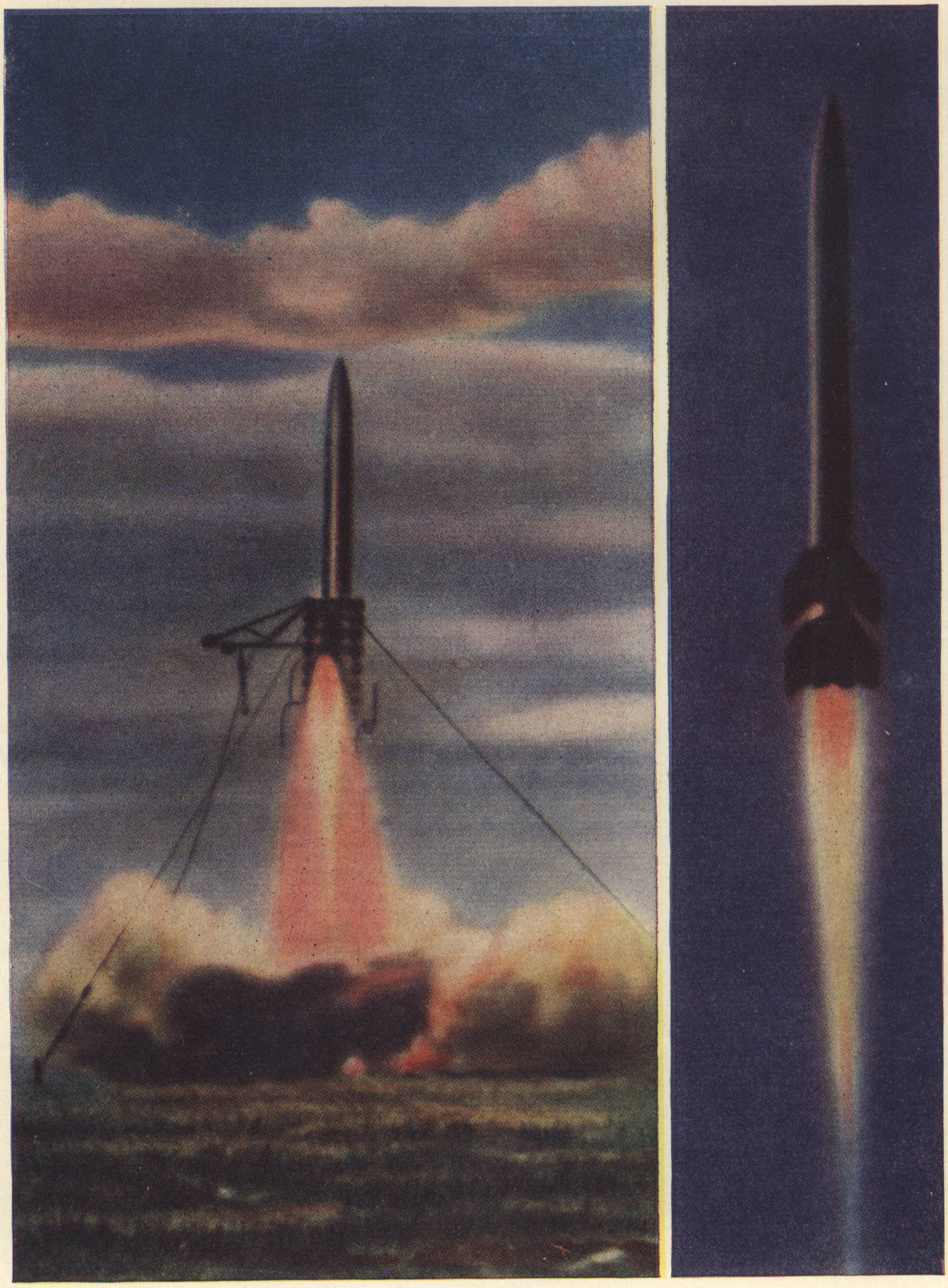
И работает хорошо: быстро и четко.

Ада Рыбачук.

ЮНГА.

СТАРТ И ПОЛЕТ РАКЕТЫ.

ПУТЬ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Н. ЕФРЕМОВ

Конец девятнадцатого — начало двадцатого века — эпоха паровых машин, начало широкого применения двигателей внутреннего сгорания, первые, еще очень робкие попытки человека подняться на самолете тяжелее воздуха.

В это время в маленьком провинциальном городке Калуге учитель Константин Эдуардович Циолковский разрабатывал совершенно новые идеи в науке воздухоплавания. Уже тогда он, изобретатель и ученый-самоучка, смог заглянуть далеко в будущее, доказать, что человек будет летать не только в земной атмосфере, но и за ее пределами — в межпланетном пространстве.

Возможно, об этом мечтал не один Циолковский, но обосновать свои мечты научно, показать, что межпланетные полеты возможны, разработать схему и конструкцию воздушного корабля «сверхдальнего» полета до Циолковского не смог никто.

Нелегко было заглянуть так далеко вперед в те времена. Люди изобрели паровозы, которые передвигались по твердой земле, по морям и океанам ходили пароходы, поддерживаемые водой. Ученые раскрыли секрет полета птиц: птицы летают потому, что их крылья опираются на воздух. Но как летать в безвоздушном мировом пространстве? Ведь там нет никакой опоры!

Межпланетный корабль должен лететь с огромной, невиданной до того времени скоростью, иначе он не сможет оторваться от Земли, преодолеть ее притяжение.

Межпланетный корабль должен сам себя продвигать, сам от себя отталкиваться. Но разве это возможно? Не напоминает ли проект такого корабля человека, который пытается поднять самого себя за волосы?

Ни один из двигателей времен Циолковского не был пригоден для полетов в мировое пространство. Как же можно решить эту задачу?

Может быть, попытаться по совету Жюля Верна выстрелить межпланетный снаряд из огромной пушки? Приобретя необходимую скорость, снаряд ринется в мировое пространство и будет летать там подобно метеориту.

Но расчеты говорят, что это беспочвенная фантазия. Такую пушку невозможно сделать. Какой колоссальный заряд понадобился бы для того, чтобы придать пушечному ядру космическую скорость!

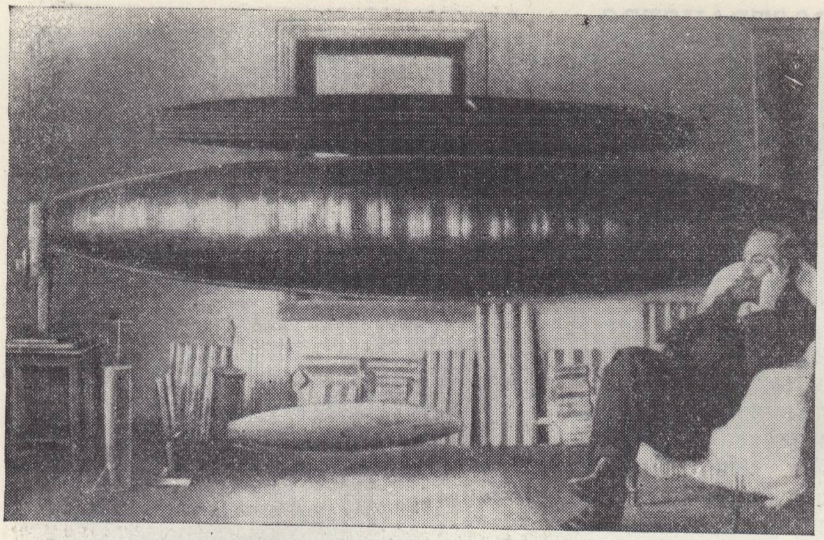
Константин Эдуардович Циолковский.

Но даже если ядро полетит с такой огромной скоростью, то снаряд сгорит, раскалившись от трения о воздух, как сгорают метеориты в земной атмосфере. Огромные ускорения, которые возникнут в момент выстрела, расплющат всякое живое существо, которое отважится лететь в таком снаряде.

Нет, все это никуда не годится! Нужно придумать что-то другое. Снаряд должен набирать скорость постепенно, чтобы не превысить ускорение, какое может выдержать человеческий организм. В земной атмосфере корабль будущего должен лететь с такой скоростью, при которой он не будет раскаляться. Космическую скорость он наберет уже за пределами атмосферы, где нет трения. И в то же время двигатель должен быть скоростным: с увеличением скорости полета мощность его мотора должна будет расти.

И Циолковский высчитал: таким летательным аппаратом может быть только ракета. Ей не нужна опора во внешней среде. Ракета сама себя толкает газами, образующимися при сжигании топлива внутри ракеты.

Циолковский вывел математическую формулу движения ракеты. Он установил, что известная в его время пороховая ракета не долетит до межпланетного пространства, потому что порох при сгорании не выделяет достаточно тепла. Ракетным топливом может

К. Э. Циолковский построил модель цельнометаллического дирижабля.

ству в наше время решать вопросы сверхскоростных полетов в земной атмосфере и подготовиться к осуществлению чудеснейшей мечты о полете в мировом пространстве.

Циолковскому не удалось самому заняться постройкой межпланетных ракет. Да это и не под силу было в то время ученому-одиночке. Это прекрасно понимал и сам Циолковский. В своих трудах он обращался к будущему человечеству.

И вот уже настал этот день. Наступил час, когда почти с космической скоростью ринулись в самые верхние слои земной атмосферы баллистическая ракета и первый искусственный спутник Земли.

быть только жидкое горючее. Наиболее выгодно сжигать жидкий водород в жидком кислороде. Но чтобы получить космическую скорость, необходимо было рассчитать, в каком соотношении выгоднее всего сжигать это невиданное до тех пор топливо, и Циолковский рассчитал и это.

Для того, чтобы сила, толкающая ракету, была достаточно велика, нужно взять с собой в межпланетное путешествие большой запас топлива.

И снова раздумье, искания, кропотливые расчеты... Наконец было найдено правильное решение: полетит не одна ракета, а целый ракетный поезд.

В полете все ракеты работают, но когда выгорает половина топлива, из двух связанных между собой ракет топливо перекачивают в одну. Пустые ракеты отделяются, а остальные с наполненными горючим баками продолжают полет, не уменьшая, а увеличивая скорость. В конце концов скорость достигнет одиннадцати и двух десятых километра в секунду. Ракеты, летя с такой скоростью, преодолеют силу земного притяжения и вылетят в мировое пространство.

Современники Циолковского считали ученого, на много лет опередившего свое время, сумевшего гениально предвидеть то, как будет развиваться воздухоплавание в будущем, беспочвенным мечтателем.

Никто не понимал в то время, что в его скромных, без переплета книжках были заложены открытия, позволившие человече-

Это совершила наука нашего социалистического отечества, совершила впервые в истории человечества.

И баллистическая ракета и искусственный спутник достигли огромных скоростей с помощью многоступенчатых жидкостных ракет. Искусственный спутник, облетающий земной шар за 1 час и 36,2 минуты, представляет собой шар весом 83,6 килограмма и диаметром 58 сантиметров.

В этом небольшом шаре помещена специальная аппаратура, посылающая радиосигналы, которые принимают все страны мира.

Для того, чтобы разогнать искусственный спутник, сообщить ему скорость, при которой он мог бы лететь, не падая на Землю, потребовалась многоступенчатая ракета больших мощностей.

По мере того, как расходовался запас горючего, ракеты, набирая скорость и поднимаясь вверх, отделялись одна за другой. И когда отработала последняя из них, на высоте 900 километров полетел искусственный спутник Земли. Он стал описывать круги вокруг Земли со скоростью 28 800 километров в час.

Мечта Циолковского осуществилась, и раньше, чем он мог предполагать.

Это первый шаг. За ним последует запуск других, бо́льших спутников, и уже близок час, когда отправится первая ракета на Луну, а затем и в мировое пространство.

КЛУБ „ПИОНЕРА“

СЕГОДНЯ В КЛУБЕ:
РУКОВОДИТЕЛЬ
„ВАЙЯНОВ“
АНДРЕ РЕКЮЛЬ,

**ТИМУРОВЦЫ
КРЫЛАТСКОЙ
ШКОЛЫ,**

**РОБЕРТ
ВАЛЕНТАЙН**
из организации
„ЛЕСНОЙ НАРОД“,
ПАТРИЦИЯ РАПОПОРТ,
МЁЛВИН ДЕБАЙ,
**КОНСТРУКТОРЫ
АЭРОМОБИЛЯ**
ВОЛОДЯ ТИМОФЕЕНКО
и ВОЛОДЯ ЦУКАНОВ

рассказывают о том, как живут и работают ребята разных школ городов, стран.

Это было еще в дни фестиваля, когда в Москву съехались гости из разных стран. Среди них были и школьники и руководители детских организаций. Некоторые из них пришли к нам, в клуб «Пионера». Вот как проходила эта встреча.

— Женя!.. А я уж боялся, что ты опоздаешь! Скорее! Ведь ты же помнишь: у нас сегодня иностранные гости. Они расскажут о своей жизни и послушают, как мы живем. А так как всего сразу не перескажешь, решено говорить только о самом интересном.

— Смотри, Женя, идут! Девочка и два мальчика.

— Это Патриция Рапопорт, Роберт Валентайн и Мелвин Дебай... Они приехали к нам из Великобритании.

Советские пионеры встретились в нашем клубе с английскими ребятами Робертом Валентайном, Патрицией Рапопорт и Мелвином Дебай, побывавшими в Москве во время фестиваля.

— Good day! Здравствуйте!.. Ребята! Этого мальчика зовут Роберт Валентайн, попросту — Боб. А на рукаве у него написано по-английски: «Лесной народ». Так называется его детская организация. Сейчас Боб расскажет нам о том,

как «лесной народ» сделал переправу

Сначала мне хочется рассказать вам немножко о нашем «лесном народе». Все мы очень любим природу, недаром на нашем значке изображены два дерева и солнце. Нам нравится встречать рассвет в лесу, нравятся дальние походы...

Здесь, в Москве, я много раз говорил с вашими ребятами и с радостью узнал, что наш «лесной народ» немножко похож на пионеров.

Каждое лето мы стараемся выезжать за город, хотя это не так-то просто. Ведь все оборудование и палатки приходится покупать нам самим, вернее, нашим мамам и папам.

Этим летом наша группа «лесного народа» жила в лесу неподалеку от Эдинбурга — это мой родной город. Мы выбрали красивое, живописное место, раскинули палатки. Еду готовили себе сами: обед стряпали дежурные «повара». Мы учились разжигать костры разных типов — для приготовления еды, для тепла и другие. А еще мы сделали печку в земле. В ней можно было даже печь пироги.

Нам было очень весело. Возле нашего лагеря протекала река, и мы решили устроить перепра-

ву. Эта переправа была вроде качелей. Над рекой склонялось большое развесистое дерево. Мы перекинули через толстую ветку дерева веревку, укрепили доску и на этой доске вихрем перелетали через реку...

Переправу мы сделали над глубоким местом реки, чтобы не страшно было падать. Если даже упадешь, то не ушибешься, просто поплывешь.

Наш «лесной народ» плавает очень хорошо. Зимой мы, мальчики и девочки, учились плавать в бассейне и получили дипломы пловцов.

— Ребята! Сейчас английская школьница Патриция Рапопорт расскажет

о хоккее на траве и о других интересных вещах

Я и мои подруги очень любим спорт, в особенности травяной хоккей. Я учусь в крейдонской средней школе. У нас есть хоккейная команда, я вратарь этой команды.

В этом году команда нашей школы завоевала первенство по всему району. Кроме спортивного общества, у нас в школе есть еще общества музыкальное, драматическое и общество помощи бедным. Я состою в драматическом обществе, мы тоже помогаем нуждающимся: даем в их пользу спектакли. У нашего драматического общества такое правило: каждый член его должен сыграть хоть одну большую роль в году.

Здесь меня девочки спрашивали, есть ли у нас вышивальный кружок. Нет, вышивание, шитье, стирка, стряпня — вообще домоводство входит у нас в учебную программу. Первое время домоводством обязательно занимаются все девочки, а потом можно выбрать, что больше нравится: домоводство или латынь.

Так, по крайней мере, в нашей школе. Но у нас, в Англии, не во всех школах одинаковая программа. У нас есть частные, платные школы и бесплатные, государственные. В частных школах — они обычно прекрасно оборудованы — могут учиться, конечно, только дети богатых родителей...

У нас в старших классах ребята занимаются по-разному: одни больше изучают математику, физику, другие — историю, литературу. В зависимости от того, чем они хотят заниматься после школы: пойдут ли они работать или, если у родителей есть на это средства, будут учиться дальше.

Этот учебный год очень серьезный для меня — год выбора специальности. Я уже решила, кем я буду. Самое важное, по-моему,— это помогать другим. Вот я и решила стать врачом и помогать людям, как мой папа и мои дяди-коммунисты.

Вот рисунок Боба.

«Как же была устроена переправа?» — спросили у Боба, когда он рассказывал о лагере «лесного народа». Тогда Боб быстро сделал рисунок переправы.

— С этим мальчиком я уже успел поговорить, Женя. Его зовут Мелвин Дебай. Послушаем, что он расскажет

о шотландском танцевальном ансамбле

Я учусь в Кельтском танцевальном колледже. Мы занимаемся классическим балетом и народными танцами. Сюда, в Москву, я приехал в составе шотландского ансамбля. Видите, на мне национальный шотландский костюм — курточка и клетчатая шерстяная юбка... В такой одежде удобно лазать по горам, ведь Шотландия — горная страна. В ней сохранились старинные обычаи. В этом году я побывал на шотландских на-

родных играх, это было замечательное, интересное зрелище.

На открытую платформу один за другим выходили танцоры, певцы, оркестры волынщиков. Волынка — любимый шотландский инструмент; кроме волынок, в народном шотландском оркестре есть еще дудочки вроде свирели и длинный барабан — котелок...

Потом начались соревнования в ловкости и силе. Силачи боролись, перетягивали друг у друга канат, поднимали огромный молот... Есть у шотландцев такая игра: кидание столба. Человек должен перебросить через голову телеграфный столб, да так, чтобы столб перевернулся. Представляете, какие мускулы нужны для такой игры?!..

Но, конечно, меня больше всего на этих играх интересовали народные танцы. Я внимательно приглядывался к движениям танцоров, к их серьезным лицам: ведь шотландские танцы по большей части суровы и мужественны, как и сам шотландский народ.

Мне очень хочется стать хорошим танцором, настоящим артистом, который доставляет людям радость. Но мне хочется также и учить других танцевать. После окончания колледжа я буду не только выступать на сцене, но и преподавать в школах искусство танца.

— Сейчас, ребята, руководитель «Союза отважных» Андре Рекюль расскажет нам об интересных делах ваших французских друзей, «вайянов» («отважных»). Мы узнаем, как живут эти

маленькие люди с большим сердцем

Представьте себе крохотную комнатку в подвале — семь квадратных метров. А «вайянов» здесь собралось человек пятнадцать. На улице дождь, вот и приходится проводить свободные часы в комнате. Но «отважные» не скучают, каждый занят каким-нибудь делом: кто плетет корзину, кто лепит куколки из глины, а кто вышивает. Потом ребята устроят выставку. Посетители выставки могут купить любую самоделку. Раскупают почти все, а деньги идут на устройство летнего лагеря. Не каждое лето удается «вайянам» выезжать в лагеря, а уж когда выезжают, то долго потом вспоминают ребята жаркие костры, далекие походы, яркие лагерные праздники...

Но «вайяны» собирают средства не только для себя. Это маленькие люди с большим сердцем. Вот какой случай произошел с отрядом парижского пригорода Шатоне Малабри. Недалеко от того места, где ребята отдыхали в летнем лагере, жила семья Гассе: муж, жена и пять маленьких девочек. Глава семьи принял участие в демонстрации против войны в Алжире, и его посадили в тюрьму.

Вожатый Роже Шебалье рассказал ребятам, за что арестовали этого человека.

— Надо помочь семье,— решили «вайяны».

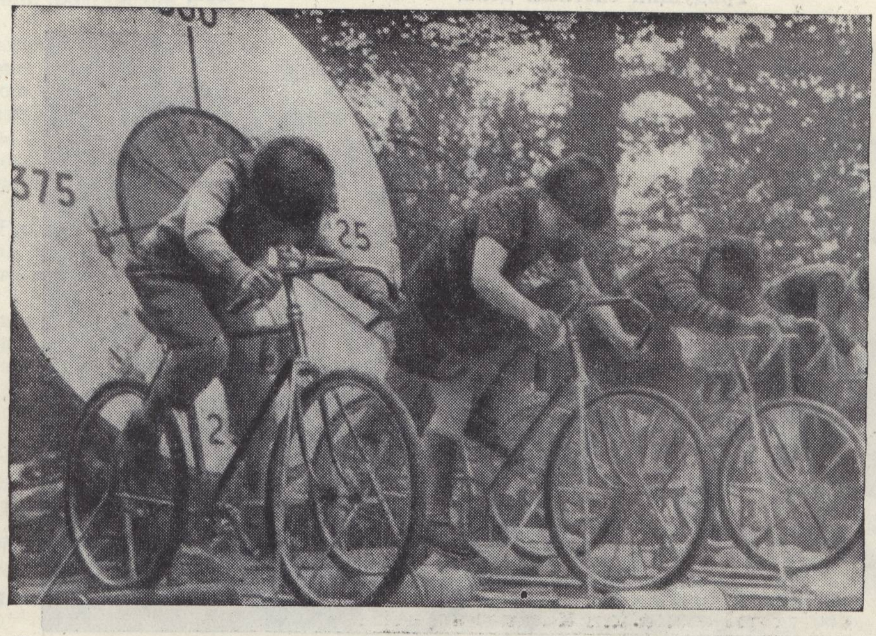
Они стали собирать книжки, игрушки, одежду, деньги. Ребята ходили по квартирам незнакомых людей и собрали для пяти девочек и их мамы около двадцати тысяч франков.

И так всегда. Как только наши «отважные» узнают, что люди в беде, они дружно приходят на помощь.

В 1956 году в одиннадцатом районе Парижа обрушился большой жилой дом. Этот дом давно нужно было снести. Но правительство не нашло нужным выделить на это средства. И вот произошло несчастье. Сотни людей остались без крова.

Что могли сделать «вайяны» для этих людей? Не могли же они построить новый дом!.. Но в их силах было принести пострадавшим хоть немного радости. И «вайяны» из отряда имени известного героя Сопротивления Жан-Пьера Тембо сделали это. Они устроили во время рождества праздник для детей и стариков из разрушенного дома. «Отважные» раздавали детям подарки, для стариков организовали чай...

«Вайяны» — друзья всем остальным ребятам. Во время зимних каникул «отважные» устраивают лыжные вылазки и обязательно приглашают на эти прогулки детей бедняков. Многим детям у нас трудно заниматься спортом: костюмы, инвентарь — все это слишком дорого. И вот, чтобы парижские ребята из бедного квартала могли отправиться на лыжную вылазку, «вайянам» — в который уж раз! — приходится ходить от дома

Как провести соревнование велосипедистов в маленьком дворе? «Отважные» нашли выход. Велосипедисты «едут» на одном месте, а на щите разноцветные стрелки, соединенные с колесами, бегут вперегонки и показывают, кто впереди.

к дому с подписным листом и просить денег. Не везде их встречают приветливо, и нужно немало мужества, чтобы постучать в запертую дверь. Но ничего другого «вайянам» не остается: государство не дает никаких средств нашему Союзу «отважных»...

«Отважные» города Ниццы каждый год устраивают для ребят всего города «прогулку к снегам». Дело в том, что в Ницце даже зимой не бывает снега. И вот «вайяны» в погожее зимнее воскресенье собирают до пятисот детей, а то и больше и ведут их в горы, к снегу. Целый день ребята проводят на снегу: катаются с гор, играют в снежки, строят снежные города...

В книжечке, которую мне хочется подарить вам, есть песня, которую поют «вайяны», отправляясь утром в летний или зимний поход.

— Давайте, ребята, споем хором эту песенку, она называется «Утренняя». Только будем петь, как поют «вайяны». У них такое условие: песне подтягивают все, а кто не поет, с того фант.

Идем назло тревогам!
Товарищ, солнце взошло.
Пускай трудна дорога,
Но утро так светло!

Кусок простого хлеба,
Товарищ, я взял с собой.
На фляжке блещет неба
Осколок голубой.

Разгонит ветер свежий,
Товарищ, ночную тень.
В тумане ярко брезжит
Грядущий светлый день.

Не страшен путь суровый.
Товарищ, смелей в поход!
Пред нами жизни новой
Прекрасный день встает,

— А почему этот мальчик не пел?

— Это Боря Чеботарев, пионер из станицы Аксайской, Ростовской области... С тебя фант, Боря!

— Ребята! Знаете, что? Вместо фанта мы получим с него приглашение в музей аксайской школы и узнаем о том,

Посмотришь на этого смешного человечка на обложке, и хочется раскрыть книжечку. А там песни — веселые, грустные и суровые песни «вайянов». Этот сборник песен подарил клубу Андре Рекюль.

как ребята нашли оленьи рога

Наш школьный музей занимает теперь целый дом. В четырех больших его комнатах помещены отделы палеонтологии, археологии, нумизматики и истории родного края. Три тысячи различных экспонатов собраны у нас. Но самые интересные из них — это кости доисторических животных.

Однажды нашим краеведам позвонили рыбаки с далекой тони:

— Мы здесь все время сети рвали, думали, коряги, а это, оказывается, рога. Приезжайте, может быть, они вам нужны.

Мы немедленно поехали к рыбакам на катере вместе с нашим преподавателем истории Алексеем Николаевичем Скриповым. Приехали к рыбакам и увидели огромные рога доисторического оленя. Когда мы стали грузить рога на катер, шесть человек с трудом смогли их поднять.

Мы установили возле этой тони специальный пост. Второй пост мы установили на карьере, где брали песок. И скоро с обоих постов стали поступать сообщения: «Найдены кости!..»

Теперь, кроме оленьих рогов, у нас есть такие редкости, как челюсти шерстистого носорога, кости мамонта и череп тура с рогами... К нам часто приезжают экскурсии из других школ. Ростовский музей просил нас продать наши находки, но мы не согласились.

Вот они какие огромные, рога доисторического оленя!

— Только что, ребята, у меня попросили слова сразу девять человек. Я сказала, что сразу вдевятером говорить нельзя, но они принялись хором уверять меня, что они все девять — все равно, как один: такие они дружные. Все же я дала слово только одной из них — Нине Горбачевой. Она расскажет вам про

сбор в белую ночь

Все мы учимся неподалеку от Москвы, в селе Крылатском. Наше звено тимуровское... Сначала мы все помогали одной семье: там заболела мать, и мы нянчили трех малышей. А теперь мы бригада помощи младшим классам.

Вот с чего это началось.

В школе шел сбор металлолома. Мы, конечно, очень хотели, чтобы наш класс собрал больше всех. В самый разгар сбора видим, бежит, запыхавшись, Таня Иосифова. Она не из нашего класса, она четвероклассница, но лучшую связную трудно найти: она очень быстро бегает.

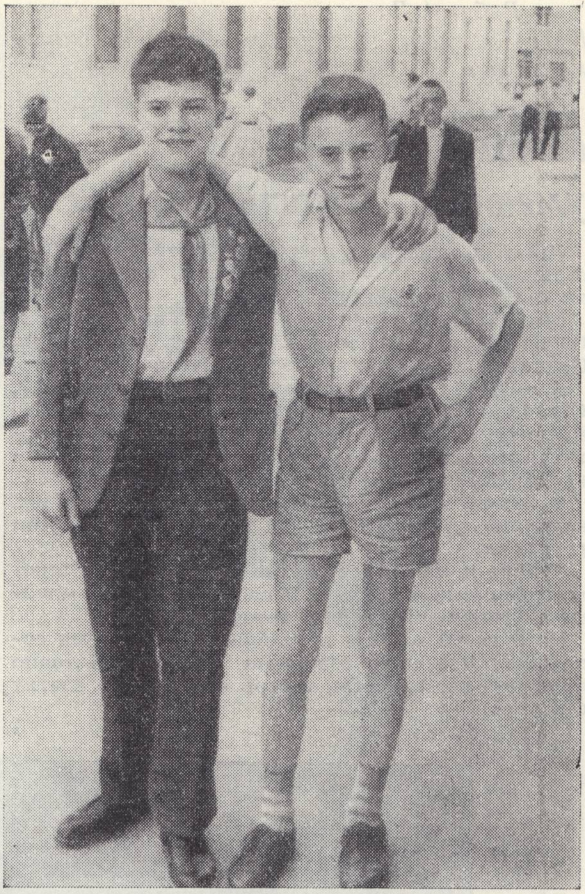
Таня сказала: «Посмотрите на гору!» Наша школа стоит на горе, а зимой гора довольно-таки скользкая. И вот мы видим, что у подножия горы в разных местах стоят первоклассники и с тоской поглядывают вверх. И так трудно подниматься, а они еще с грузом... Ну, мы кубарем спустились вниз и стали помогать малышам. Вот с этого дня наше звено и стало бригадой помощи младшим классам. А металлолома мы все-таки собрали больше всех. За это и за другие пионерские дела нас премировали десятидневной экскурсией в Ленинград.

Ох, какой это красивый город! У нас было по две экскурсии в день. А самое интересное у нас было вот что: мы провели свою собственную «экскурсию» по ночному Ленинграду. Это была первая ночь в жизни, когда мы не спали. И спать никто не хотел... В двенадцать часов мы стали спрашивать у прохожих, сколько времени; нам все отвечали: «Двенадцать». А мы никому не верили и спрашивали снова. Как же так двенадцать, если на улице светло, хоть книжку читай?! Нам рассказали, что это и есть знаменитые ленинградские белые ночи.

Больше всего нам понравилось, как разводят мосты и по Неве проплывают огромные морские корабли... Никогда мы не забудем ночного Ленинграда.

— К нам в клуб явились новые гости — болгарские ребята Василь Злотаров и его друзья: Гошко, Славчо и Тошко. Василь скажет вам сейчас несколько слов о том, что интересней всего для него и его друзей. Кстати, они только что поделились с нами своим огорчением.

Дело в том, что все они приехали на фестиваль соревноваться, а оказалось, что соревноваться-то им не с кем. Во всем мире существует пока что только один

Антоний Стойменов и Василь Злотаров — болгарские пионеры.

детский симфонический оркестр

Наш оркестр организовался при софийском Дворце пионеров, управляет им Владий Симеонов.

Все мы относимся к музыке очень серьезно, и вещи мы играем серьезные: Шуберта, Шостаковича и других композиторов. Нас приглашают выступать в больших концертных залах, в филармонии, в Оперном театре. Многие мои товарищи да и я тоже мечтаем стать профессиональными музыкантами.

Но вы, пожалуйста, не думайте, что мы какие-то там задавалы. Мы самые обыкновенные ребята. Тошко, Славчо и Гошко, например, очень увлекаются футболом, и все мы любим играть в разные игры... Когда же у нас в школе устраиваются вечера, мы всегда стараемся помочь и с радостью играем легкие танцы и песенки, аккомпанируя нашим товарищам.

— Ребята! Даем слово киевскому пионеру Коле Павлику. Послушаем про гоночную машину и

автомобиль, умеющий летать

Летом я отдыхал в лагере юных техников. Там отдыхали ребята — авиамоделисты, судостроители, автомобилисты, фотолюбители.

Два наших мальчика — Володя Тимофеенко и Володя Цуканов—построили модель аэромобиля. Он может ездить по земле и летать по воздуху.

А я сделал кордовую модель гоночной машины. Она бегает по кругу, а я держу ее на веревке. Но на лагерных соревнованиях оказалось, что я неточно сделал расчеты, и моя модель сорвалась с корды. Из-за этого я не получил зачета.

В лагере мы научились многому, а главное, научились делиться своими знаниями с другими ребятами.

Теперь я, как и все другие ребята, веду в школе технический кружок. У нас даже между младшими появилось много автомоделистов.

Но и своей работы я не бросил: все время совершенствую свою гоночную машину. Я точно проверил все расчеты, теперь она уже не слетит с корды.

— Желающих рассказать о самом интересном еще много. Но время позднее, а многие гости живут далеко...

Давайте, ребята, напоследок поиграем... Вот Боб Валентайн предлагает сыграть в любимую игру «лесного народа» — «зайцы и собаки».

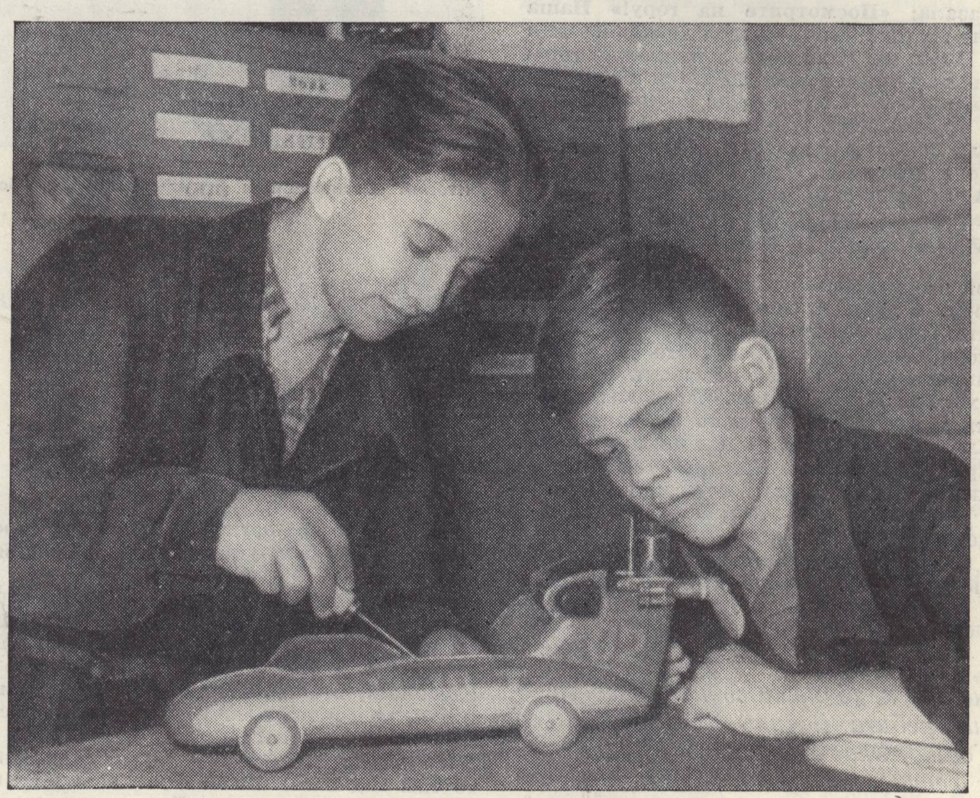
Игра очень простая: играющие разбиваются на две равные группы. Одна группа называется «собаками»; их задача — переловить или осалить всех «зайцев».

А задача «зайцев» — уйти от «собак», хорошенько запутав свой след.

Для этой цели у «зайцев» есть смятая бумага, которую они готовят заранее. «Зайцы» уходят из дому, со двора или из лагеря немного раньше «собак», разбрасывая бумажные «следы».

Конечно, «зайцы» стараются оставить фальшивый бумажный след. Если хоть один «заяц» благополучно избежит «собак» и вернется домой «невредимым»,— «зайцы» выиграли.

Поиграем, ребята, и разойдемся по домам. До следующих встреч!

Володя Тимофеенко и Володя Цуканов со своим летающим автомобилем.

БИЧИ

И. РАХТАНОВ

Щенок превратился в очень милое создание непонятной масти.

С Мартышкой дружба у меня большая.

Все это потому, что я часто пускаю для нее под потолок солнечного зайчика. Лучшего удовольствия Мартышке не доставить. Увидит она на стене светлый блик и начнет прыгать выше своего роста, пойдет стучать когтями по паркету, закружится, завертится.

Стоит мне прийти к ее хозяину, как Мартышка уже у дверей встречает меня и ведет прямо к столику, где стоит бритвенное зеркальце, словно хочет сказать:

«Что же ты медлишь? Покажи скорей своего зайчика! Я ведь знаю, что ты только за этим к нам и пожаловал».

У других собак я не замечал такой страсти к бегающему отблеску солнца под потолком. Мы с приятелем даже объяснили это странное явление тем, что Мартышка — маньчжурская лайка. Там, у себя на родине, в Маньчжурии, где на сопках царствует тайга, она охотник. Промышляет лайка белку или другого мелкого зверька, обитающего на верхушках деревьев.

Вот наша Мартышка, должно быть, и принимает быстро мелькающий по стене солнечный зайчик за пушистый беличий хвостик.

А что Мартышка — маньчжурская лайка, мой приятель Сергей Иванович выяснил случайно. Впрочем, и сама Мартышка попала к нему тоже случайно.

Дело было вот как.

На одной лестнице с ним в большом доме по Гагаринскому переулку года четыре назад проживал мальчик Алешка. Ничего хорошего я вам про него, к сожалению, рассказать не могу.

Судите сами. Учился наш Алексей так, что, если бы вам захотелось непременно найти в его табеле пятерки, табель пришлось бы перевернуть вверх ногами и глядеть на него в зеркало. Тогда бы оказалось, что у Алешки действительно нет ни одной двойки. Он отличник, только отличник наоборот, так сказать, вверх ногами...

В общем, парнишка мне этот совсем не мил, я хочу поскорее от него избавиться и расскажу вам о нем только то, что связано с Мартышкой.

Алешка крал щенят и продавал их на Птичьем рынке.

Занятие это ему было по вкусу, потому что приносило доход: за породистого щенка платили щедро. Случалось, что деньги он приносил матери, но ей они никогда не доставляли радости. Больше: она определенно высказывалась против коммерции сына и время от времени даже выбрасывала на лестницу его писклявый товар.

Однажды, возвращаясь домой, Сергей Иванович увидел около дверей своей квартиры маленькое, мохнатенькое, плюгавое черно-седое существо. Он подобрал щенка, принес к себе, выкормил из соски и назвал Мартышкой.

Ни на минуту за все эти месяцы не подумал он, какой породы собачка.

— Чем уродливее песик, тем он мне милее,— говорил друзьям Сергей Иванович.— А лучше Мартышки вообще никого нету. Глядите, ей до человека разве что речи не хватает, но ведь вот как хочется заговорить!..

И Мартышка действительно почти что говорила, во всяком случае, когда ей приказывали: «Выскажись!»,— она в ответ произносила на своем собачьем языке длинные, заунывные речи.

Пришло время нести ее к ветеринару.

Бывают два месяца в году, когда всех московских собак обязательно надо регистрировать и делать им прививки против бешенства,— это март и апрель.

Вот в апреле Сергей Иванович понес Мартышку на регистрационный пункт.

Ветеринар медицинской трубкой выслушал собачку, сделал ей в заднюю лапу укол, а потом говорит:

— Чудный песик, только безнадежно испорченный! Ему бы хорошего хозяина...

Сергей Иванович обиделся: не он ли сам из соски вскормил собачью малявку?

— Этого мало,— строго сказал ветеринарный доктор,— к собаке надо правильно относиться. Выкормить — это каждый может. Надо было ей хвост обрубить и сшить уши. Тогда бы была собака...

— А мне хвостик,— робко сказал Сергей Иванович,— очень нравится. Видите, товарищ доктор, белое пятнышко... И потом ушки, разве они плохо стоят?

— Не могу слушать этот непрофессиональный разговор,— еще строже сказал доктор.— Вы хотя бы знаете, что это у вас?

— Конечно. Мартышка...

— Мартышка! — передразнил доктор.— Никакая это не мартышка. Это айриш-пинчер, по-русски ирландский пинчер.

И доктор замолчал, давая понять, что ему больше нет охоты продолжать непрофессиональный разговор.

Сергей Иванович ушел домой, и Мартышка стала айриш-пинчером. Она продолжала быть им, кажется, два года, до тех пор, пока, гуляя со своим хозяином, не повстречала на Гоголевском бульваре точно такую же лохматую, низенькую, словно стелющуюся по дорожке собачку.

Двойника Мартышки вел на сворке человек, одетый не так, как обычно одеваются москвичи: на нем был брезентовый плащ с капюшоном и грубые кирзовые сапоги.

— Что это такое? — крикнул он, завидя Мартышку.— Откуда это у вас?

Само собой понятно, что Сергей Иванович смутился. Ведь не рассказывать же незнакомцу про Алешку.

— Это айриш-пинчер, зовут Мартышка,— сказал Сергей Иванович и в ответ вдруг услышал фразу, какой менее всего ожидал.

— Опять этот бред! Сколько раз на Дальнем мы слышали его! Нет такой породы — «айриш-пинчер». Есть ирландский сеттер, знаменитая рыже-красная охотничья собака, а пинчеров ирландских нету. Это все придумали любители иностранщины. Вот я из-под Владивостока везу показывать Москве родного брата вашей собаки. Сам я в питомнике там работаю и говорю вам ответственно, как специалист: ваша собачка никакой не пинчер и не сеттер, а лайка, маньчжурская лайка.

Так Мартышка стала маньчжурской лайкой, а мы с Сергеем Ивановичем тогда и придумали теорию перехода солнечного зайчика в беличий хвостик.

Прошло еще два года.

Мартышка принесла трех щенят: двух черных с желтыми пятнами и третьего щенка такого, какого нам никогда прежде видеть не доводилось. Был он рыжий, полосатый, похожий больше на котенка, чем на щенка.

— Это пусть будет мой,— сказал я.

Под бдительным присмотром Мартышки и Сергея Ивановича щенок мой прозрел и к тому времени, когда его можно было отнять от матери, превратился в очень милое создание непонятной масти и еще менее понятной породы.

Незадолго перед этим мне пришлось побывать в командировке в Грузии. Там, в Тбилиси, я услышал грузинское слово, которое очень мне понравилось: «бичи», «бичо», «бичико» — мальчик, мальчонка, мальчишка.

Так я и решил назвать своего щенка.

Мы всегда гуляем с Бичи по Кропоткинской. Может, вы нас не однажды встречали, и, может быть, именно вы спрашивали меня:

— Дяденька, какой она породы?

Таких вопросов было очень много, очень часто ребята приставали ко мне с ними. И тогда я придумал для своего Бички удивительную, редкую породу. Я стал говорить, будто он австралиец, будто его привезли с собой наши спортсмены, выступавшие на Мельбурнской олимпиаде. Называется эта порода «кинглу», и охотятся эти самые кинглу на кенгуру, а живут в эвкалиптовых зарослях.

И, представьте, мне верили. Ни у кого не вызывало сомнения, что мой Бичка не коренной москвич, родившийся в Гагаринском пе-

реулке, а что он действительно происходит из далекой Австралии. Часто меня даже спрашивали сердобольные люди:

— А не трудно ему, бедняжке, даются русские снега?

На этом, пожалуй, можно было бы и поставить точку, если бы с Мартышкой, или, вернее, с выяснением ее породы, не случилось еще одного превращения.

В этом году Сергей Иванович снова повел собаку на ветеринарный пункт.

— Она у меня беспородная,— нарочно заявил он, желая узнать, что теперь скажет ветеринарный врач.

— Зачем вы обижаете свою собачку? Совсем она не беспородная. Это настоящий, чистокровный скоч-терьер.

— Как скоч-терьер? Ведь у них утюгообразные морды, а у моей остренькая.

— Бывают разные скочи,— возразил врач.— Утюгообразные встречаются чаще, остренькие реже...

Так Мартышка стала еще и скоч-терьером.

Я не знаю, кто мой Бичи, и, честно сказать, не интересуюсь этим. Товарища не спрашиваешь, какой он породы, его ценишь за другие качества: добрый нрав, ум, постоянство, преданность.

Случилось так, что по неопытности мне пришлось зарегистрировать Бичо дважды. У него два регистрационных удостоверения. В первом сказано, что он «метис маньчжурской лайки», во втором — «метис боксера»...

Видимо, ветеринарный доктор из-за необычайной полосатой раскраски предположил, что отец щенка — боксер.

Что же касается меня, то я горд уже тем, что оба ветеринара квадратной печатью райветлечебницы удостоверили, что в моем Бичико есть что-то от тигра. В обоих его паспортах против графы «окраска» написано: «тигровая», «тигристая».

Однако это и не требует никакой печати. Едва мы с Бичи появляемся на Кропоткинской, взрослые и дети говорят нам вслед:

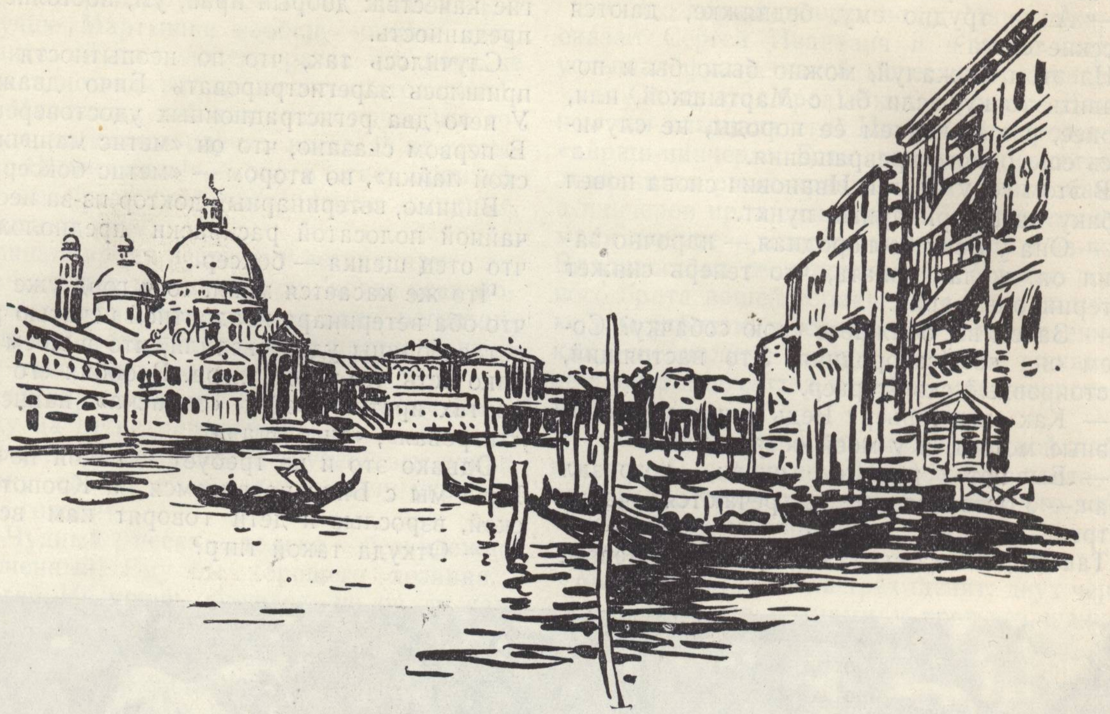
— Откуда такой тигр?

Вот они, Мартышка и Бичи.

Стихи Н. КОРДО.

Рисунки А. Паукова

И Т А Л И Я

На свете,
дети,
есть Алжир,
Голландия,
Австралия.
Но я охотней бы пожил
в Италии, в Италии!

Там виноградники глядят
в открытое окошко.
А мандарины там едят,
как хлеб или картошку.

Ни теплых валенок, ни бот
в Италии не носят.
Там нет зимы.
Хоть круглый год
в морском заливе мойся!

Там уйма статуй и колонн
в садах и прямо на́ поле.
Где
самый чистый небосклон?
В Италии, в Неаполе!

Весь Рим в зеленый плющ одет.
А к северу подалее —
стоит Венеция в воде.
Я так хочу в Италию!

Я бы поехал хоть сейчас
в Италию, в Италию!

Но я бы взял с собой всех Саш,
всех наших маленьких Наташ,
Володек и Виталиев.

Наш дом.
Наш метрополитен.
Дворцов кремлевских своды.
И полусолнце, полутень
привычной нам погоды.

Наш снег.
Наш подмосковный бор
(расстанусь с ним едва ли я!) —
Хоть жаль, уж не была б
с тех пор
Италией Италия...

Раскладушка

Папа был взволнован
и немного хмур.
Покупал он новый
спальный гарнитур.

Любопытных зрителей
замыкался круг.
Кто-то одобрительно
вставил:
— Славный бук!

Разве лишь для сына
было все одно —
бук или осина,
плюш или рядно.

Маленький, в веснушках,
он от слез намок.
Сын от раскладушки
отойти не мог.

Ловко, раскладушка,
сделали тебя!
Словно ты игрушка
для ребят.

Ты сойдешь с успехом
за автомобиль.
Хорошо в нем ехать,
поднимая пыль!

Править, затормаживать
и, ложась на пол,
заводить в гараж его —
под кухонный стол.

И на тонкой раме
кверху взмыть потом,
помахавши маме
носовым платком.

Покружиться в небе
и спуститься вниз.
Это — полумебель,
полумеханизм.

Сердце сына ранено
на́долго одним —
этим легким планером
раскладным.

Брось слезами капать,
в них мечты топя.
Хмурый взрослый папа
не поймет тебя.

Чайник

Был чайник тих и скромен.
Но вот покинул ГУМ,
обжился в нашем доме
и вскоре поднял шум.

Свистит,
пыхтит,
бормочет,
кропит слюной паркет.
Он как бы крикнуть хочет:
«Главней меня здесь нет!

Я старший!
Я начальник!
Я всех умней в сто крат!»
Хвастлив электрочайник,
когда его включат!

Хоть важная он птица,
но нужный срок истек.
Пускай не кипятится:
мы выключили ток.

Новые строки в книгу истории

Школьники Газимуро-Заводской школы Читинской области прошли по историческим местам, где некогда кипели жаркие бои. Здесь в 1918—1919 и 1920 годах красные партизаны сражались с бандами атамана Семенова и японскими интервентами, пытавшимися захватить Забайкалье. Почти сорок лет прошло, но в памяти людей живут имена красного командира Погодаева, начальника штаба Журавлева и других славных героев.

ПО ПАРТИЗАНСКИМ ТРОПАМ

Мы прошли походом по местам боев гражданской войны. Задача похода была такая: увидеть места, где красные партизаны сражались с белогвардейцами. Мы давно хотели познакомиться с бывшими партизанами — участниками боев за село Богдать, — поговорить с ними.

Наш маршрут: Газимурский завод — село Тайна — Богдать — Батакан — Газимурский завод.

Нас было девятнадцать человек. Мы шли по тайге семнадцать дней, семь раз переходили разлившиеся от дождя притоки реки Аргуни — Газимур, Урюмкан — и больше десятка горных речушек. Преодолели восемь хребтов. Нам не повезло с погодой. Мы шли под непрерывным дождем, но все до одного остались довольны походом. Мы узнали и увидели много такого, что никогда в жизни не забудется.

Перед выходом из поселка Газимурский завод мы отправились на центральную площадь к братской могиле. На памятнике из серого мрамора написано золотом: «Вечная слава борцам, павшим от рук белогвардейцев и интервентов в 1918—1919 годах за свободу Советского Забайкалья». Так начался наш поход.

На другой день мы подошли к Тайне — небольшому таежному селу, где родился и вырос Ф. А. Погодаев — знаменитый красный командир.

У нас в Забайкалье поют песни о нем. И мы все знали эти песни, а тут увидели своими глазами дом, в котором родился и вырос Погодаев, услышали рассказы старых людей, которые знали его, воевали с ним вместе. Вот что нам рассказали.

В январе 1920 года части Погодаева вели бой за город Сретенск. Белые были выбиты из города и засели на железнодорожной станции, за рекой Шилкой. Погодаев повел свой полк в последнюю атаку. Белые с левого берега открыли орудийный огонь, наши части залегли. Тогда Погодаев выхватил шашку и на всем скаку на своем вороном коне выехал на лед Шилки. Он мчался прямо на врага. Бойцы поднялись и пошли в бой за своим бесстрашным командиром.

Важный железнодорожный узел был отбит. Но Погодаева скосила вражеская пуля. Он погиб в этом бою.

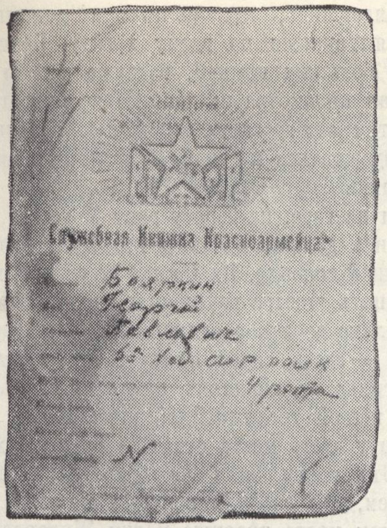
Второй пункт на нашем пути, где в гражданскую войну шли бои, — село Богдать. Это место связано с именем другого прославленного командира, Павла Николаевича Журавлева.

В Богдати мы познакомились с товарищем Берстеневым. Он работает директором подсобного хозяйства на прииске Оловянном, а в гражданскую войну был красным партизаном.

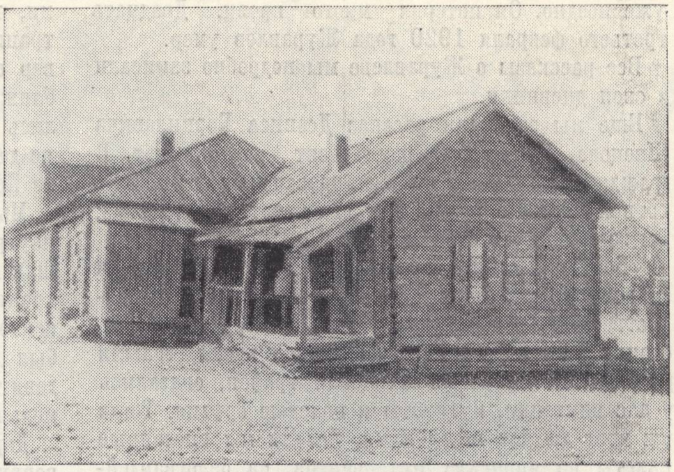
Товарищ Берстенев помог нам организовать встре-

Памятник партизанам, погибшим в селе Трубчево.

Бывший партизан Г. П. Бояркин показал нам свою старую красноармейскую книжку.

В этом доме в 1919 году помещался штаб прославленного красного командира Журавлева.

чу с бывшими партизанами: Карелиным, Швецовым, Хариным. Пришли и женщины. Одна из них скромно сказала:

— Мы не участницы боев, мы свидетельницы.

И они уселись в стороне. А потом, когда все разговорились, выяснилось, что Анисья Ивановна Харина и другие жены партизан прятали патроны и оружие и тайком передавали их партизанам.

Колегова Анна Савельевна рассказала нам, как Журавлев, преследуемый белыми, в начале 1919 года пробирался в Богдать. Три месяца он жил в доме ее отца в селе У-Начина. Он переоделся в плохонькую одежду, отрастил длинную бороду и выглядел стариком. Он чинил сбрую, умело сапожничал. «Старика» в селе полюбили, вечерами тайно сходились к нему на беседу.

— Помню,—говорит Анна Савельевна,—когда через некоторое время я снова встретилась с ним, он был уже в военной форме, молодой, стройный, красивый. Он поглядел на меня холодно и сказал:

— Я думал, ты с нами, а ты все еще господам служишь. (Я тогда у богатого золотопромышленника в прислугах жила.)

Обидели меня эти слова горше пощечины. Ночь я не спала, а наутро записалась в отряд. Работала я в госпитале, в одном бою была ранена.

Старые партизаны много рассказали нам о своем командире. О том, что он был им задушевным другом и требовательным начальником.

Это был очень храбрый человек и талантливый полководец.

Под деревней Лоншоковской Журавлев был ранен в ногу. Он не хотел никому говорить о своей ране, пока не кончится бой.

А бой этот длился несколько дней.

Когда Журавлева доставили в больницу, было

Эта сабля — участница богдатьского боя. Старый партизан Чередов поручил своему внуку передать ее в подарок нашему туристскому отряду.

уже поздно. Он потерял много крови. Двадцать третьего февраля 1920 года Журавлев умер.

Все рассказы о Журавлеве мы подробно записали в свои дневники.

Еще мы записали рассказ Деониса Корниловича Швецова. Ему сейчас шестьдесят восемь лет. В гражданскую войну он командовал кавалерийской сотней третьего полка. Вот его короткий рассказ; мы записали его слово в слово:

«Конечно, сейчас говорить о прошлой войне и сравнивать с Великой Отечественной нельзя. В Отечественной — техника, а у нас были берданы и дробовики. Воевали с врагом первое время голыми руками. Потом, когда захватили трофеи, оказались у нас винтовки, пулеметы и полевые орудия. Тогда уж враг дрожал перед нами. Делали мы внезапные налеты на японских интервентов, на белогвардейские части, отбивали у них обозы с продовольствием.

Много, очень много помогало нам местное население. Все вместе мы победили врага, завоевали вам, ребятки, счастливую жизнь. Теперь ваше дело такое: знай учись и учись. А тогда и учиться было негде: школ-то в тайге было мало. Только и знали ходить в церковь молиться».

Богдать мы покинули на следующее утро. Неподалеку от села расположен хребет Мотогор. И здесь опять встали перед нами картины давних боев.

Вот японские окопы. Они заросли травой и кустами, но, приглядевшись, мы различили длинные траншеи, протянувшиеся по всему хребту. Бруствер сложен из больших камней, которые носили с ближайших скал километра за два. Но не пригодились интервентам эти роскошные окопы. Красные не дали им продержаться и суток. Японцы подались на Корпачев ключ.

Мы ночевали на горе, на берегу реки Мотогора, а наутро двинулись дальше вдоль речки Яуи. Подошли к безымянной сопочке. На южном ее склоне сохранилось двадцать четыре групповых окопа интервентов и несколько десятков одиночных. Один окоп был в стороне — здесь сидел офицер. Мы нашли девятнадцать гильз от японских винтовок. Гильза мельче, чем у нашей трехлинейной винтовки.

Деревья вокруг этого места стоят со срезанными верхушками. Это враги били по красным таким ураганным огнем, что скосили верхние ветки.

Как раз в этом месте красные полки Журавлева прорвали укрепления врага и вышли на Корпачев ключ.

...Мы шли по тайге и думали: вот по этим самым тропам шли красные партизаны, здесь они ночевали у костров, здесь вели бои, теряли товарищей, защищали Советскую власть, нашу счастливую жизнь.

Туристы Газимуро-Заводской школы Читинской области.

Участник гражданской войны рассказывает нам о боевых действиях отряда Журавлева.

Должность писателя

В наших руках небольшая книга. Она называется коротко и энергично: «Выстрел».

К сожалению, я не была знакома с автором этой книги. Но все мы, работавшие в большом, похожем на корабль здании комбината «Правды», знали Ивантера. «Иду к Бобу Ивантеру»,— говорили в комбинате. Это означало: иду в редакцию журнала «Пионер». «Пионер» и Ивантер были неразделимы.

К нему очень шло имя «Боб», хотя в то время он был уже не так молод и его кудрявые волосы точно кто-то посыпал солью. Но в его крепкой, подвижной фигуре, походке, в острых, веселых глазах было столько юного, даже мальчишеского, что его — по крайней мере за глаза — редко величали по имени-отчеству.

Это не мешало глубокому уважению. Нужно сказать, что работники редакций редко сходятся в оценке товарищей, работающих по соседству. Но по этому поводу не существовало двух мнений. Все признавали: в «Пионере» настоящий редактор!

Что это значит — настоящий редактор? Такой человек не только печатает в журнале лучшее из того, что написано. Он помогает писателю сделать свою вещь еще лучше, и после разговора с ним писателю хочется писать новую книгу... Такой редактор понимает и любит своих читателей. Ивантер любил и понимал ребят.

— Вас звали в «Пионер»? — спросил както у Кассиля Маяковский. — Обязательно идите. Там хорошие люди работают и хорошее дело делают. Поговорите с Ивантером.

Маяковский любил говорить с Ивантером. К Ивантеру приходили поэты Багрицкий, Асеев, Маршак, Светлов... Михаил Пришвин, Борис Житков, Сергей Григорьев несли в «Пионер» свои лучшие повести и рассказы. На страницах этого журнала впервые появился гайдаровский Тимур. В «Пионере» началась писательская известность Льва Кассиля, Сергея Михалкова — все с «легкой» редакторской руки Ивантера.

Бениамин Абрамович Ивантер.

Но тому, кто зарекомендовал себя в одном деле, не так-то просто добиться признания в другом. Ивантер начал писать сравнительно поздно. Повести его все находили интересными, но относились к ним, как к чему-то второстепенному, неглавному в жизни Ивантера. В глазах окружающих Ивантер был прежде всего редактор.

В звании писателя Ивантера «нечаянно» утвердила армейская газета. Отправляясь на фронт, он с улыбкой показал приказ, где было напечатано: «Ивантер назначается в газету «на должность писателя».

— Теперь мы с тобой можем не сомневаться, что я писатель! — шутливо сказал он другу.

Это было в августе 1941 года. А через десять месяцев пришло известие: Бениамин Абрамович Ивантер убит осколком вражеского снаряда...

Книга «Выстрел» вышла недавно в Детгизе. В ней собрано все, что Ивантер написал для ребят. Читаешь ее и с каждой страницей все сильнее удивляешься: как мы

Б. А. Ивантер на Калининском фронте.

не понимали этого раньше? Ивантер был не только настоящим редактором, он настоящий писатель.

Вы и сами поймете это, когда прочитаете повести о гражданской войне «Выстрел», «Четыре товарища» и в особенности короткие рассказы, написанные на фронте в 1941 и 1942 годах. Вы поймете это по тому, с каким интересом будете следить за ходом довольно обычных происшествий, по живой симпатии, какую вызовут у вас скромные герои книги. И если вы умеете думать над прочитанным, вы отдадите себе отчет, что особая прелесть книги в обаянии самого автора: прямой, горячий, страстно любящий людей, он еле заметно присутствует на каждой странице...

Нет, нет, он не пытается вставлять все время слова «от себя»: так делают только плохие писатели. Он направляет нас почти неощутимо... Скажем, есть в повести «Выстрел» такое действующее лицо — тихий мальчик Давид. Он очень любит учение, свою семью, и, вообще говоря, он, скорее, приятный парень. Но он не понимает, зачем нужно воевать.

— Неужели для того, чтобы люди жили хорошо, надо обязательно кого-нибудь убивать? — спрашивает он героя повести Борю. — Двадцать мировых революций не помогут моей матери, если убьют меня одного.

В ответ на это Боря только пожимает плечами. И автор тоже не вступает с Давидом в словесные споры. Но все повествование построено так, что мы негодуем на тихого Давида и вся наша душа — на стороне Бори, взявшего в шестнадцать лет винтовку. Нам понятен и дорог Миша — герой другой повести, «Четыре товарища»,— смелый юный боец Миша, который отказывается от дружеского предложения комиссара перейти на работу в штаб и жаждет только одного: «оказаться достойным... опасностей, не струсить, не увернуться, встретить лицом к лицу и голод, и усталость, и пули...».

Ивантер даже как будто пытается внушить нам, что с Мишкиной стороны такой отказ — мальчишество, что он в штабе может делать нужное, полезное для родины дело... Но мы-то чувствуем, что автор одобряет «неразумный» поступок своего героя.

Он и сам поступил бы так, да он и посту-

пал так — ведь «Выстрел» — повесть автобиографическая. Таким был Ивантер с дней юности, когда мальчишкой пошел добровольцем на фронт, до последних дней своей жизни. Не фразой, а кровным убеждением, подкрепленным всей личной судьбой, звучат слова: «Это главное — пойти в решительный бой, чтобы победить или умереть».

Воевать, бороться, рискуя головой за лучшее, справедливое, революционное, большевистское,— в этом и заключалась для Ивантера должность человека и тем более должность писателя. Именно «должность», а не «служение», как считали когда-то. Писатель не созерцатель жизни, он активное, действующее лицо. Так понимал эту «должность» Маяковский. Так понимал Гайдар. И нет ничего удивительного в том, что, выполнив честно свой человеческий долг, Ивантер вырос и окреп как писатель. Жажду жить и бороться будят у нас его короткие фронтовые рассказы, такие, как «Скворец», который кончается словами: «Скворец свистит, трава растет, живут люди, растут дети, и чтоб все это росло и цвело, чтобы жизнь продолжалась, — не жалко было отдать свою жизнь».

В лице Ивантера мы потеряли настоящего писателя, очень нужного нам, писателя-бойца, который, как написали о нем в день его гибели фронтовые товарищи, «хотел все видеть сам, все перещупать своими руками». Пожалуй, не скажешь о нем лучше, чем сказано в этом полном любви и горечи письме:

«...Чудесный товарищ, бодрый, веселый, никогда не унывающий, не падающий духом. Человек с головой, уже тронутой сединой, но с глазами и сердцем юноши. Коммунист, которому близки дела и думы каждого бойца... Писатель, беспредельно любящий людей, не пощадивший для их счастья и свободы самого дорогого — жизни!»

Ю. Новикова

Рассказы о героических годах

Я сидел в сквере и читал книжку. Книжка мне нравилась.

В ней говорилось о ребятах, которые жили лет сорок — сорок пять назад.

...Дует мокрый ветер, шатаются под ногами ржавые скобы, а Ленька все лезет и лезет с красным флагом по высокой заводской трубе. Холодно, пальцы на ветру коченеют, больно сгибать их, но стачечный комитет доверил мальчику это трудное дело. Подтягиваясь на руках, он лезет все выше и выше, маленький, щуплый, а вокруг — ночь, а под ногами — пропасть, сорвешься — только мокрое место останется. Но Ленька не струсил, Ленька добрался до вершины трубы и проволокой прикрутил к громоотводу стержень с красным революционным флагом.

...Конные жандармы подъезжают к дому, где живет девочка Нюта с матерью — членом подпольной большевистской организации. У матери Нюты хранится резиновая печать, которую нужно немедленно спрятать. Но куда? Везде найдут ее жандармы: и в поддувале печки и в матраце... И вот, когда жандармы уже привязывали к изгороди лошадей, мать поспешно достает клубок черной шерсти и сует его Нюте вместе с печатью.

— Обматывай печать. Быстрей, доченька, быстрей, милая! А я их задержу.

Девочка понимает, что судьба матери и ее друзей-подпольщиков зависит сейчас от проворства ее пальцев. Жандармы уже на крыльце, они колотят сапогами в дверь, хрустят тонкие доски, вот-вот дверь распахнется. Нюте страшно, но пальцы ее мотают и мотают шерстяную нитку. И вот печать обмотана вся, девочка бросает ее в коробок. Пусть теперь входят жандармы, не догадаться им, где спрятана печать коммунистов-подпольщиков!

Читаешь эти коротенькие рассказы — и перед тобой встают те суровые годы, ушедшие в легенды и песни, годы подпольной борьбы, революции, гражданской войны... Читаешь эту книжку и вместе с веселым, отчаянным мальчишкой Гринькой помогаешь двум большевикам, Денисову и Шубину, пройти в поселок Манжонка и выплатить шахтерам получку, которую придержал управляющий шахтами Ликонт; и вместе с Сашей Левановой, девушкой великого мужества и стойкости, арестованной деникинцами, бросаешь на допросе в лицо белогвардейцам: «Нет! Нет! Нет!»; и вместе с детьми шахтеров по просьбе старого забойщика Прохора Герасимовича зарываешь в тлеющую породу терриконов газовые трубы с водой и забиваешь их тряпками и заглушками.

Ночью в трубах закипит вода, трубы откроют стрельбу, полицейские всполошатся, а тем временем грузовик с оружием для восстания благополучно минует полицейский пост...

Я читал эту книжку и думал: тем, кому сейчас десять — двенадцать лет, наверное, просто трудно поверить, что сорок лет тому назад все в нашей стране было не так, как сейчас. Леса и поля, озера и реки, шахты и заводы, где работали наши отцы и старшие братья,— все это принадлежало капиталистам и помещикам, и сколько же нужно было иметь отваги, находчивости и воли, сколько нужно было пролить крови, чтоб вернуть их трудящимся людям, единственным хозяевам земли!

Об этом никогда нельзя забывать. Надо любить свою землю, с детства готовить себя к большим делам, быть достойным тех храбрых, нестибаемых людей, которые сорок лет назад вершили Великую Октябрьскую революцию...

Я держал в руках эту книжку, и со страниц ее смотрели решительные бойцы в буденовках, с винтовками и шашками, неустрашимые донецкие шахтеры, славные мальчишки и девчонки того героического времени.

Прочитайте ее и вы, ребята. Называется книжка «Рассказы старого шахтера», написал ее писатель Михаил Коршунов.

А. Мошковский

Поиски и открытия

Литературовед... Слово какое-то ученое, специальное, и, наверное, многим из вас за этим словом представляется этакий суховатый затворник, живущий в спокойном и тихом мире книг.

Но вот вы берете книжку Ираклия Андроникова «Рассказы литературоведа», читаете первый рассказ, «Портрет», и сразу же становитесь свидетелем настойчивых исканий, неожиданных встреч и увлекательных приключений.

Автор рассказов — известный писатель и специалист по изучению жизни и творчества Лермонтова — предстает перед вами настоящим следопытом, решающим задачи куда труднее и благороднее, чем приходилось решать Шерлоку Холмсу.

Сколько нужно было знаний, энергии, настойчивости и смекалки, чтобы по случайно обнаруженной фотографии с портрета молодого человека разыскать этот портрет и доказать, что на нем изображен не какой-нибудь офицер, а именно Лермонтов!

Десятки людей помогали автору в его поисках: музейные работники, библиотекари, художники, рентгенологи, знаток русского военного мундира, ученый-криминалист — один из основателей судебной фотографии — и многие другие. Настойчивость автора и помощь этих людей не пропали даром: в результате советская наука обогатилась еще одним портретом Лермонтова, а почитатели великого поэта, придя в Литературный музей в Москве, увидят теперь, каким был Лермонтов весной 1839 года, спустя год после того, как его сослали на Кавказ.

Наука не терпит одних предположений, она требует веских доказательств. И Андроников показывает, путем каких остроумных исследований и поисков удается иногда ученому доказать правильность своих мыслей.

«Загадка Н. Ф. И.» — так называется второй рассказ. Вместе с автором читатель опять решает сложную задачу: раскрывает таинственные инициалы «Н. Ф. И.», стоящие над многими стихотворениями Лермонтова; проясняет облик Натальи Федоровны Ивановой, восстанавливает цикл стихов, ей посвященных; обнаруживает новые, дотоле неизвестные стихи этого цикла.

Ученый, пока, что называется, докапывается «до корня», претерпевает массу приключений, испытывает многочисленные разочарования и надежды, радуется интересным встречам и знакомствам, большим и маленьким открытиям.

В книге Андроникова есть страстное увлечение, настоящая влюбленность в свое дело, и вы, читая эту книгу, несомненно, тоже увлечетесь, и многие из вас станут ценить и любить профессию литературоведа, увидят за ней жизнь, наполненную истинно творческим трудом и подлинной романтикой.

Хочется горячо порекомендовать вам эту книгу.

П. Куприяновский,
кандидат филологических наук.

Об английских детских журналах

Глин ДЕВИС

Здесь перед вами обложки четырех очень популярных в Великобритании детских журналов. Все они выходят раз в неделю. Журнал «Игл» («Орел») — для мальчиков 10—15 лет, журнал «Гёрл» («Девочка») — для девочек того же возраста. Два других журнала, «Свифт» («Стриж») и «Робин» («Малиновка»), рассчитаны на детей младшего возраста — от 7 до 10 лет.

Сейчас журналы эти хорошо знакомы детям Англии. Но возникли они сравнительно недавно. «Орел» — самый старший из них: «родился» в 1950 году. Создателем и первым редактором этого журнала был священник Мариус Моррис. Он создал свой журнал со специальной целью противопоставить его американским «комиксам ужаса», которые в то время наводнили Англию.

Вы, наверно, не очень хорошо представляете себе, что такое «комиксы», поэтому я вам о них немного расскажу.

«Комиксами» обычно называют небольшие книжечки, состоящие из картинок и коротких подписей к ним. Иначе говоря, «комикс» — это рассказ в картинках.

О чем рассказывают эти картинки? Кого изображают они? Какие дела прославляют?

Американские «комиксы» почти сплошь посвящены одной теме. Эта тема — убийство. Кто бы ни был героем очередного «комикса» — преступник, ускользающий от полицейского, или полицейский, совершающий чудеса ловкости в погоне за преступником,— без убийства, а то и нескольких убийств дело не обходится. Культ грубой силы, презрительное отношение к культуре человечества, презрительное отношение ко всем народам, кроме американцев,— вот какие идеи насаждали и насаждают американские «комиксы».

Во время войны «комиксы» хлынули из Америки в Англию широким потоком. Они почти совершенно вытеснили из обихода многих английских детей обыкновенные книги.

Лучшие люди Англии были очень встревожены, видя, какое вредное влияние оказывают «комиксы» на детей. Началось движение протеста, во многих городах страны были созданы комитеты борьбы с «комиксами». Движение охватило всю страну. В результате около двух лет назад парламент решил запретить ввоз «комиксов ужаса» в Англию.

Однако «комиксы» в это время уже завоевали огромную популярность. Они привлекали читателя своей яркостью, красочностью, мастерством рисунка, высоким качеством технического исполнения.

«Комиксам» нужно было что-то противопоставить.

Журнал «Орел», созданный Моррисом, был первой попыткой заменить «комиксы». Попытка имела успех. Этот успех был так велик, что год спустя то же издательство, «Халтен», стало выпускать журнал «Девочка», а несколько позже — журналы «Стриж» и «Малиновка».

Эти журналы тоже называют в Англии «комиксами». Но с «комиксами» у них общее только то, что преобладают в них в основном рассказы в картинках.

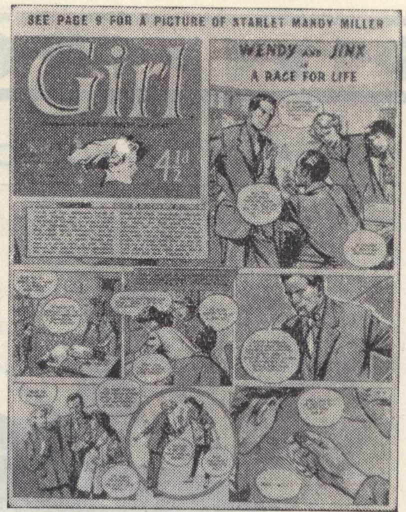
Основатели этих журналов привлекли на свою сторону лучших художников, использовали новейшие способы печати. Они стараются сделать все, чтобы их журналы по технике исполнения не уступали американским «комиксам». Но содержание этих журналов не имеет ничего общего с «комиксами ужаса». Рассказы в картинках, которые помещаются в этих журналах, всегда глубоко моральны, они воспитывают в детях благородные человеческие качества.

Цель этих журналов — дать детям интересное, увлекательное чтение, которое может заполнить их досуг, но не отобьет охоту от чтения другой, более серьезной литературы. Создатели журналов исходят из того, что «комиксы», даже если они интересны и благородны по содержанию, не могут заменить книги.

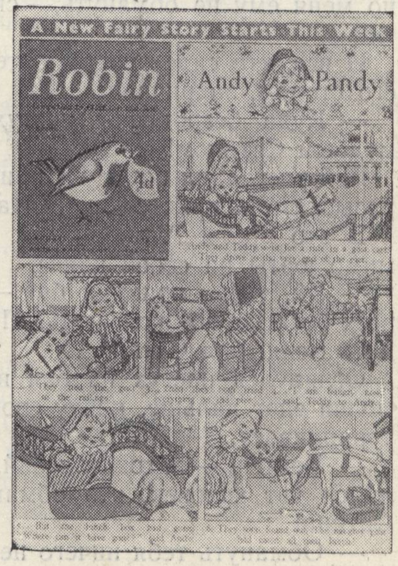
В журналах для детей постарше («Орел» и «Девочка»), помимо рассказов в картинках, помимо всякого рода фактических сведений, печатаются рецензии на лучшие произведения художественной литературы для детей.

Журналы «Стриж» и «Малиновка», рассчитанные на совсем маленьких читателей, помогают детям научиться хорошо, свободно читать. Журнал «Малиновка» специально для этого предназначен: подписи к картинкам там очень короткие — не больше одной строчки, в них часто повторяются одни и те же слова, время от времени понемногу добавляются новые.

Журналы «Орел», «Девочка», «Стриж» и «Малиновка» сыграли большую роль в борьбе против засилья американских «комиксов». Те средства, которые в «комиксах ужаса» служат для воспитания низких и темных инстинктов, создатели этих журналов поставили на службу благородным целям.

Х А К А С С К И Е С К А З К И

Рисунки О. Зотова.

КАК БЕДНЯК БАЯ ОБМАНУЛ

Бай Сатин считал себя самым умным и самым хитрым во всей округе. Но вот по улусу прошла молва: приехал с гор пастух Айдолай, который всех богатых обманывает.

— Не знаю, как он других обманывает, но меня ему не обмануть,— сказал бай Сатин.

И все, кто сидел в его юрте, ел и пил за его столом, закричали:

— Куда безродному пастуху тягаться с мудрым Сатином!

Бай разгладил бороду и приказал батраку разыскать и привести пастуха.

В это время Айдолай как раз проезжал мимо юрты на своей кляче.

— Эй, ты! — крикнул бай.— Ты, говорят, всех богатых обманываешь? Попробуй обмануть меня, бая Сатина...

Оглянулся пастух на бая и его гостей и молча едет дальше, клячу свою плеткой поторапливает.

— Боится! — захохотал бай.— Еще не родился тот человек, кто обманет меня, бая Сатина!

— Обмануть тебя ничего не стоит,— ответил пастух.— Только я сейчас тороплюсь. Красное озеро за ночь высохло, вот я и спешу рыбу собрать, пока она не испортилась. Надо на зиму запас сделать. А на обратном пути, если хочешь, я тебя обязательно обману.

Услышали гости о рыбе и кинулись к своим коням, а бай закричал на батраков:

— Чего смотрите, берите мешки, запрягайте повозки, несите лопаты — едем быстрей, а то всю рыбу подберут!

Немного времени прошло. Из улуса по дороге к озеру поскакали всадники, поехали повозки. Обогнали они пастуха Айдолая. Приехали к озеру. А оно не только не высохло, но от осенних дождей еще шире стало. Айдолай по дороге мимо едет, ни на кого не смотрит.

— Эй, ты, врун на сивой кляче, какая мать тебя родила? Какой отец человеком вырастил?!— закричал бай.

— Зачем ругаешься? Ведь ты сам просил, чтобы я тебя обманул,— сказал Айдолай и проехал мимо.

С тех пор рассказывают в народе, как умный пастух проучил хвастливого бая.

ДВА БРАТА

Жили два брата. Один бедный, другой богатый. Однажды пришел богатый брат к бедному и говорит:

— Иди ко мне работать. Отработаешь день, пока солнце светит, мешок хлеба получишь.

— Ладно,— согласился бедный брат.

Проработал день от зари до зари, пришел плату получать.

— День,— говорит,— кончился. Плати.

— Нет. День еще не кончился,— ответил богатый.— У солнца младший брат есть. Видишь месяц на небе? Он и есть младший брат. Вот когда месяц зайдет, приходи.

Проработал бедный брат всю ночь. Перед тем, как солнцу взойти, пришел домой, взял мешок с распоротым дном и снизу к нему второй мешок пришил. Приходит к богатому брату.

— Постой-ка, да ведь у тебя, кажется, два мешка? — спросил богатый брат.

— Если у солнца есть младший брат, так почему же мешку младшего брата не иметь? — ответил бедный.

Делать нечего. Пришлось богатому два мешка зерна отдать. Перехитрил его бедный брат.

БАЙ И ЗМЕЯ

Жил один бай. Как-то раз взял он ружье и палку и отправился на охоту. Шел он по берегу реки. Видит, в степи трава горит, дым над землей стелется. В дыму змея ползет, от огня спасается. Подползла змея к баю и говорит:

— Спаси меня, а я тебя всем звериным языкам научу.

Подумал бай: спасти змею нетрудно, отчего ее не спасти, плата за услугу хорошая.

— Только без обмана,— сказал он и положил змею за пазуху.

Ушел бай от огня. Говорит змее:

— Теперь вылезай и не забудь свое обещание выполнить — звериным языкам меня научить.

Змея крепко обвилась вокруг его шеи. Высунула голову и шипит:

— Зачем мне вылезать?! Я тебя сейчас в лоб ужалю. Вот и будет тебе моя плата.

Испугался бай:

— Я тебя от смерти спас! Почему за добро злом хочешь заплатить?

— А ты когда-нибудь за добро добром платил? Или, может быть, слышал, чтобы другие баи за добро добром платили? — ехидно спросила змея.

Стал вспоминать бай и не вспомнил ничего такого.

— Пойдем берегом реки,— предложил он,— у тех, кто попадется нам навстречу, будем спрашивать. Если из трех встречных ни один не слышал, чтобы баи за добро добром платили, тогда ужалишь.

Пошли они над рекой. В тальниках стояла старая лошадь. Голову опустила, нижняя губа отвисла. Стоит, дремлет.

— Рассуди нас, лошадь,— сказал бай.— Спас я змею от пала, а она хочет меня ужалить, говорит: «Баи тоже за добро добром не платят».

— Правильно она говорит,— ответила лошадь.— Пока я молода была, служила одному баю, возила его на себе. А когда состарилась, не нужна ему стала. Зубы у меня выпали, хожу голодная, смерти жду.

Обрадовалась змея, говорит:

— Моя правда,— и приготовилась жалить.

— Погоди, еще двоих спросим,— ответил бай.

Пошли дальше. Навстречу собака бежит. Шерсть на ней вылезла, глаза от старости не видят.

Спросил бай собаку, не слыхала ли она, чтобы бай за добро добром платил.

— Нет, не слыхала,— сказала собака.— Пока я была молодой и сильной, стерегла от волков овец. Сколько бед натерпелась, сколько драк с волками выдержала, ни одной овцы не упустила! А вот состарилась, и выгнал меня богатый хозяин... Не нужна ему стала.

Бай пошел, повесив голову. Змея покрепче вокруг шеи обвилась, говорит:

— Зря ходишь. Давай ужалю тебя, и делу конец. Не было случая, чтобы богатый помнил о сделанном ему добре.

Смотрит бай, на бугре лисица мышкует.

— Погоди,—говорит бай змее.— Вот еще ее спросим... Эй, лисица! — крикнул бай.— Не знаешь ли ты бая, который за добро добром заплатил?

Подошла лисичка, хвостом крутит, улыбается.

— Зачем это вам знать?— спрашивает.

— Да вот я спас змею, а она хочет меня ужалить, говорит, за добро добром ни один бай не платит...

— Ты, что же, змея, хочешь во всем быть на бая похожей? Тогда встань, как и он, на землю, а потом и ужаль его.

Встала змея на хвост и потянулась жалить, а лисичка на палку подмигивает. Догадался бай да как хватит змею палкой по шее, так и перебил ее на две части.

— Вот видишь,— говорит лисичка,— я тебя от смерти спасла. Помогла змею убить. Смотри, не забудь этого!

Лисичка бегает вокруг бая, хвостом виляет. Посмотрел бай, а шкура у лисички так и полыхает огнем. Разгорелись у него глаза, стал он снимать ружье. Да где ему лисицу перехитрить! Прыгнула она на бугор и кричит оттуда:

— Теперь всем расскажу, как баи за добро платят!..

Недаром говорят бедняки: «С богатым говори, а за пазухой кинжал держи».

Перевел и обработал Б. Балтер.

Осень в лесу

А. ГОНТАРЬ

Осень лесу каждый год
Платит золотом за вход.
Поглядите на осину:
Вся одета в золото,
А сама лепечет:
— Стыну! —
И дрожит от холода.

А березка рада
Желтому наряду:
— Ну и платье! Что за прелесть!
Быстро листья разлетелись.

Наступил мороз внезапно,
И березка шепчет:
— Зябну...

Прохудилась и у дуба
Позолоченная шуба.
Спохватился дуб, да поздно.
И шумит он:
— Мерзну! Мерзну!

Обмануло золото:
Не спасло от холода!

Перевел с еврейского
В. Берестов.

Здесь не скучают

Ю. СОТНИК

Фото автора.

— Эх, жаль, что вы не были летом: сняли бы, как мы в поход ходили, в туристском слете участвовали!

— Эх, жаль, что вы не приехали той зимой! Мы дружили с одним детским домом, а ребята должны были на дачу выехать на зимние каникулы. Наши пионеры поехали за город, добрались ночью на лыжах до их пустой еще дачи и оставили там подарки к Новому году. Вот бы сняли их тогда!

— Эх, жаль, что вы на недельку не задержались, а то бы праздник наш сфотографировали: годовщину присвоения дружине имени XX съезда КПСС!

— Эх, жаль, что вы не сняли наших шахматистов, когда они в районных соревнованиях участвовали!

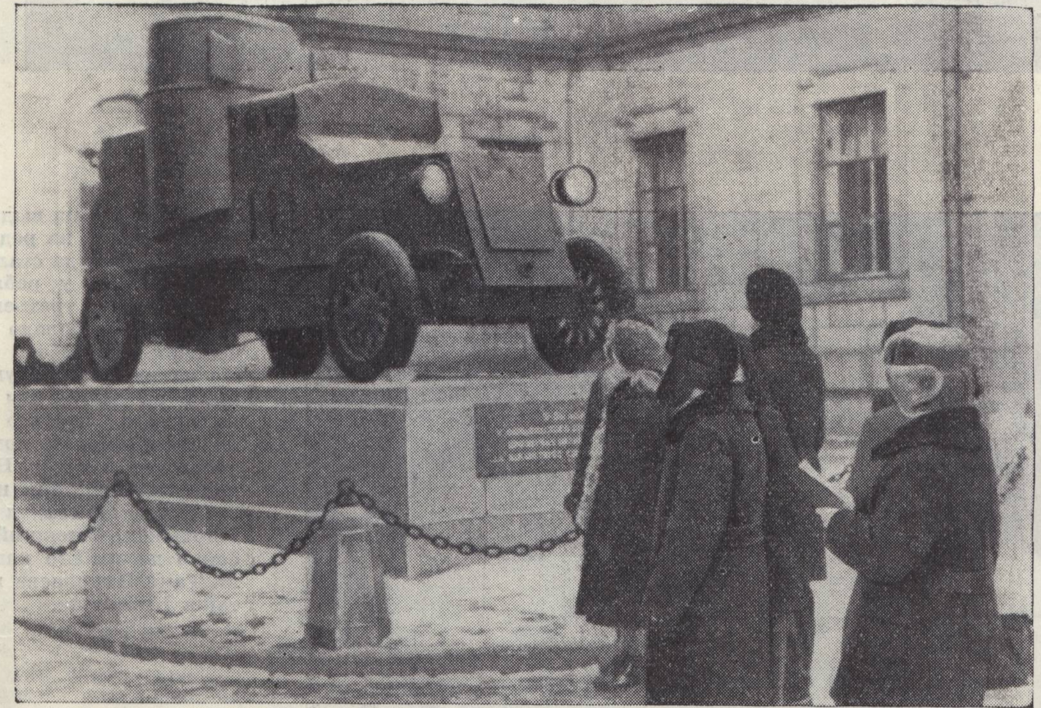
— Эх, жаль, что вы не сняли, как мы металлический лом собирали!

— Эх, жаль!..

Это «Эх, жаль...» я слышал от ребят все время, пока находился в 296-й ленинградской школе. Но что я мог поделать! Интересных дел у них так много, что для того, чтобы снять их все, пришлось бы сделаться штатным фотографом этой школы.

Я сфотографировал лишь то, что успел.

Среди пионеров 296-й школы многие любят путешествовать. Каждое лето десятки ребят отправляются в туристские походы, зимой они устраивают лыжные вылазки за город. Однако, и не выезжая из Ленинграда, они часто совершают увлекательные экскурсии. Ведь Ленинград — своего рода живой памятник, где множество улиц и площадей связано с воспоминаниями о великих исторических событиях.

Вы все, наверное, видели репродукции с картины, где Ленин изображен произносящим речь с броневого автомобиля.

«По пути ленинского броневика» — так называется сбор, который провели уже несколько отрядов этой дружины.

Эти сборы ребята обычно начинают на площади Финляндского вокзала, где 3 апреля 1917 года тысячные толпы рабочих встречали вернувшегося из эмиграции вождя; здесь и выступал Ильич с броневика, отсюда поехал на броневике в город.

Слушая рассказ вожатого о Ленине, о волнующих днях, предшествовавших Великой Октябрьской революции, ребята проходят по ленинградским улицам, переулкам, по которым следовал броневик с Владимиром Ильичем, всюду с восторгом встречаемым революционным пролетариатом...

...И вот они у здания Музея Ленина.

Перед их глазами — установленный высоко на каменном постаменте знаменитый ленинский броневик.

Прошлая зима выдалась в Ленинграде на редкость сырая. Простуда стала частым гостем у ребят. В одном только третьем «В» за зиму переболело семь человек. Но ребята хорошо наладили «скорую помощь на дому». Вы сами понимаете, что это была не медицинская помощь, а помощь в учебе. Благодаря этой помощи не отстал от класса и Боря Мартынов, болевший особенно долго. Его навещали Таня Николаева и Наташа Клименко.

Четвероклассники испытывали друг друга в умении приготовить обед. Как видите, первая каша, сваренная Валериком Пурышевым, получилась не очень-то вкусной.

Этот снимок сделан в детском саду, над которым шефствуют ребята 296-й школы.

Малыши всегда с восторгом встречают своих шефов. Пионеры дарят им самодельные игрушки, рассказывают сказки, играют в разные игры.

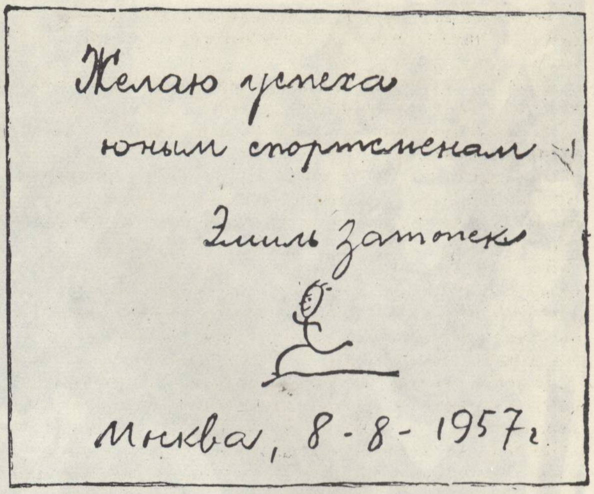
Перед тем, как превратиться в «коней», Боря Кравченко и Валерик Тустарович занимались с малышами более серьезными делами: читали им книжки.

Школьные артисты пользуются успехом не только среди учеников. Им аплодировали и взрослые, когда они выступали перед рабочими типографии имени Федорова. Помимо танцоров, в дружине есть и веселые конферансье, и музыканты, и певцы.

В день моего приезда танцоры репетировали, одетые как попало. Но уже на следующий день я смог сфотографировать Вову Сниткова в специальном костюме для румынского танца.

Материала для таких костюмов ребята накупили тридцать два метра, а деньги на материал заработали сбором макулатуры.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Есть такое выражение: «Лучшая из теорий — сама практика». Это применимо и к спорту. Скажем, когда вы видите человека с хорошей мускулатурой, гибкого, быстрого, здорового, вы наверняка можете сказать, что этот человек хорошо и правильно занимался спортом.

Впрочем, надо оговориться. Так можно сказать только в том случае, если этот человек уже взрослый. Пусть вас не удивляет моя оговорка. Мне ее подсказывает тоже практика.

Я расскажу вам про одного моего знакомого. В шестнадцать лет он пробегал 1 500 метров почти за 4 минуты. И многие утверждали, что он станет одним из лучших бегунов мира. Но в двадцать лет он пробегал ту же дистанцию уже за 4 минуты и 30 секунд, а в двадцать пять совсем сошел с дорожки. Он так перетренировался, что вынужден был бросить спорт.

Вот в том-то все и дело: тот, кто в вашем возрасте чрезмерно увлекается особенно одним каким-то видом спорта, тот, пожалуй, никогда не станет хорошим спортсменом...

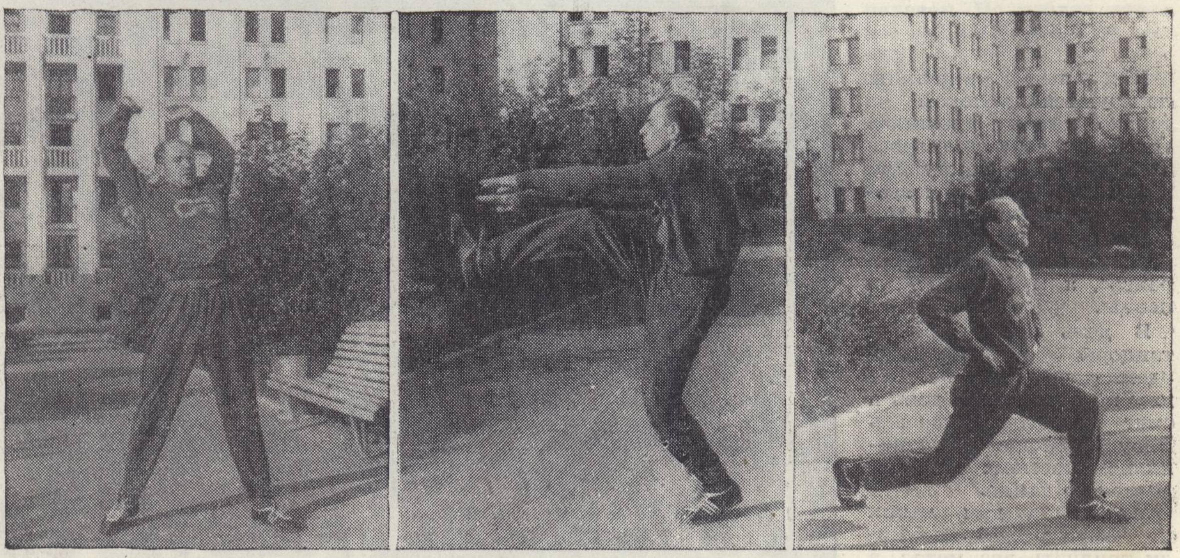
А всем нам, старшему спортивному поколению, очень хочется, чтобы вы — наша смена — выросли крепкими, сильными и стали спортсменами.

Для этого вам необходимы две вещи. Вы должны их хорошо запомнить и точно выполнять: во-первых, заниматься спортом, во-вторых, не заниматься им через силу, слишком много.

Заниматься спортом с большим напряжением сил очень опасно, потому что в детстве вам трудно еще выбрать «свой» вид спорта, тот, который больше всего вам подходит, в котором у вас будут лучшие успехи. Это можно сделать только лет в восемнадцать.

Зарядка

Фото А. Бочинина.

Трудно поверить, глядя на эти фотографии, что через час Эмилю Затопеку нужно спешить на аэродром. Знаменитый мировой рекордсмен улетает к себе на родину, в Чехословакию. Но Затопек не может начинать свой день без зарядки. Вот и в Москве, на фестивале, в такие необычайные, праздничные дни он не изменил своей привычке. Присмотритесь к упражнениям, которые делает Затопек; они очень просты и,

Занимайтесь зимой и лыжами и коньками, летом — и баскетболом, и плаванием, и легкой атлетикой.

Легкую атлетику я сам очень люблю и знаю, как помогает она общему развитию человека.

И, конечно, обязательно нужно делать каждое утро зарядку.

Она даст вам не только физическое развитие. Необходимость придерживаться точного распорядка времени поможет вам воспитать и характер.

Все считают — и это правильно,— что спортсменам нужна воля, твердый характер, но я знаю, что многие из вас думают, будто воля в том, чтобы сделать какие-то героические усилия во время соревнований. Нет. Воля гораздо нужнее спортсмену в ежедневных занятиях, а не раз от разу. Сумейте не нарушать режим дня и делать зарядку — и я скажу, что у вас есть воля!

Но все же, если все сходятся на том, что спортсмену необходим характер, то совсем не все понимают, как важна для победы в спорте интеллигентность, широко развитый, гибкий ум. Спортсмен не может жить только спортивной жизнью.

Я не верю, что человек добьется крупных побед, если он не ходит на концерты, не любит книги, не увлекается техникой или гуманитарными науками. Такой человек не станет крупным тактиком, а без этого в спорте не сделаешь ничего. Его всегда обгонят люди попросту более умные.

И что еще очень важно для победы в любом виде спорта и для развития любого спортсмена — это не быть одиночкой.

Это вам скажет любой крупный спортсмен.

Когда-то высота в два метра для прыгунов была непреодолимой. Но ее перешел один, потом другой прыгун, и теперь это кажется обычным. Теперь этому научиться гораздо легче.

На фестивале я смотрел, как Болотников бежал 10 тысяч метров. Он бежал и первый и последний круг, после того как уже было пройдено девять с половиной километров, за 60 секунд. Я восхищался. Но я знаю, что не будь Куца, не будь целой школы советских бегунов, для Болотникова это вряд ли было бы возможно.

Вот я и вам советую. Если вы, лично вы, мальчик или девочка, читающие эти строки, хотите стать спортсменом, вы должны помочь создать в своей школе сильный коллектив.

А то бывает такая смешная вещь. В районе, где неважно поставлен спорт, какой-то один школьник вдруг выдвигается в чемпионы. Он не способнее других... Но он попадает на городские состязания, потом его везут в другой город! А зачем его возить? Отрывать от занятий в школе, которые ему гораздо важнее... Есть для него равные соперники и в его школе и, может быть, в его дворе. Просто о них пока не знают.

Мне всегда жалко этих маленьких чемпионов. Ведь они-то воображают, что они единственные таланты...

Если кто-нибудь из вас тоже числится таким чемпионом, очень вам советую: ищите себе соперников, как можно больше людей привлеките к спорту.

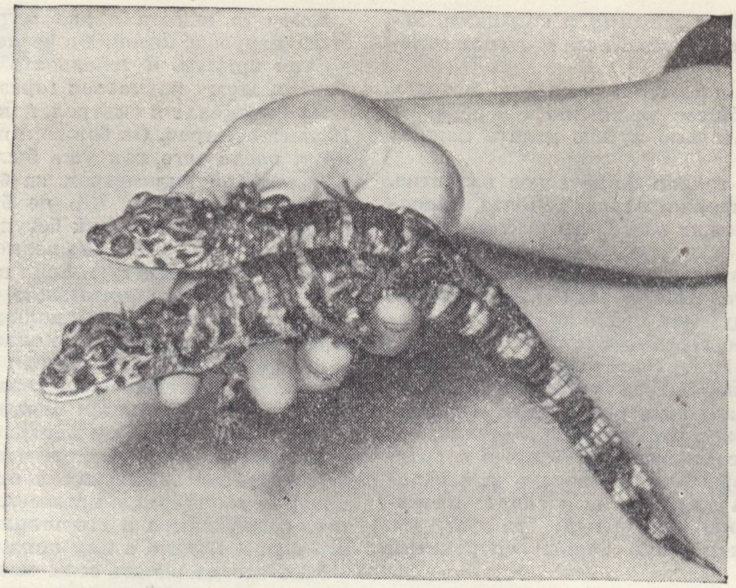
Я уверен: будет спортивный коллектив — все вы вырастете спортсменами и, что еще важнее, здоровыми, крепкими людьми.

Эмиль Затопек

Затопека

наверное, знакомы каждому из вас. Но, проделав их, чувствуешь, как крепче становятся мускулы, свободнее дыхание. Эти упражнения полезны любому спортсмену. Для бегунов особенно важны третье и пятое упражнения. Нет бегуна, у которого было бы такое количество мировых рекордов, как у Затопека. Но зарядка для Затопека, ставшего знаменитым на весь мир, все равно необходима так же, как и много лет назад.

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

Фото Ан. Анжанова.

Несколько лет назад, путешествуя по Южному Китаю, я нашел на берегу реки, в песке, дюжину больших белых яиц в твердой известковой оболочке. Они были похожи на гусиные. Стояла страшная жара, термометр показывал сорок градусов. Укрывшись в тени ближайшего дерева, я стал наблюдать, но никаких птиц поблизости от гнезда мне обнаружить не удалось.

Чьи же это яйца?

Приложив одно из них к уху, я услышал в нем легкое биение и толчки. Значит, в яйце живое существо, птенец, который вот-вот вылупится.

Жизнь ощущалась и в других яйцах. Я осмотрел гнездо и убедился в том, что оно мало похоже на птичье: в нем не было обычных веточек, травинок и пуховой подстилки. Яйца лежали в ямке, засыпанной песком. Положив их обратно, я снова спрятался. Больше двух часов дожидался я хозяина гнезда, но он так и не появился. Тогда я решил захватить находку с собой.

Дома я взял большой глиняный горшок, на дно его насыпал песку, положил яйца, сверху присыпал их сухими листьями и накрыл горшок стеклом. Получилось нечто вроде инкубатора. Я вынес его в сад и поставил на хорошо обогреваемое солнцем место.

Яркие лучи южного солнца разбудили меня на рассвете. Я быстро вскочил и побежал к инкубатору. Снял стеклянную крышку, разгреб листья и... вместо птенцов увидел на песке в инкубаторе несколько довольно крупных ящериц. Что же это такое? Может быть, ночью ящерицы приподняли стеклянную крышку, залезли в сосуд, а вылезти обратно не смогли? Ящериц вокруг моего дома водилось множество...

Внимательно рассмотрев ночных пришельцев, я все понял: передо мной были не ящерицы, а маленькие крокодильчики. Гнездо на берегу реки принадлежало аллигаторам — крокодилам, обитающим во многих реках Южной Азии.

Мне не удалось привезти в Москву новорожденных. Но недавно к нам приехали китайские друзья из Пекинского зоопарка. Они преподнесли мне небольшую деревянную шкатулку с надписью, сделанной китайскими иероглифами. В переводе на русский язык она звучала так: «Это вы забыли на берегу реки Ян-Цзы».

Ехидна.

Утконос.

Я осторожно открыл крышку шкатулки и увидел двух совсем маленьких крокодильчиков, сантиметров 25 в длину. Они оказались такими подвижными, юркими, что их с трудом удалось сфотографировать. Сейчас они живут в Московском зоопарке и чувствуют себя хорошо. Они охотно поедают кусочки свежего мяса, мелкую рыбешку и насекомых.

Крокодилы — самые крупные пресмыкающиеся животные, обитающие на земном шаре в наше время. Распространены они в Южной и Северной Америке, в Африке и в Южной Азии. Некоторые виды крокодилов достигают в длину шести — семи метров. Все крокодилы — хищники, питаются они рыбой, различными водными животными, нередко подкарауливают на берегу птиц и млекопитающих, приходящих на водопой. Они опасны и для человека.

На крокодилов охотятся ради их шкуры, из которой выделывается прочная и красивая кожа. Из кожи делают обувь, чемоданы, пояса, куртки и перчатки. В США есть даже фермы, где разводят крокодилов для этой цели. Жители многих стран едят яйца крокодилов. Меня угощали яичницей из яиц аллигаторов, и могу сказать, что она вполне съедобна.

А кто еще размножается яйцами, кроме крокодилов (и, конечно, кроме всех птиц)? Ящерицы, змеи, черепахи, а из млекопитающих — живущие в Австралии, Новой Гвинее и Тасмании ехидны и утконосы... Свои маленькие яйца ехидны и утконосы вынашивают в сумках—кожных складках на животе,— а некоторые высиживают их. Вылупившихся из яиц детенышей они выкармливают жидкостью, подобной молоку.

И. П. Сосновский,
директор Московского зоопарка.

Крокодилы прекрасно чувствуют себя в зоопарке.

В часы досуга

КАКИЕ МОНЕТЫ!

В каждой руке у меня по три монеты разного достоинства. Суммы монет как в правой, так и в левой руке одинаковы. Из левой руки я переложил в правую две монеты, а взамен из правой руки переложил в левую две другие. В результате в левой руке у меня оказалась сумма, в пять раз превышающая сумму монет в правой руке.

Скажите: какие монеты первоначально были в правой и в левой руке и какие из них были переложены?

Составил П. Молоков.

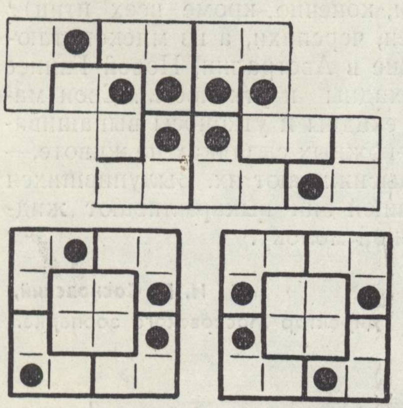
ПРОЧИТАЙТЕ, ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО

Вам, ребята, приходилось уже как-то разгадывать «загадочное письмо», составленное из таких же вот рисунков. Мы получили от Жени Селянина из города Таганрога еще одно «загадочное письмо», но еще более хитро составленное. Попробуйте-ка прочитать, что в нем написано.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, помещенные в №№ 8, 9

Восемь кружков

Грецкие орехи

У младшей сестры четное число орехов (их *вдвое* больше, чем у старшей). Значит, Оля не младшая сестра, так как у нее нечетное число орехов (*пять* она съела, а *четверть остальных* отдала).

Оля не средняя сестра: орехи она отдала средней сестре.

Старшую сестру зовут Оля.

Танец «полька»

Полька — чешский народный танец. Название его взято от чешского слова «pŭlka», что значит половина, в данном случае полшага (основное движение в этом танце).

Задача с нотами

Т-ля. У-фа. Си-г. До-н.

Загадочная надпись

Читая сверху вниз через одну букву, в первый раз начиная с буквы «и», а во второй раз начиная с запятой, прочитаете: «Идите левой дорогой, правая ведет к топи».

Два ребуса в одном

1. Кончил дело — гуляй смело.
2. За правое дело стой смело!

ПОПРАВКА

На IV странице обложки № 8 нашего журнала под значком 1-го Республиканского фестиваля пионеров Литвы ошибочно написано: «Фестиваль. Рига». Следует читать: «Фестиваль. Вильнюс».

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А.**, **Кассиль Л. А.**, **Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И.**, **Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П.**, **Сотник Ю. В.**, **Тимофеева Г. Я.**, **Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 07531. Подписано к печати 2/X 1957 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 1280. Зак. № 2248.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Пионеры и школьники!

А в вашей школе есть санпосты?

В каждой школе должны быть общешкольные и классные санитарные посты. Пост состоит из четырех человек (начальник и три члена санитарного поста). Общешкольный санитарный пост руководит работой классных санпостов, а также следит за правильным содержанием питьевых бачков или фонтанчиков, за чистотой в буфете, столовой, в коридорах, мастерских, физкультурном зале, на спортивной площадке и на всей территории школы.

Члены классного санитарного поста следят за опрятностью учеников и чистотой в классе.

Санитарные посты ведут дневники своей работы, а общешкольные санитарные посты, кроме дневника, ведут санитарный лист школы, в котором ежедневно проставляют оценки санитарного состояния классов.

Во время каникул члены санитарных постов проводят санитарно-оздоровительную работу в городских и загородных пионерских лагерях, а также в туристских походах.

Между санитарными постами проводятся внутришкольные, районные и городские соревнования — смотры. На этих смотрах юные активисты показывают свои знания медицины, гигиены и санитарии.

Члены санитарного поста должны уметь оказать «пострадавшему» первую медицинскую помощь. По дневникам санитарных постов, санитарным стенным газетам и бюллетеням на смотрах проверяется работа санпостов в школе.

Награды лучшим санитарным постам вручаются торжественно на слетах юных активистов Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

В каждой школе должна быть организация Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Она поможет вам, ребята, овладеть знаниями в объеме программы ГСО и БГСО. Вы научитесь помогать медицинским работникам, учителям, пионерским вожатым в санитарно-оздоровительной работе среди пионеров и школьников.

Овладев необходимыми знаниями в объеме программ ГСО и БГСО, вы в любое время сможете оказать первую медицинскую помощь себе и своему товарищу. Вы будете готовыми к санитарной обороне нашей Родины.

Исполнительный Комитет Союза Обществ
Красного Креста и Красного Полумесяца СССР

Цена 2 р. 50 к.

Это рисунки ребят, которые занимаются в изостудии Московского городского Дома пионеров.

Вверху — рисунок Лени Кацнельсона «Петроград в 1919 году».

Справа — рисунок Сережи Лукина «Маевка».